

П.В. Мультиатули,
А.А. Музафаров

Великая Отечественная война

Победа духа
и традиции

СЕРИЯ «ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ»

Книжная серия

- Тупики марксизма, социализма и коммунизма. 2017.
- А.А. Борисюк.** История России, которую приказали забыть. Николай II и его время. 2017.
- М.А. Фомин.** Шашка и крест графа Келлера. 2017.
- Графиня С.Д. Толь.** Масонское действо. Исторический очерк. о заговоре декабристов. 2017.
- Л.А. Тихомиров.** Монархическое начало власти. 2018.
- П.В. Мульгаули.** Император Николай II. Трагедия непонятого Самодержца. 2018.
- М.Б. Смолин.** Монархия или революция? Имперские письма к ближним. 2018.
- С.В. Перевезенцев.** Святорусское царство. История русской святости. 2018.
- Л.П. Решетников.** Русский Лемнос: исторический очерк. 2018.
- Л.П. Решетников.** Вернуться в Россию. 2018.
- П.В. Мульгаули.** Внешняя политика Императора Николая II 1894–1917 гг.: этапы, достижения, итоги. 2019.
- В.Г. Хандорин.** Мифы и факты о Верховном правителе России. 2019.
- М.Б. Смолин.** Имперская политология: поиск истины. 2019.
- Священномученик Иоанн Восторгов.** Христианство и социализм. 2019.
- И.Л. Солоневич.** Социализм, его пророчества и их реализация. 2019.

СЕРИЯ «ДУГЛАВЫЙ ОРЁЛ»

П.В. Мультатули,
А.А. Музафаров

Великая
Отечественная
война
Победа духа и традиции

Москва
Общество развития русского исторического просвещения
«Двуглавый орёл»
Издательство М.Б. Смолина (ФИБ)
2019

УДК 94(100)
ББК 63.3
М 90

М 90 П.В. Мультагули, А.А. Музафаров. Великая Отечественная война.
Победа духа и традиции — М.: Издательство М.Б. Смолина (ФИВ),
2019. — 184 с.

ISBN 978-5-7893-0252-1

Сегодня нет ни одного русского человека, который не воспринимал бы Победу в Великой Отечественной войне как общенациональную и одновременно свою личностную духовную святыню. Акция «Бессмертный полк», прошедшая 9 мая 2015 г. по всей стране, это великое поднявшееся снизу народное движение, лишний раз доказало, что Победа 1945 г. принадлежит нам, Великому Русскому Народу. Сегодня нужна правда о Великой Отечественной войне, правда о том, почему для нас она так страшно и тяжело началась и почему мы ее так победоносно завершили, каким образом из почти уничтоженной Красной Армии, родилась великая Армия-Победительница, сокрушившая «непобедимый» вермахт, освободившая Европу и взявшая Берлин. Великая Отечественная война является священной не только и не столько потому, что она стала самой кровавой и разрушительной войной, какую когда-либо вела наша Родина, но и потому, что в ходе нее ожила именно та священная идея, которой Россия жила веками.

© Мультагули П.В., 2016
© Музафаров А.А., 2016
© Издательство М.Б. Смолина (ФИВ), 2019
© Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл», 2019
© Бикашов Д.Е., оформление, 2016

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов опора на истинные ценности вдохновляла наш народ и наше воинство, помогала нам побеждать и помогла победить. Именно сила подлинной, исторической России — России Минина и Пожарского, Дмитрия Донского и Александра Невского, Сергия Радонежского и Серафима Саровского — сокрушила нацизм и спасла мир.

Президент В. В. Путин

Вступление

Великая Отечественная война, в той или иной степени, затронула каждую семью бывшего Советского Союза, оставила неизгладимую рану в душе многих поколений. Сегодня нет ни одного русского человека, который не воспринимал бы Победу в Великой Отечественной войне как общенациональную и одновременно свою личностную духовную святыню. Нельзя назвать гражданином того, кто не поклонится Брестской крепости, Мамаеву Кургану, разъезду Дубосеково, Пискарёвскому кладбищу, Сапун горе, Трептов парку, да и просто безымянной братской могиле возле никому неизвестной деревни. Не русский тот, у кого к горлу не подкатывает ком при виде солдат той далёкой войны, смотрящих на нас с фотографий и кинокадров, таких родных и близких, павших и выживших, ушедших и живущих. Не русский тот, в чьём сердце не живёт память о тяжких страданиях нашего народа. Эта не утихающая боль передаётся от отца к сыну, от деда к внуку, от внука к правнуку. Её, эту боль, хорошо передал А. Т. Твардовский в своём известном стихотворении:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь.
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

Акция «Бессмертный полк», прошедшая 9 мая 2015 г. по всей стране, это великое поднявшееся снизу народное движение, лишний раз доказало, что Победа 1945 г. принадлежит нам, Великому Русскому народу, великороссам, украинцам, белорусам, татарам, армянам, грузинам, чеченцам, азербайджанцам, евреям, и мы эту Победу никому никогда не отдадим: ни потомкам нацистских завоевателей, ни неовласовцам всех мастей, ни духовным наследникам тех, кто, прячась за спиной нашего народа, использовал его

подвиг для спасения своего режима, политической карьеры и просто в своих шкурных интересах. Тех, кто сегодня претендует на роль главных «защитников» Победы, главных «жрецов» созданного ими же «победного» культа. Но как показывает опыт, защищать Победу надо в первую очередь от них самих. Этот культ не имеет ничего общего с правдой о войне. Он призывает не к осмыслению священного подвига нашего народа, а к тому, чтобы возвысить Сталина и коммунистическую систему, которые якобы и «выиграли» войну. Нам же сегодня нужна именно правда о Великой Отечественной войне, правда о том, почему для нас она так страшно и тяжело началась и почему, несмотря ни на что, мы её так победоносно завершили. Мы должны понять, каким образом из почти разбитой, уничтоженной Красной Армии, родилась великая Армия-Победительница, сокрушившая «непобедимый» вермахт, освободившая Европу и взявшая Берлин.

Начиная с первых послевоенных лет и вплоть до крушения СССР, великую Победу Русского народа присвоила себе верхушка коммунистической партии, которая сначала персонифицировалась в образе «гениального» полководца «всех времён и народов» И. В. Сталине, затем в Н. С. Хрущёве, члене Военных советов Юго-Западного, Южного, Сталинградского, Воронежского и 1-го Украинского фронтов, затем в «руководителе» обороны Малой земли Л. И. Брежнев и под самый финал разложившейся советской власти — в «руководителе» партизанского движения в Карелии Ю. В. Андропове. Вокруг культов этих «гениев» строились культы реальных и мнимых героев, обязательно коммунистов или комсомольцев, умиравших с партбилетом в кармане. Образ верующего, православного человека — героя Отечественной войны напрочь отсутствовал в её официальной истории, хотя большая часть солдат и значительная часть командиров были крещёными верующими людьми. Архиепископ Иоанн (Шаховской) впоследствии так описывал своё посещение в 1942 г. офицерского лагеря в окрестностях Бад-Киссингена: *«В нём содержалось около трёх тысяч советских командиров, главным образом молодых лейтенантов; но были и штаб-офицеры — в особом здании... Можно представить себе моё удивление, когда среди этих советских офицеров, родивших-*

ся после Октября, сразу же организовался церковный хор, спевший без нот всю литургию. Приблизительно половина пленных захотели принять участие в церковной службе, общей исповеди и причастились Святых Таин. В этой поездке меня сопровождал отец Александр Киселёв, позднее настоятель Святого Серафимовского храма в Нью-Йорке. Мы остались под огромным впечатлением от этой встречи с несчастными, раздавленными и войной, и лишениями, и унижениями русскими людьми. По возвращении в Берлин я был немедленно вызван на допрос в гестапо, которое оказалось взволновано самим фактом нашего посещения этого лагеря по приглашению комендатуры...»¹.

В феврале 1942 г. нацистские власти с неохотой разрешили духовенству РПЦЗ (Русской Православной Церкви Заграницей) провести молебен в лагере для советских военнопленных. По этому поводу в переписке советского МИДа сообщалось: «Некоторые священники сообщали о своих впечатлениях в лагерях русских военнопленных и пришли к единому мнению: устроенные ими богослужения посещали 90–95 % обитателей лагеря. Вообще можно говорить о сильной религиозности военнопленных»². Аркадий Маковецкий в своём исследовании делает вывод: «Большинство советских военнопленных были верующими. По различным оценкам, на богослужениях в лагерях присутствовали от 50 до 95 % узников. Точно определить долю верующих, конечно, невозможно, но наиболее реальной представляется цифра в 65–70 %»³.

Поскольку через немецкий плен прошли миллионы советских граждан, то есть огромный пласт русского народа, можно с уверенностью говорить о том, что верующие составляли большинство и в Красной Армии. Это подтверждается материалами поисковых экспедиций. Так, 16 декабря 2005 г. петербургская газета «Смена» сообщала: «Вместе со смертными медальонами поисковики регуляр-

¹ *Архиепископ Иоанн (Шаховской)*. Установление единства. — М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006.

² *Маковецкий Аркадий, протоиерей*. Белая церковь. Вдали от атеистического террора. История Русской Православной Зарубежной церкви. — СПб: Питер, 2009. С. 68.

³ *Маковецкий Аркадий*. Указ. соч. С. 69.

но находят на местах бывших сражений нательные крестики, небольшие иконки, ладанки и множество других предметов, связанных с христианской верой. [...] Пытаясь скрыть святыни от политруков и сослуживцев-доносчиков, солдаты прибегали к самым разным хитростям. Хозяин одной из иконок [...] Георгия Победоносца смастерил для неё киот из куска гимнастерки и постоянно носил на груди»¹.

Между тем одним из догматов советского культа о войне являлось утверждение, что её героев воспитала Коммунистическая партия Советского Союза, «передовой» советский строй. За рамками этой установки оставалась трагедия плена, штрафных батальонов, ужас отступления 1941 и 1942 г., подвиг маленького человека, «капитана Тушина», который и вынес на своих плечах эту страшную войну. За мёртвыми фразами о массовом героизме исчезала трагедия выбора вчерашнего рассказанного, раскулаченного, репрессированного человека, когда вполне понятное желание отомстить советской власти сталкивалось с чувством долга, горячим желанием спасти Родину. Подавляющее большинство этих людей выбрало последнее, и зачастую воевало по меньшей мере не хуже, чем Коммунистические ударные батальоны.

Советская пропаганда представляла Великую Отечественную войну непохожей на другие войны, так как, якобы, это была не только Отечественная война, но также и война двух социальных, идеологических и экономических систем, социализма и капитализма, чьим «наиболее агрессивным» отрядом являлся фашизм, и в этой войне Советский Союз победил именно благодаря своей социалистической системе. Сталин, выступая в 1946 г. перед «избирателями», утверждал: *«Что касается нашей страны, то эта война была для неё самой жестокой и тяжёлой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины. [...] Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей Коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, — разглядите их внимательно и воздайте им по их де-*

¹ Андреев С. Советские солдаты тайно молились. Во время войны они носили с собой крестики и иконы // Смена. — СПб, 16 декабря 2005 г.

лам. [...] Война показала, что советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой, что советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества. Более того. Теперь речь идёт уже не о том, жизнеспособен или нет советский общественный строй, ибо после наглядных уроков войны никто из скептиков не решается больше выступать с сомнениями насчёт жизнеспособности советского общественного строя. Теперь речь идёт о том, что советский общественный строй оказался более жизнеспособным и устойчивым, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строи. Наша победа означает, во-вторых, что победил наш советский государственный строй, что наше многонациональное Советское государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность»¹.

В этом же духе писал и другой советский лидер, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Наша победа — это высокий рубеж в истории человечества. Она показала величие нашей социалистической Родины, показала всесилие коммунистических идей, дала изумительные образцы самоотверженности и героизма»².

До сих пор у нас продолжает господствовать неисторичный, антинаучный подход к Великой Отечественной войне, когда она вырывается из контекста общерусской истории, преподносится как нечто особенное, не связанное с другими её славными страницами. Справедливо рассматривая Великую Отечественную войну как проявление высочайшего подвига нашего народа, на примере которого выросли целые поколения, упускается её духовный, религиозный смысл. Между тем он просто необходим для понимания подлинных причин страшной трагедии, которую пережила наша Родина. Каждый верующий человек, неважно воцерковлён-

¹ *Сталин И. В.* Сочинения. Речь на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946. — М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 8.

² *Брежнев Л. И.* Малая земля. — М.: Детская литература, 1978. С. 95.

ный или нет, православный, мусульманин или иудей, не может не видеть в Великой Отечественной войне великий Промысл Божий. Если мы подойдем к ней с этих позиций, тогда становится ясен её глубокий смысл, понятно, почему на нашу страну обрушился невиданный по масштабности и количеству жертв всепожирательный огненный ураган. Да, можно говорить о стремлении Гитлера к мировому господству, о желании США и Англии видеть Германию и СССР обескровленными в противоборстве друг с другом, чтобы расчистить путь к англо-саксонскому контролю над миром и т.п. Но важнейшим моментом здесь было «Аз воздам» и искупительная жертва народа. Богоотступничество, убийство Божьего Помазанника, воинствующее, агрессивное безбожие, воцарившееся в СССР и приведшее к поруганию святынь, утверждение классовой ненависти как стержневого фактора взаимоотношений между людьми, ведущего к обожествлению человека, к попранию главного христианского принципа — любви к ближнему, всё это не могло не вызвать праведного гнева Божьего.

Советский Союз так далеко и, казалось, бесповоротно, удалялся от миссии Святой Руси, которую несли миру и Московское Царство, и Российская Империя, что остановить этот процесс могло лишь сильнейшее потрясение, во время которого люди отдавали бы жизнь или рисковали ею не за придуманный рай на земле — социализм-коммунизм, а за духовно-нравственные цели — Отечество и самое главное «за други своя»¹.

Великая Отечественная война является священной не только и не столько потому, что она стала самой кровавой и разрушительной войной, какую когда-либо вела наша Родина, но и потому, что в ходе неё ожила именно та священная идея, которой Россия жила веками и которую оставил всему человечеству Сам Господь Иисус Христос: *«Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя»* (Ин. 15,13).

Признание Победы 1945 г. как великой Милости Божией, проявленной к жертвенному подвигу Великой Отечественной войне

¹ *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадежности. — М.: ФИВ, 2013. С. 173-174.

Русского народа, вовсе не означает сокрытия чудовищных ошибок и преступлений, которые были совершены сталинским руководством в отношении нашего народа. Не нужно в который раз лакировать действительность, бесконечно говоря о Подвиге, и забывая какой ценой этот Подвиг был достигнут. Между тем сегодня со стороны духовных наследников сталинизма звучат истеричные крики о недопустимости «подсчитывать» цену Победы. Причины этих криков понятны: Победа в Великой Отечественной войне — это единственная по-настоящему великая и светлая страница в нашей истории, написанная в советские годы. Но это не была Победа большевистско-сталинского режима, она была одержана вопреки ему, ценой миллионных жертв, зачастую совершенно напрасных. Большевистско-сталинский режим был враждебен России, её истории, и то, что в период германского нашествия их интересы на время совпали, свидетельствует лишь об изворотливости и лицемерии режима, но никак не о его национальном патриотизме, который полностью отсутствовал в советской идеологии.

Глава 1. Что получил Сталин от Российской Империи

Высокая численность населения

Широко известна фраза, которую часто приписывают Уинстону Черчиллю, но принадлежащая на самом деле журналисту Исааку Дойчеру: «*Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой*»¹. Трудно придумать фразу более нелепую и лживую. Пришедшие в 1917 г. в результате государственного переворота к власти сначала «февралисты», а затем большевики получили в наследство огромную страну, которая в царствование Императора Николая II совершила, причём в кратчайшие сроки, кардинальную модернизацию экономики, промышленности, науки, образования, армии и флота. Несмотря на то, что большевики, взяв власть, приложили немало усилий к уничтожению потенциала Российской Империи, он, несомненно, продолжал играть значительную роль в жизни СССР и конкретно в победе в Великой Отечественной войне. Очень многое из того, что было заложено в Императорской России в ходе модернизации, в ходе Первой мировой войны — нашло применение при отражении гитлеровского нашествия. Разумеется, советская историография никогда не вспоминала об этих заслугах Николая II и его правительства.

Многие исследователи отмечают, что одним из важных факто-

¹ Исаак Дойчер (1907-1967) — журналист, троцкист, исключённый из Коммунистической партии Польши, эмигрировавший в Великобританию и написавший в 1953 г. некролог о Сталине, а позже и статью о Сталине для Британской Энциклопедии 1965 г. издания. В подлиннике эта фраза выглядит так: «[...] он получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставил её оснащённой ядерными реакторами» — Encyclopaedia Britannica. London, 1965. Vol. 21. P. 303.

ров, обеспечивших выживание и победу советского государства, являлись огромные людские ресурсы, позволившие компенсировать катастрофические потери начального периода войны. Этот демографический потенциал появился не сам по себе, а в результате целенаправленной деятельности Императора Николая II. Население Империи со 125 млн чел., по данным переписи 1897 г., к 1913 г. возросло до 178 млн, то есть прирост составил 53 млн чел. Доктор исторических наук В. А. Никонов считает: *«По темпам роста численности населения Российская империя при Николае II занимала одно из первых мест в мире. Есть разные оценки населения Российской империи к началу Первой Мировой войны — они колеблются от 170 до 180 млн человек. А это значит, что каждый седьмой человек на планете жил в пределах Российской империи. Для сравнения: современная Российская Федерация имеет население 142 млн человек — притом, что с тех пор население планеты выросло в 6 раз. Лишь каждый 50-й землянин живет сейчас в Российской Федерации»*¹.

Ни в один другой период отечественной истории таких темпов прироста населения России достичь не удалось. Он был вызван не только объективными социально-экономическими условиями, но и, в первую очередь, целенаправленной политикой правительства Империи в сфере здравоохранения.

Задача коренного улучшения состояния здравоохранения в России была выдвинута Государем на первый план сразу же по вступлении на престол. Здоровье нации стало при Николае II одним из приоритетов социальной политики. В годы его царствования русская медицина получила международное признание, в Российской Империи сложились выдающиеся научные школы, во многом опередившие развитие медицины и здравоохранения в XX столетии².

При Николае II получила мировое признание русская научная

¹ Никонов В. А. Интервью для документального фильма «Николай II. Сорванный триумф» (производство «Русский предприниматель», Екатеринбург, 2008).

² См.: Мультатули П. В. Император Николай II. Царь и Мученик. — М.: Вече, 2016. Т. 2.

медицинская школа, которая не могла бы развиваться без государственной поддержки. В эту эпоху впервые были удостоены Нобелевской премии русские ученые: физиолог И. П. Павлов (1904 г.) и биолог И. И. Мечников (1908 г.). Русские ученые провели новаторские исследования структуры мозга, стояли у истоков таких областей медицины как судебная психиатрия, гинекология и гигиена, были основоположниками электрофизиологии и электрокардиографии. В начале XX в. в России выходило свыше 150 общих и специализированных научных медицинских журналов.

11 августа 1908 г., Император Николай II надписал на полях доклада Министра Внутренних Дел: *«Обращаю самое серьёзное внимание Министра Внутренних Дел на безотрадное состояние в России санитарного дела. Необходимо во что бы то ни стало добиться не только улучшения его, но и правильной постановки. Нужно быть в состоянии предупредить эпидемии, а не только бороться с ними. Требую, чтобы безотлагательно было разработано и внесено на законодательное рассмотрение дело упорядочения в России санитарно-врачебной организации»*¹.

17 марта 1912 г. на особом журнале Совета министров по вопросу об учреждении Междуведомственной комиссии для пересмотра врачебно-санитарного законодательства Император Николай II написал: *«Согласен. Дело это вести ускоренным ходом»*².

С 1901 по 1913 г. бюджетные расходы на медицинскую часть возросли с 43,9 млн. руб. до 145,1 млн руб., то есть в 3,3 раза. Число врачей в Империи выросло к 1915 г. до 33,1 тыс., что вывело нашу страну по этому показателю на второе место в Европе и третье место в мире.

Качество подготовки русский врачей было высоким. В ходе русско-японской войны 1904 — 1905 г. относительные потери русской армии умершими от ран и заболеваний в госпиталях были примерно в два раза ниже, чем у противника.

Важно отметить, что составной частью создания системы здравоохранения была её доступность для населения. Медицин-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 42.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75. Л. 32.

ская помощь во всех государственных и земских медучреждениях по месту жительства была бесплатной. В сельских, земских и муниципальных лечебницах лекарства обратившимся за помощью выдавались бесплатно¹. В результате бесплатное медицинское обслуживание постепенно становилось доступным для самых различных слоёв населения страны. Это наглядно показывает медицинская статистика. В 1901 г. в России медицинскую помощь получили 49 млн человек, в 1904 г. — 57 млн, в 1907 г. — 69 млн и в 1913 г. — 98 млн человек, то есть две трети всего населения. При этом примерно 90% больных обращались в общественные лечебницы и только 7% к частнопрактикующим врачам².

Николай II поддержал внедрение в Российской империи территориальной системы врачебных участков, которой не было нигде в мире. Эту систему потом заимствовали большевики, и как у них было принято, выдали за своё изобретение. В ходе реформы здравоохранения в Российской Империи сложилась трёхзвенная структура медицинской помощи населению: врачебный участок, уездная больница, губернская больница. Лечение в этих медицинских учреждениях было бесплатным. Число врачебных участков за пятилетие 1906-1910 г. увеличилось с 3268 до 3804.

Особенно успешно развивалась профилактика острых инфекционных заболеваний. Если в период с 1891 по 1895 г. в России от острых инфекционных заболеваний в среднем умерло 587 тыс. чел., то за период 1896-1900 г. это число составило — 499 тыс. чел., в период с 1901 по 1905гг. число умерших от вышеназванных заболеваний составило 465 тыс. чел., в период с 1906 по 1910 г. — 420 тыс. чел., в период с 1911 по 1914 г. — 372тыс. чел., следовательно, смертность от этих болезней сократилась в 2,5 раза³.

Быстрыми темпами открывались новые больницы и медицин-

¹ *Ульянова Г. Н.* Здравоохранение и медицина // Россия в начале XX века. Исследования. М.: Новый хронограф, 2002. С. 635.

² *Ульянова Г.Н.* Указ. соч. С. 637.

³ *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. — Петроград: Типография Министерства Внутренних Дел. 1916. С. 182, 184.

ские учреждения. В 1912 г. в России было 8110 больниц (к ним надо прибавить 170 психиатрических лечебниц, считавшихся отдельно), 2686 врачебных участков, 2 620 фельдшерских пунктов. В 1914 г. в Империи насчитывалось 22 772 врача, 28 500 фельдшеров, 14 194 акушерок, 4 113 зубных врачей, 3 125 дантистов, 5 011 аптек, 13 тыс. 357 фармацевтов. В 1913 г. в 17 медицинских вузах училось 8 600 студентов¹.

Всё это вместе взятое привело к значительному снижению общей смертности. Если в 1906/1911 г. число смертей на тысячу жителей достигало 29,4, то в 1911 г. оно снизилось до 26, а в 1912 г. — до 25.

Именно при Николае II в России появились учреждения здравоохранения, которые потом получили широчайшее распространение: родильные дома и станции скорой помощи, женские консультации и молочные кухни, а также участковые врачи и больничные листы. В сущности, современная система здравоохранения в России построена на фундаменте, заложенном в начале XX в.

Разумная демографическая политика предоставила в распоряжение властей Российской Империи огромный военномобилизационный потенциал, ставший основой русской военной силы. В ходе войн начала XX в. русское командование достаточно разумно тратило вверенные ему человеческие ресурсы. Хотя новый характер боевых действий, проблемы с техническим оснащением и вооружением армии привели к высоким потерям, они были заметно меньше, чем в армиях противников и союзников России.

Так, например, даже в ходе неудачной русско-японской войны 1904 — 1905 г. русские потери оказались почти в два раза ниже, чем у победившего противника:

¹ Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. — М.: Самотека, 2008. С. 314.

Потери сторон в русско-японской войне 1904 — 1905 г.¹

Армии	Всего убито, умерло от ран и болезней	На 1000 чел. личного состава
Русская	44 441	60,99
Японская	86 004	132,30

Именно высокие потери, понесённые японской армией, вынудили правительство микадо первым поставить вопрос о заключении мира и подписать его в Портсмуте на во многом невыгодных для Японии условиях. Этот мирный договор вызвал в «Стране восходящего солнца» народные волнения, так как японскому обществу он показался несоразмерным с затратами и жертвами, понесёнными в войне.

Генерал Н. Н. Головин² и советский демограф Б. Ц. Урланис³ в своих капитальных трудах дали наиболее точные и в целом совпадающие статистические данные сравнительных потерь русской армии в Первую мировую войну с потерями армий Франции и главного противника Антанты — Германии. Так как кроме работ двух вышеназванных специалистов, серьёзных исследований на эту тему не было, именно эти труды мы берем за основу при подсчёте потерь Первой мировой войны.

Как видно, Россия в процентном отношении понесла потери меньшие, чем Франция, и значительно меньшие, чем Германия, и это с учетом того, что в вышеназванную цифру русских потерь входят потери в период нахождения у власти Временного правительства и даже большевиков — вплоть до Брестского мира, когда армия была полностью разложена и число небоевых потерь многократно возросло.

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общей ред. генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. — М.: Олма-Пресс, 2001. С. 636.

² Головин Н. Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. — М.: Кучково поле, 2001. С. 138.

³ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Сравнение кровавых потерь в Русской армии с таковыми же во французской и германской армиях

	Общее число мобилизованных, тыс.	Убитых и пропавших без вести, тыс.	Умерших от ран, тыс.	Ранено, тыс.	Всего, тыс.	% кровавых потерь по отношению к общему числу мобилизованных
Русская армия	15 500	1200	240	3850	5500	35,5 %
Француз- ская армия	8300	898	250	2750	3900	47 %
Германская армия	11 000	1808		4247	6055	55 %

В результате, несмотря на большие демографические потери Гражданской войны и красного террора, к началу Второй мировой войны мобилизационный потенциал населения СССР по-прежнему превосходил такой у её основных противников.

Промышленность и экономика

В послевоенный период Сталин в классической для большевика форме сравнивал достижения Советской власти накануне войны с 1913 г. Расписав «великие» успехи предвоенных пятилеток, вождь заметил: *«Такой небывалый рост производства нельзя считать простым и обычным развитием страны от отсталости к прогрессу. Это был скачок, при помощи которого наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной —*

в индустриальную»¹. Это была откровенная ложь. Сталину было прекрасно известно, что к началу Первой мировой войны Российская Империя не была ни отсталой, ни даже уже чисто аграрной страной, так как индустриальный фактор играл в ней большую и стремительно растущую роль. Кроме того, реформированное Императором Николаем II крестьянство становилось важнейшим фактором экономики, который свидетельствовал не об отсталости страны, а наоборот, о гармоничном развитии её городского и сельского хозяйства. Известно, что у Сталина в 1920-1930-х гг. перед лицом надвигающейся агрессии, было очень мало времени для создания мощной экономической базы, так как экономика Императорской России была уничтожена партией большевиков. Поэтому вождю понадобился «большой скачок» и огромные жертвы, которые, можно прямо сказать, подорвали генофонд народа. *«Мы отстали от капиталистических стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»*². Но перед Императором Николаем II в начале XX в. стояла та же проблема модернизации страны, что и перед Сталиным в 1920-1930-е гг. Только ни к каким «великим скачкам» для её осуществления Государь не прибегал. В отличие от большевиков, которые в 1918-1922 г. полностью разрушили великую экономику Российской Империи, царственные предшественники Николая II Россию не разоряли, а созидали. Поэтому ко времени вступления Государя на престол русская экономика не являла такого печального состояния, какое она имела к 1928 г., когда начался сталинский «великий скачок».

Последнее мирное пятилетие (1909-1914 г.) стало периодом наивысшего взлета Императорской России. Он затронул все важ-

¹ *Сталин И. В.* Речь на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 16. С. 10.

² *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников: речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 38.

нейшие стороны жизни страны. В связи с быстрым ростом городов удельный вес горожан заметно увеличивался, составив накануне войны около 15 % населения. Высокими темпами шло развитие промышленности. Преодолев последствия тяжёлого экономического кризиса 1900-1903 г. и последовавшую за ним депрессию, она за годы предвоенного экономического подъема (1909-1913 г.) почти в 1,5 раза увеличила объём производства. Причём, отражая продолжавшийся процесс индустриализации страны, тяжёлая промышленность по темпам роста заметно превосходила лёгкую (174,5 % против 137,7 %). Крупная промышленность по-прежнему была сосредоточена в 6 районах — Центрально-Промышленном, Северо-Западном (Петербургском), Прибалтийском, Южном, Польском, Уральском, в которых производилось свыше 75 % валовой продукции и концентрировалось до 79 % всех фабрично-заводских рабочих. За 1890-1913 г. объём производства тяжёлой промышленности вырос в 7 раз. Только в Южном промышленном районе было построено 17 крупных металлургических заводов с 41 новейшей домной, который увеличили объём продукции в 7 раз.

Итогом предвоенного развития электроэнергетики России стал выход в 1913 г. на суммарную установленную мощность источников электроэнергии в 1100 МВт и выработку 1 900 000 Мвт/ч в год. К 1914 г. в Российской Империи насчитывалось 22 электростанции и гидроэлектростанции. По уровню производства электроэнергии Россия входила в четвёрку передовых держав наряду с США, Германией и Великобританией. К 1914 г. российская промышленность насчитывала 27 566 предприятий, из них 255 металлургических заводов, 568 предприятий угольной промышленности, 170 нефтедобывающих и 54 нефтеперерабатывающих предприятий, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих предприятий. Благодаря личной инициативе Императора Николая II в России был введён план строительства электростанций. В 1901 г. были запущены первые электростанции в Курске и Ярославле, в 1908 г. — вступила в строй первая электростанция Читы, в 1912 г. состоялся пуск электростанции во Владивостоке, 1912-1914 г. были отмечены строительством и запуском крупнейшей в мире торфяной теплоэлектростанции «Электропередача» вблизи

г. Богородска. К 1914 г. по уровню промышленного производства Россия занимала четвёртое место в Европе, пятое в мире, уступая по важнейшим показателям таким странам, как США, Германия, Великобритания, Австро-Венгрия, Франция. В 1913 г. по объёму производства Россия почти сравнялась с Англией, значительно превзошла Францию, в 2 раза обогнала Австро-Венгрию и достигла 80 % объёма производства в Германии.

Наследие дореволюционной военной промышленности было также велико. Тамбовский пороховой завод, крупнейший производитель боеприпасов в России, награждённый в советское время Орденом Отечественной войны I степени, был основан в 1915 г. и на его открытии присутствовал лично Император Николай II. Заводы Сталинграда, не говоря уже о Ленинграде и Москве, тоже не возникли на пустом месте. Сталинградский завод «Баррикада» был построен в 1915 г. как Царицынский оружейный завод. Всего к 1917 г. в Императорской России было создано около 20 новых военных заводов, отечественная промышленность стала производить 9 млн снарядов в год (большевики наследовали запас снарядов в 18 млн)¹.

В своей записке Императору Николаю II от 15 июня 1916 г. Начальник штаба Ставки генерал-адъютант М. В. Алексеев сообщал: *«Производительность наших заводов по сравнению с прежней, до начала войны, сильно повысилась: Тульский завод, вместо 700 пулемётов в год, даёт их 800 в месяц и дойдёт до 1000. Трубочные наши заводы, вместо 40-50 тысяч в месяц, дают теперь около 70 тыс. трубок в день. Оружейные заводы, вместо нескольких тысяч винтовок в месяц, дают их ежемесячно до 110 тыс. Главное артиллерийское управление строит 15 новых заводов, часть которых должна вступить в производство в этом году»*². На 1917 г. было намечено строительство 37 новых заводов.

¹ Уткин А. И. Первая мировая война. — М.: Алгоритм, 2001. С. 249.

² Записка генерала М. В. Алексева Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 3.

Оружейные и снарядные заводы Императорской России, выпускавшие военную продукцию в годы Великой Отечественной войны

Название завода до революции (1914-1917)	Что производил	Год начала производства	Название в 1941-1945 г.	Что производил
Путиловский завод (Петроград)	броневые автомобили «Остин-Путиловец», снаряды	1914	Кировский завод	Снаряды, танки, САУ, боеприпасы
Ижорский завод (Колпино, Петроград)	броневые автомобили «Фиат-Ижора», боеприпасы	1914	Ижорский завод	Корпуса танков, танковая броня, снаряды, боеприпасы
Тульский Императора Петра Великого оружейный завод	винтовки, револьверы, пулемёты	1914	Тульский оружейный завод	Пистолеты «ТТ», самозарядная винтовка Токарева, авиационная пушка ШВАК, револьверы системы Наган
Тамбовский пороховой завод	Порох, взрывчатые вещества	1915	Тамбовский пороховой завод	Порохи, взрывчатые вещества
Царицынский оружейный завод	Артиллерийские орудия	1915	Производственное объединение «Баррикады» (Сталинград)	76-мм. пушки, 120-мм. минометы, гаубицы, ремонт бронепоездов
Симбирский патронный завод	боевые патроны, боеприпасы	1917	Ульяновский патронный завод	боевые патроны к стрелковому оружию
Троицкий снаряжательный завод (Сергиев Посад)	Гремучие смеси, ручные гранаты, миномётные гранаты	1916	Краснозаводский химзавод	ручные гранаты, противотанковые гранаты, авиабомбы, капсулы для снарядов

С нуля была создана химическая промышленность. *«Можно с уверенностью сказать, — писал генерал-лейтенант В. Н. Ипа-*

тьев, — что потребность нашей армии и флота породила у нас мощную отрасль промышленности — химическую, совершенно независимую от заграничного сырья»¹. За 1916 г. количество заводов по производству серной кислоты возросло с 20 до 33. В период с конца 1915 по начало 1917 г. в России появилось 25 бензольных завода². В 1916 г. в Нижнем Новгороде и Грозном началось строительство двух заводов по производству тротила.

По указу Императора Николая II был основан незамерзающий порт Романов-на-Мурмане (современный Мурманск), сыгравший огромную роль в годы Великой Отечественной войны.

Еще осенью 1914 г. началась эвакуация наиболее крупных предприятий и запасов сырья. В первоначальный период в большинстве случаев эвакуация проводилась по распоряжению военных властей в срочном порядке, без плана и подготовки. Весной-летом 1915 г. немцы начали мощное наступление на Восточном фронте.

Император Николай II, принявший Верховное командование, в начале сентября направил Совету министров телеграмму, в которой указывал на возможную эвакуацию Киева. Государь обязал Совет министров принять *«неотлагательно на себя разработку плана эвакуации Киева и приступить к постепенному выполнению этого плана»*³. На основе этих указаний Царя осенью 1915 г. был создан авторитетный орган, который должен был взять в свои руки работу по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов — Эвакуационная комиссия при особом совещании по обороне. Ее возглавил председатель Государственной думы М. В. Родзянко⁴. Одновременно стала форми-

¹ *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время мировой войны. — Пг. 1920. С. 4.

² *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века. — М.: Наука, 1986. С. 110.

³ Телеграмма Николая II Совету министров // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 101.

⁴ *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. — М., 1973. С. 229-230.

роваться законодательная база, обеспечивающая проведение мероприятий по эвакуации¹.

Осенью 1915 г. Особое совещание по обороне учредило три эвакуационные комиссии (в Пскове, Минске и Бердичеве) и одиннадцать комиссий по восстановлению эвакуированных предприятий на местах (в Москве, Новгороде, Екатеринбургe, Томске, Казани, Самаре, Ростове, Харькове, Екатеринославе, Ростове-на-Дону и Баку). К 1 февраля 1916 г. было эвакуировано 427 предприятий преимущественно из Риги, а также из Варшавы, Вильно, Ковно, Белостока, Двинска, Ревеля и Либавы. Большая часть промышленных предприятий, находившихся в Польше, была захвачена немцами. Из 427 предприятий, эвакуированных к 1 февраля 1916 г., на долю Рижского района приходилось 218, других районов Прибалтики — 147 и губерний бывшего Царства Польского — 62 предприятия. Эвакуированные предприятия были размещены в 33 внутренних губерниях (в 35 г.родах) главным образом Центрального, Южного и Северо-Западного промышленных районов. В Центральный район было эвакуировано 252 предприятия (почти 60% всех эвакуированных предприятий), в том числе 134 из Прибалтики, 80 из прочих районов Северо-Западного района и 38 из Польши. Из них 147 предприятий были размещены в Москве и в Московской губернии. Южный район принял 78 предприятий, что составило несколько более 18 % всех эвакуированных предприятий. Из них в Екатеринославской губернии разместились 21 предприятие и в Харьковской — 20. В Северо-Западный район было вывезено 74 предприятия, то есть около 18 % всех эвакуированных предприятий. Большинство этих предприятий разместились в Петрограде (53 предприятия). В Юго-Восточный район было вывезено 17 предприятий, в Акмолинскую область — два и на Урал — одно предприятие².

Конечно, эвакуация шла медленными темпами, и часто в отечественной историографии можно встретить её критику. Однако

¹ Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 223.

² Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. — М.: Воениздат, 1956. С. 150.

не следует забывать, что Россия была фактически единственной страной, которая проводила подобную эвакуацию заводов и предприятий. Именно эвакуационный опыт Первой мировой войны привёл большевиков к осознанию необходимости заблаговременной эвакуационной подготовки.

В 1916 г. в Военно-Промышленных комитетах появляется, ставший знаменитым в годы Великой Отечественной войны лозунг: *«Всё для фронта, всё для победы!»*.

Здесь необходимо указать на особенности проведения сталинской индустриализации. Создание мощной советской индустрии, как это ни покажется странным, в 1920-1930-е гг. входило в планы международных западных кругов, центр которых находился в США. Бывший начальник нелегальной разведки СССР генерал-майор Ю. И. Дроздов свидетельствовал, что, по его данным, в 1929 г. представитель мирового закулисья «Центр Рассела» подал президенту США Г.К. Гуверу записку, в которой говорилось: *«Приближается кризис, попытаться избежать трудного положения, в котором могут оказаться США, можно лишь изменив расстановку сил в мире. Для этого надо оказать помощь России, чтобы она окончательно избавилась от разрухи — последствий гражданской войны, и помочь Германии избавиться от тисков Версальского договора. [...] А потом надо столкнуть Россию и Германию лбами для того, чтобы, воспрянув после кризиса, США оказались только один на один с оставшимся из этих противников»*. Такие деньги, по словам Ю.Н. Дроздова, в результате были выделены. *«И те же самые американские концерны, которые помогли России восстанавливать хозяйство — строили заводы, участвовали в создании Днепрогэса — восстанавливали и оснащали Германию»*¹. Поэтому США так благосклонно смотрели на возникновение в Советском Союзе Магнитки, Комсомольска-на-Амуре, Днепрогэса, Сталинградского тракторного и т.д. Совершенно ясно, что если бы мировой империализм не поддерживал политически и финансово в 1930-е годы

¹ Юрий Дроздов: Россия для США неповерженный противник // Фонтанка. Петербургская интернет-газета, 5 марта 2011 г. // <http://www.fontanka.ru/2011/03/05/042/>

деятельности Сталина, то никакой индустриализации в СССР не произошло бы.

Всего за 10 лет (1930-1940) при значительной поддержке американцев в СССР были созданы химическая, авиационная, электротехническая, нефтяная, горнодобывающая, угольная, металлургическая и другие отрасли промышленности, крупнейшие в Европе заводы для производства автомобилей, тракторов, авиационных двигателей и другой продукции. В 1933 г. Сталин, выступая на объединённом пленуме ЦК заявил: *«У нас не было чёрной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь. У нас не было серьёзной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было действительной и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь. В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест. У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны. Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и в Западной Сибири. И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии»*¹. Советский вождь, правда,

¹ Сталин И. В. Сочинения. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 178—179.

«забыл», кто и какой ценой создал все эти отрасли промышленности, кто проектировал фабрики и заводы.

Например, знаменитый Сталинградский тракторный завод был целиком построен в США, размонтирован, на 100 судах перевезён в Советский Союз и собран вновь на берегах Волги. Вместе с проектом Сталинградского тракторного завода поставлялись и проекты домов для рабочих¹. Май Эрнст — немецкий архитектор — участвовал в разработке архитектурных проектов около 20 советских городов.

«Днепрогэс» построили американская фирма Купер (Cooper Engineering Company) и германская компания Сименс (Siemens). Горьковский автозавод (ГАЗ) был построен американской компанией Остин (Austin). Современный АЗЛК строился по проекту Генри Форда. Знаменитая Магнитка — точная копия металлургического комбината в г. Гэри, штат Индиана. Другая американская фирма *Albert Kahn Inc.* спроектировала и построила между 1929 и 1932 г. 500 советских предприятий². Это в первую очередь тракторные (то есть танковые) заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове; автомобильные заводы в Челябинске, Москве, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Самаре; кузнечные цеха в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберцах, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Сталинграде; станкостроительные заводы в Калуге, Новосибирске, Верхней Салде; прокатный стан в Москве; литейные заводы в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберцах, Магнитогорске, Сормово, Сталинграде; механические цеха в Челябинске, Люберцах, Подольске, Сталинграде, Свердловске; сталелитейные цеха и прокатные станы в Каменском (с 1936 г. Днепродзержинск), Коломне, Кузнецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Верхнем Тагиле, Сормово; Ленинград-

¹ *Senkevitch Anatole.* Albert Kahn in Russland. — *Bauwelt* 1995. Heft 48. S. 2814.

² *Bliznakov Milka.* The realization of Utopia: Western technology and Soviet avant-garde architecture // *William C. Brumfield*, ed., *Reshaping Russian architecture: Western technology Utopian dreams.* New York: Cambridge University Press, 1990. P. 173.

ский алюминиевый завод; Уральскую асбестовую фабрику и многие другие. В 1931 г. на строительстве Челябинского тракторного завода, очередного проекта Альберта Кана, побывал американский журналист Г. Р. Кникербокер, который вынес следующее впечатление: *«Стоя посредине быстро растущих к небу стен самой большой тракторной фабрики мира, невольно вспоминаешь фразу из «Известий», официального органа советского правительства, о том, что «производства танков и тракторов имеют между собой очень много общего. Даже артиллерию, пулемёты и пушки можно успешно производить на гражданских промышленных предприятиях». [...] По твёрдому убеждению большевистских пессимистов строящаяся сейчас тракторная фабрика в Челябинске может почти моментально быть переориентирована на военные цели для отражения ожидаемого нападения капиталистического мира. Планируемый выпуск 50 000 штук десятитонных 60-сильных гусеничных тракторов в год, очень сильно напоминающих танки, означает, что речь идёт о производстве одного из типов танков»¹.*

Филиал фирмы А. Кана в Москве существовал до 1932 г. и носил русское название «Госпроектстрой». В нём работали 25 американских инженеров и около 2,5 тыс. советских сотрудников. Возглавлял его брат А. Кана, Мориц. Он так описывал размеры московского бюро через 15 месяцев после подписания договора в мае 1931 г. *«“Госпроектстрой” существует всего только год. Раньше наше бюро в Детройте, насчитывающее в обычное время от 400 до 500 архитекторов, инженеров и чертежников, считалось самым большим в мире. “Госпроект” сейчас насчитывает около 600 сотрудников в московском бюро, не считая студентов, ещё 150 будут вскоре приняты. В бюро в Ленинграде — 300 сотрудников, в Харькове — 100»².*

Причина обращения именно к А. Кану, архитектору Детройта, заключалась в том, что, спроектировав все заводы Форда, он отработал высокопроизводительную технологию проектирования промышленных предприятий. В США его фирма штатом в 400 че-

¹ Knickerbocker H.R. Der Rote Handel droht. — Berlin, 1931. S. 66-68.

² Senkevitch Anatole. Op. cit. S. 2814-2815.

ловек готовила рабочие чертежи за неделю, корпуса промышленных предприятий возводила за пять месяцев. Кан смог практически доказать, что способен сделать то же самое и в СССР.

В 1932 г. контракт с фирмой *Albert Kahn Inc.* не был продлён. Попытка Кана лично добиться продления контракта успеха в Москве не имела, и сотрудники фирмы покинули СССР. Это было связано с тем, что в августе 1931 г. Сталин счёл более выгодным заказы на оборудование для всех строящихся промышленных предприятий по возможности переместить из Америки в Европу.

Сталин писал Л. М. Кагановичу 25 августа 1931 г.: *«Ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредита в Америке высказываюсь против каких бы то ни было новых заказов на Америку. Предлагаю воспретить дачу новых заказов на Америку, прервать всякие уже начатые переговоры о новых заказах и по возможности порвать уже заключенные договора о старых заказах с переносом заказов в Европу или на наши собственные заводы. Предлагаю не делать никаких исключений из этого правила ни для Магнитогорска и Кузнецстроя, ни для Харьковстроя, Днепростроя, АМО и Автостроя»*¹. В письме от 11 сентября 1931 г. Каганович информирует Сталина: *«Выяснилось, что 80-90% заказов для Челябинстроя можно разместить в Англии»*².

Теперь первую скрипку в сотрудничестве с СССР стали играть не американские, а европейские, в первую очередь немецкие, фирмы. В 1935 г. на советских промышленных предприятиях работали 1719 немцев, 871 австриец и только 308 американцев³.

За 10 лет американцы построили в СССР около 1500 заводов и фабрик. В Советский Союз приехало около 200 тыс. американских инженеров и техников, которые руководили почти миллионной армией заключённых ГУЛАГа — плюс немногие оставшие-

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 г. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. — М.: РОССПЭН, 2001. С. 64.

² Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. С. 94.

³ Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч. II. — М., 1999. С. 278.

ся в России дореволюционные кадры. Американские профессора подготовили на рабфаках 300 тыс. квалифицированных специалистов — то есть все кадры для Советской промышленности на долгие годы вперёд¹. За всё это СССР в период с 1930 по 1935 г. должен был выплатить американским фирмам 350 млн долларов кредитов плюс проценты по ним примерно на такую же сумму из расчёта 7 % годовых. 24 августа 1930 г. Сталин писал В. М. Молотову: «*Микоян сообщает, что заготовки растут и каждый день вывозим хлеба 1–1,5 млн пудов. Я думаю, что этого мало. Надо поднять теперь же норму ежедневного вывоза до 3–4 млн пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов... Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба*»². Это «форсирование» обернулось массовым голодом в деревне, который унёс по разным оценкам от 3 до 7 млн человеческих жизней. Правительством были созданы заградительные отряды, которые не пускали умирающих от голода людей бежать в города³. Но немалому числу это всё-таки удавалось, и они умирали в подъездах и лестницах московских, ленинградских, харьковских домов, а то и просто на улицах. Пройдёт 10 лет и крестьянские дети, испытавшие этот страшный голод и видевшие голодную смерть своих близких, вольются в Красную Армию, испытывая острую ненависть к политическому руководству страны.

Командные кадры

В конце XIX в. в Российской Империи была создана система профессиональной военных кадров, включавшая в себя на-

¹ Кислан Л. С., к. ист. н., доцент Сибирского федерального университета // Создание Российской индустрии. Два горьких урока // <http://www.siberia-usa.ru/index.php/2012-07-04-03-42-57>

² Цит. по: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. — М.: РОССПЭН, 2008. С. 105.

³ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 162.

чальное, среднее и высшее военное образование, подготовку офицеров запаса (через систему вольноопределяющихся), унтер-офицерских кадров (через полковые школы и учебные команды). Качество русского военного образования оценивалось весьма высоко. Генерал А. И. Деникин отмечал в своих мемуарах: «*Путём постепенных реформ перед Первой мировой войной, в 1911 году все училища стали “военными”, и русский офицерский состав по своей квалификации не уступал германскому и был выше французского*»¹. Ключевую роль в управлении войсками играли офицеры, получившие образование в Академии Генерального штаба. По оценкам Деникина они составляли «25 % полковых командиров, 68-77 % начальников пехотных и кавалерийских дивизий, 62 % корпусных командиров»².

С началом Первой мировой войны была развёрнута система ускоренной подготовки офицерских кадров, включавшая в себя как ускоренное обучение в военных училищах, так и подготовку офицеров нижнего уровня в упрощённых учебных заведениях — школах прапорщиков. В 1915 г. в военные училища были направлены мобилизованные студенты гражданских высших учебных заведений, что позволило сохранить высокий общеобразовательный уровень офицерства. Эта система доказала свою эффективность, сохранив до некоторой степени в условиях мировой войны должный уровень профессиональной подготовки и корпоративные традиции офицерства.

К концу 1917 г. в рядах русской армии насчитывалось 276 тыс. офицеров и генералов³. В ходе Гражданской войны большевики теми или иными способами мобилизовали в Красную Армию более 70 тыс. офицеров, составивших основу её командных кадров. К 1921 г. в рядах РККА служило более 50 тыс. бывших офицеров, составивших почти 40 % от всех командных кадров. Также через военные структуры советской власти прошло около 14 тыс. бывших белых офицеров, получивших первое зва-

¹ Деникин А. И. Путь русского офицера. — М.: Вече, 2012. С. 44.

² Деникин А. И. Указ. соч. С. 70.

³ Головин Н. Н. Указ. соч. С. 138.

ние в рядах Императорской армии или армий антибольшевистских правительств¹.

Если учесть офицеров белых и национальных армий, оставшихся после гражданской войны в СССР, а также некоторую часть офицеров, не служившую в годы Гражданской войны ни у красных, ни у белых, то можно обоснованно предположить, что на территории советской России осталось около 100 тыс. бывших офицеров.

Однако советское правительство, руководствуясь идеологическими соображениями, не только не востребовало полностью этот ресурс для подготовки вооруженных сил, но, напротив, приняло меры по сокращению его использования.

В 1920-е гг. из РККА было уволено подавляющее большинство бывших офицеров Российской Императорской армии. Увольнения шли как в рамках сокращения армии после Гражданской войны, так и в рамках чистки командного состава. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что бывшие офицеры были наиболее квалифицированными в военном отношении командирами новой армии, но они же вызывали и наиболее негативное отношение у советских руководителей.

НКВД констатировал: *«В РККА преимущественно в высших учреждениях на службе состоит значительное количество бывшего кадрового офицерства. Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой советской власти... Все они ждут падения советской власти»*².

В 1926 и 1928 г. ОГПУ начало отдельные аресты бывших офицеров, как не служивших, так и служивших в РККА. В эти годы прошли крупные процессы над офицерами Лейб-гвардии Финляндского полка, командирами национальных частей Кавказской армии, бывшими офицерами-казаками, морскими специалистами и т. д. Но всё это были дела локального характера, не имевшие союзного распространения.

¹ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. — М.: Центрполиграф, 2001. С. 327.

² Цит. по: Абиныкин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА // Вопросы истории. — 2012. №2. С. 90.

В октябре 1930 г. в Москве, Ленинграде и Киеве начались массовые аресты бывших офицеров, не служивших в РККА. Так разворачивалось дело «Весна», или «Гвардейское дело», приведшее к гибели тысяч кадровых русских офицеров, обладавших бесценным опытом Первой мировой войны. В декабре 1930 г. в ОГПУ попали первые крупные командиры РККА из военспецов. К концу января 1931 г. на Лубянке уже была готова картина требуемого «заговора», тогда же была составлена и первая рабочая схема «контрреволюционных офицерских организаций в СССР». В ходе так называемого дела «Весна» были арестованы или изгнаны из армии более 3 тыс. бывших генералов и офицеров. Среди них: А. Е. Снесарев, А. А. Свечин, П. П. Сытин, Ф. Ф. Новицкий, А. И. Верховский, Ю. К. Гравицкий, В. А. Ольдерогге, В. А. Яблочкин, А. А. Балтийский, М. Д. Бонч-Бруевич, Н. А. Морозов, А. Е. Гутор, А. Х. Базаревский, М. С. Матиясевич, В. Н. Гатовский и другие. В результате массовых арестов бывшего офицерства в 1930–1931 годах было репрессировано не менее 10 тыс. человек. Основной удар ОГПУ был нанесён по кадровым офицерам, оставшимся в СССР. То есть основная масса русского офицерства, оставшаяся в СССР, была истреблена задолго до «Трагедии РККА» 1937 г. Таким образом, среди военачальников Великой Отечественной войны почти не было кадровых военных старшего офицерского и генеральского уровня.

Увольнение бывших офицеров в запас после окончания Гражданской войны осуществлялось так, чтобы фактически исключить возможность призыва их обратно на военную службу. Это достигалось применением особых форм военного учёта, в результате чего бывшие офицеры подлежали мобилизации лишь в последнюю очередь и направлялись в этом случае в тыловые и вспомогательные войска.

При этом в системе учёта военнообязанных в Советском Союзе отсутствовало упоминание о службе резервиста в старой русской армии. Поэтому даже те офицеры, которые находились на военном учёте, числились там без учёта своего чина и в случае мобилизации подлежали призыву в качестве рядовых. Это распространялось и на бывших офицеров, уволенных в запас из РККА

после окончания Гражданской войны, так как их увольнение произошло до введения в Красной Армии персональных воинских званий в 1935 г. (впрочем, то же относилось и к собственно красным командирам).

Таким образом, к концу 1930-х гг. на службе в РККА оставалось от 450 до 600 бывших офицеров Русской Императорской армии. Военный потенциал русского офицерского корпуса не был востребован советским руководством в ходе собственного военного строительства.

Это выглядит особенно парадоксальным, если учесть, что одной из главных проблем советских вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны был количественный и качественный недостаток командных кадров.

Негативное влияние на уровень боеспособности стрелковых соединений и частей оказывало отсутствие опытных командных кадров, способных организовать боевую подготовку в соответствии с современными требованиями. На должностях командиров подразделений, частей и соединений оказались молодые офицеры с недостаточным опытом практической работы, а в некоторых случаях — просто слабо подготовленные¹.

В традиционной советской историографии принято считать, что Красную Армию сильно подорвали репрессии 1937-1938 г. Генерал А. В. Горбатов, вернувшийся после ГУЛАГа снова в армию, и почти сразу оказавшийся на фронтах Великой Отечественной, был поражён тем, как она изменилась: «Мне, только что вернувшемуся в армию, все это казалось плохим сном. Не верилось тому, что видели глаза. Я пытался отогнать навязчивую мысль: “Неужели 1937-1938 годы так подорвали веру солдат в своих командиров, что они и сейчас думают, не командуют ли ими “враги народа?”»².

Однако современные исследования показывают, что и до начала репрессий 1937 г. боеспособность РККА была на весьма не-

¹ *Черушев Н.* Невиновных не бывает... Чекисты против военных. 1918-1953. — М.: Вече 2004. С. 155.

² *Горбатов А. В.* Годы и войны. Записки командарма. 1941-1945. — М.: Центрполиграф, 2008. С. 172.

высоком уровне. Автор объёмной монографии «Боевая выучка Красной армии накануне репрессий» А. А. Смирнов, проведя анализ большого количества документов, приходит к следующим выводам: *«Анализ работы командиров, штабов и войск на Киевских маневрах 1935-го и Белорусских маневрах 1936 года показывает, что высокий уровень боевой выучки, якобы продемонстрированный на этих учениях командирами, штабами и войсками РККА — не более чем миф советской историографии. В действительности командиры и штабы стабильно проявляли там (а также на других маневрах и больших тактических учениях 1935 — начала 1937 годов):*

— неумение (а то и нежелание) организовывать то главное, что приносило успех в бою в 30-е годы XX века — взаимодействие родов войск;

— неумение (а то и нежелание) организовывать то, без чего командиру невозможно принять правильное решение — разведку и тыловое обеспечение;

— неумение управлять войсками (в том числе и слабые навыки штабной службы). Вообще работа командиров и штабов “предрессионной” РККА на манёврах и других больших тактических учениях позволяет сделать вывод о слабом профессионализме основной их массы»¹.

Откуда же взяться профессионалам, если их массово вычистили по идеологическим мотивам? Массовое расширение вооружённых сил накануне Второй мировой войны ещё сильнее обострило проблему: на 1 января 1941 г. списочная численность командно-начальствующего состава армии и флота составляла 579 581 человек, из которых проходили службу: в сухопутных войсках — 426 942, в Военно-Воздушных Силах — 113 086, в Военно-Морском Флоте — 39 553 человека, из них 7,1 % имели высшее, 55,9 % — среднее, 24,6 % — ускоренное военное образование и 12,4 % вообще не имели военного образования².

¹ Смирнов А. А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 г. — М., Родина-медиа. Т. 1. С. 110–111.

² Комал Ф. Б. Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. — 1990. №2.

Между тем в стране оставались тысячи людей, имевших профессиональную подготовку и боевой опыт, но они не были востребованы.

Примечательно, что в ходе боёв Великой Отечественной войны, оставшиеся в кадрах РККА бывшие офицеры русской армии сыграли большую, если не сказать выдающуюся роль, совершенно несопоставимую с их ничтожным количеством. Достаточно сказать, что на заключительном этапе войны из 10 командующих фронтами четверо были бывшими офицерами (штабс-капитаны Ф. И. Толбухин и А. М. Василевский, подпоручик Л. А. Говоров и прапорщик И. Х. Баграмян), Генеральный штаб возглавлял бывший прапорщик и полковой адъютант А. И. Антонов. Из оставшихся командующих фронтами пятеро были бывшими унтер-офицерами русской армии, и лишь один К. А. Мерецков не служил в ней вовсе.

Можно только предположить, как была бы устроена советская армия и как она воевала, если бы военный потенциал русского офицерского корпуса был использован для военного строительства и командования вооружёнными силами.

Военно-морской флот

К 1914 г. Императорский флот, практически уничтоженный в годы русско-японской войны, был воссоздан и представлял собой грозную силу. Он насчитывал 13 броненосцев, 7 линейных кораблей, 14 крейсеров разного класса, 66 эсминцев, 15 подводных лодок. Россия, единственная в мире, имела авианосцы на базе пароходов «Императрица Александра» и «Прозорливый», способных держать на своих бортах по 4 гидросамолёта, которые также состояли на вооружении исключительно в русской армии. Особое место занимало строительство линейных кораблей. Большинство из них приняло активное участие в Великой Отечественной войне. Это хорошо видно из следующей таблицы:

Название судна при спуске на воду	Тип судна	Год спуска	Название судна в советском флоте	Участие в Великой Отечественной войне
Петропавловск	линкор	1911	Марат (с 1943 г. вновь Петропавловск)	Принимал активное участие в обороне Ленинграда
Севастополь	линкор	1911	Парижская коммуна (с 1943 г. вновь Севастополь)	Принимал активное участие в период боевых действий на Черном море в 1941-1944 г.
Полтава	линкор	1911	Фрунзе	В полузатонувшем состоянии использовался как корректировочный пункт при обороне Ленинграда
Гангут	линкор	1911	Октябрьская революция	Принимал активное участие в обороне Ленинграда
Память Меркурия	крейсер	1902	Коминтерн	Принимал участие в обороне Кавказа, был выведен из строя немецкой авиацией
Адмирал Лазарев	крейсер	1913	Красный Кавказ	Принимал активное участие в боевых действиях на Черном море. За боевые отличия присвоено звание Гвардейского корабля (1942). Всего за период с 1941 по 1943 г. крейсер совершил 64 боевых похода, обстрелял 13 батарей противника, уничтожил 2 танка и 3 самолёта, подверг бомбардировке свыше 5 батальонов вражеской пехоты. Перевез более 25 000 человек. Отразил около 200 воздушных атак
Адмирал Нахимов	крейсер	1915	Червона Украина	Принял активное участие в обороне Севастополя
Светлана	крейсер	1915	Красный Крым	Принимал активное участие в обороне Севастополя и боевых действиях на Черном море

Следует отметить, что артиллерийские орудия, снятые с затонувшего в 1916 г. в результате пожара линкора «Императрица Мария» и установленные на транспортёры на Ораниенбаумском плацдарме, не давали немецкой артиллерии на Дудергофских высотах безнаказанно обстреливать Ленинград. Там же вели огонь по врагу две двухорудийные башни с 203-мм и 250-мм пушками, снятые в 1922–1923 г. с линкора «Император Павел I».

Военно-воздушные силы

6 февраля 1910 г. указом Императора Николая II был создан отдел Воздушного Флота. Так было положено начало созданию русской военной авиации¹. В 1911 г. были созданы воздухоплавательные роты и батальоны. За короткий срок авиация выделилась в самостоятельный род войск. Было сформировано около 40 авиационных частей. По количеству самолётов Россия опережала многие государства. В стране работало два конструкторских бюро: И. И. Сикорского и Д. П. Григоровича. В 1913 г. группой конструкторов, куда входили ставшие впоследствии знаменитыми А. Н. Туполев и Н. Н. Поликарпов, был разработан лучший боевой отечественный самолёт той эпохи «Илья Муромец». Он имел четыре двигателя по 150 л. с., специальные приспособления для несения бомб и механический бомбосбрасыватель. В кабине лётчика имелся карабин, а позднее в ней был установлен пулемёт. Дальность полёта этого самолёта достигала 630 км, потолок — 3500 м, максимальная скорость — 120 км/ч. У России, единственной в мире, имелся гидросамолёт С-10 «Гидро», изготовленный в конструкторском бюро Григоровича. Этот самолёт мог взлетать не только с воды, но и с палубы корабля. Под это были переоснащены два парохода «Императрица Александра» и «Прозорливый».

В 1913 г. в Красном Селе Император Николай II выразил желание осмотреть новый самолёт-гигант авиаконструктора И. И. Сикорского «Русский Витязь» (бывший *Гранд*). Государь осмотрел

¹ Грибанов С. В. Пилоты Его Величества. — М.: Центрполиграф. 2007. С. 207.

его снаружи, поднялся на борт. Аэроплан произвел на него большое впечатление. Сикорский получил от Николая II памятный подарок — золотые часы. Кроме того, 24-летний авиаконструктор «за заслуги, оказанные в деле военной авиации», был награждён орденом Святого Владимира IV-й степени и возведён во дворянство. Положительное мнение Монарха защитило самолёт от попыток запятнать репутацию этого удивительного проекта. Сын И. И. Сикорского, Н. И. Сикорский вспоминал, что его отец *очень уважал Николая II. Царь произвёл на него сильное впечатление, когда со знанием дела задавал вопросы, осматривая “Русский Витязь”*¹.

Советские школы авиастроения уходили корнями в КБ Царской России. Знаменитый авиаконструктор А. Н. Туполев начал свой путь до революции с посещения авиационных выставок. В декабре 1909 г. он начал заниматься в подсекции воздухоплавания, организованной к XII съезду естествоиспытателей, где председательствовал выдающийся русский учёный, создатель аэродинамики Н. Е. Жуковский. Туполев вспоминал: *«На эту выставку авиационную, тогда она называлась воздухоплавания, собрали все, что было только в России: летающие змеи, воздушные шары, планеры. Когда я пришел на выставку, я стал помогать поднимать какой-то планер, тут я познакомился с молодым учёным, который и познакомил меня с Николаем Егоровичем Жуковским. Вот с этого и началась моя жизнь в авиации»*². Ученик Н. Е. Жуковского старшего поколения, член-корреспондент АН СССР Н. Р. Брилинг был одним из основателей советского двигателестроения, принимал участие в создании двигателей самого разного назначения. Другой ближайший ученик Жуковского — профессор В. П. Ветчинкин, за работы в области динамики полёта ракет в 1943 г. награждённый Сталинской премией. Работы в самых передовых отраслях естествознания В. П. Ветчинкин сочетал с глубокой и искренней верой в Бога. Вспоминают, что, услышав днём колокольный звон, Ветчинкин прерывал лекцию словами: «Ну, вот и к обедне забла-

¹ Сулькин О. Сикорские // Итоги. Ежедневный журнал. — № 18 (77). 2011. С. 34.

² Бодрихин Н. Г. Туполев. — М.: Молодая гвардия, 2011.

говестили, я пошёл!». Ученик и племянник Н. Е. Жуковского, академик А. А. Микулин — выдающийся конструктор советских авиационных двигателей. Ещё до революции он принимал участие в разработке двигателя «Царь-танка». Под его руководством созданы двигатели М-17, АМ-34, АМ-38, АМ-42, стоявшие на многих боевых и рекордных самолётах советской страны (Р-5, АНТ-25, ТБ-3, МиГ-3, Пе-8, Ил-2, Ил-10). 14 июля 1916 г., при Аэродинамической лаборатории Императорского Московского технического училища было создано Расчётно-испытательное бюро (РИБ) «для производства проверочных расчётов аэропланов, исследований в области воздушных винтов и для разрешения некоторых вопросов по исследованию сопротивления воздуха и материалов». Финансировалось бюро военным ведомством. Во главе РИБ был поставлен профессор Н. Е. Жуковский. Вместе с ним работали его ближайшие ученики: А. А. Архангельский, В. П. Ветчинкин, Н. И. Иванов, Г. И. Лукьянов, А. Н. Туполев. За 1916–1918 годы были проведены аэродинамические и прочностные расчёты тридцати трёх типов самолётов. Были выявлены предварительные нормы прочности авиационных конструкций, испытаны модели крыльев и фюзеляжей аэропланов, авиационных вооружений, исследованы и предварительно систематизированы причины авиационных катастроф. Расчётно-испытательное бюро стало серьёзной организацией, с результатами работ которого считались и командование Авиацией действующей армии (Авиадарм), и в Управлении Военно-воздушным флотом (УВОФлот), и в военном министерстве.

Весной 1910 г. А. Н. Туполев был назначен заведующим аэродинамической лаборатории. Позднее он участвовал в постройке планера, на котором совершил свой первый полёт в Лефортове через Язу. Авиаконструктор до революции работал в КБ Игоря Сикорского, что во многом определило его будущие разработки.

Другой авиаконструктор С. А. Лавочкин был учеником авиаконструктора В. П. Горбунова, который в свою очередь учился у А. Н. Туполева.

До революции начал свой путь и другой советский авиаконструктор Н. Н. Поликарпов, создатель знаменитых истребителей

«У-2», «И-5», «И-16», глава будущего ОКБ Сухого. В 1911 г. Поликарпов поступил на механическое отделение Петербургского политехнического института, а с 1914 г., увлекшись авиацией, занимался на воздухоплавательных курсах при кораблестроительном отделении института. В 1916 г., после защиты дипломного проекта, Поликарпов получил направление на авиационное отделение Русско-Балтийского вагонного завода, где до 1918 г. под руководством конструктора И. Сикорского работал заведующим производством. Участвовал в постройке самолёта «Илья Муромец». По поручению Сикорского, наряду с текущей производственной деятельностью, Поликарпов выполнил значительный объем конструкторских чертежей по новым самолётам С-18 и С-19, активно участвовал в проектировании модификаций серийных «Муромцев» и С-16. Сикорский, несмотря на свою молодость, пользовался на заводе огромным авторитетом. Гениальный конструктор, он отличался огромным трудолюбием и упорством, способностью продумывать мельчайшие детали конструкции самолета и предвидеть характер их функционирования. За два года совместной работы Поликарпов многому научился у этого величайшего русского авиаконструктора, это время стало хорошей школой для молодого специалиста. Поликарпов вспоминал: «Я очень присматривался к его методам работы, к его творческому мышлению, старался почерпнуть весь опыт его работы».

В Императорской России начал свой творческий путь знаменитый создатель советских бомбардировщиков, В. М. Петляков. В 1911 г. он поступил в Императорское Московское техническое училище, позже работал в КБ Туполева.

Артиллерия

В Красной Армии насчитывалось значительное количество дореволюционных артиллерийских орудий. Из них: 76-мм горная пушка образца 1909 г.; 122-мм гаубица образца 1909/37 г.; 122-мм гаубица образца 1910/30 г.; 107-мм пушка образца 1910/30 г.; 152-мм гаубица образца 1909/30 г.; 152-мм гаубица образца 1910/37 г.; 152-мм пушка образца 1910/30 г.; 152-мм пушка образца 1910/34 г.

Знаменитый создатель непревзойдённой советской артиллерии В. Г. Грабин в 1923 г. закончил Петроградское артиллерийское училище, все преподаватели которого были, крупнейшими специалистами в своём деле, такие как заслуженный ординарный профессор Михайловской артиллерийской академии и бывший её начальник генерал-майор Императорской армии С. П. Петрович, крупнейший теоретик артиллерии бывший полковник Императорской армии профессор П. А. Гельвих, конструктор артиллерийских боеприпасов и взрывателей В. И. Рдултовский, без участия которого, по признанию Грабина, *«ни один взрыватель не был изготовлен, отработан и принят на вооружение Красной Армии»*¹.

¹ *Грабин В. Г. Оружие Победы. — М: Политиздат, 1989. С. 26.*

Глава 2. Причины поражений страшного лета 1941 года

Вопрос о причинах трагического поражения Красной Армии на западных рубежах нашей Родины летом 1941 г. волновал каждого гражданина бывшего Советского Союза, особенно фронтовиков, в сердцах которых жила незаживающая рана от бесчисленных жертв, окружений, страшного плена, массового отступления вглубь страны. Этот вопрос волнует и молодые поколения Российской Федерации. Как могло случиться, что такая мощная и по своему численному составу и в техническом плане военная сила, как Рабоче-Крестьянская Красная Армия, не только не смогла сдержать наступление противника, но в короткие строки сдала ему Прибалтику, Белоруссию, Украину, Крым, позволила окружить Ленинград и вплотную подойти к Москве? Это при том, что о неизбежности войны советское руководство постоянно твердило с конца 1920-х гг. Традиционные объяснения о «внезапности нападения», численном превосходстве германской армии и её союзников, «отсталости» советской военной техники и авиации не выдерживают никакой критики и не соответствуют историческим фактам. Эти мифы были призваны объяснить советскому народу причины кровавой трагедии 1941 г.

Между тем, если мы посмотрим на расстановку сил накануне 22 июня 1941 г. на западной границе Советского Союза, то мы увидим, что она не могла являться причиной страшного поражения Красной Армии в летне-осеннюю кампанию 1941 г.¹

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 г. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2-х томах. Том 1: Летне-осенняя кампания 1941 г. / Ред. М. Э. Морозов и др. — М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 5.

Силы и средства	СССР	Германия и сателлиты
Личный состав	2 743 000 чел.	5 500 000 чел.
Орудия и минометы	53 499	47 200
Танки и штурмовые орудия	13 981 ¹	4260
Боевые самолеты (исправные)	10 266	4980
Боевые корабли основных классов	182	157

Таким образом, мы видим, что Красная Армия уступала противнику только в живой силе. Но не будем забывать, что это были войска только «первого стратегического эшелона», всего же согласно плану боевого развёртывания Красной Армии, их было два. Второй «стратегический эшелон» (из семи армий) должен был быть приведён в полную готовность за один-два дня. Более того, предполагалось развёртывание ещё и третьего стратегического эшелона, но реально оно началось уже в ходе войны.

Не будем преувеличивать и якобы огромное превосходство в боевом опыте, который вермахт якобы имел над Красной Армией. В ходе Второй мировой войны до нападения на СССР германская армия участвовала в Польском походе, который длился 1 месяц и 5 дней (с 1 сентября по 6 октября 1939 г.), в разгроме Норвегии — около 2 месяцев (9 апреля по 6 июня 1940 г.), в разгроме Франции — почти месяц (с 21 мая по 22 июня 1940 г.). Помимо этого, германская армия участвовала во второстепенных для неё военных конфликтах: в Греции (оказывала помощь итальянцам) и Югославии (апрель 1940 г.) Операция против Греции «*Марита*» была осуществлена вермахтом при поддержке итальянцев в период с 6 апреля по 30 апреля 1941 г. и стоила ему 1099 чел. убитыми и 3752 ранеными. Кампания против Югосла-

¹ Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). — М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 132.

вии длилась с 6 по 17 апреля 1941 г. и стоила вермахту 151 чел. убитыми, 392 ранеными.

Таким образом, суммарное число участия германских вооружённых сил в крупных операциях в Западной Европе равняется приблизительно 5,5 месяцам. При этом по-настоящему серьёзными кампаниями можно считать только Польскую и Французскую, где вермахту противостояли равные ему силы, а в случае с французской армией даже в чём превосходящие их¹. Нет сомнений, что в ходе этих кампаний вермахт показал себя как высокопрофессиональная сила, приобретшая в столкновениях с ведущими армиями Европы определённый опыт ведения современной войны. Особенно это касается Люфтваффе, которое в 1940 г. участвовало в крайне тяжелой и упорной воздушной войне с английской авиацией (т.н. «Битва за Англию»).

Однако, признавая боевой опыт полученный вермахтом с 1 сентября 1939-го по 22 июня 1941 г., не стоит недооценивать и боевой опыт РККА. С 29 июля по 11 августа 1938 г. она имела ряд боестолкновений с частями японской императорской армии в районе озера Хасан и реки Туманная в советском Приморье. Намерения японского командования были весьма серьёзны. Им был разработан план войны против СССР, для чего выделялось 18 дивизий. В этих стремлениях Японию поддерживали Англия и США, рассчитывавшие на длительную японо-советскую войну. Японцы вторглись на территорию СССР на глубину 1,5 км, пока не были вытеснены оттуда советскими пограничниками. Япон-

¹ В 1940 г. против 140 германских дивизий (3 350 000 чел.) действовало 144 французских (3 300 000 чел.). Вермахт насчитывал 2445 танков и 5635 самолетов. Французская армия — 3383 танка (из которых более 3 тыс. составляли французские машины, в том числе средние танки «S-35» «Somua» и тяжёлые «В1», более мощные, чем немецкие, остальные танки были английские), и 2935 самолетов (включая силы британского корпуса). См.: *Frieser, K.-H. Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940, 2. — Auflage, München, 1996. S. 57; Lormier, D. Histoire de la France militaire et résistante 1939-1942. — Paris, 2000. P. 131.*

цы неоднократно захватывали на территории СССР сопки, являвшиеся важными стратегическими высотами. Бойцам Красной Армии всякий раз удавалось выбить противника с захваченных позиций. Бои также велись и на реке Амур, где японские войска атаковали советскую пограничную флотилию — два бронекатера и канонерскую лодку. Один бронекатер был потоплен, потери экипажей составили 4 чел. убитыми, один чел. утонул и 11 получили ранения. Со стороны Красной Армии в боях участвовало 15 тыс. чел., 237 орудий, 285 танков, 250 самолётов. Несмотря на то, что в боях у озера Хасан уже проявились многие отрицательные черты советской военной доктрины (некомпетентность командования, особенно командующего Дальневосточным фронтом маршала Советского Союза В. К. Блюхера, пренебрежение к потерям, атаки укрепленных пунктов противника «в лоб»), Красная Армия нанесла японцам чувствительное поражение. Правительство микадо было вынуждено запросить перемирия, которое было заключено 11 августа 1938 г. Потери РККА составили: 3712 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Потери японцев составили: 3150 чел. убитыми и ранеными и большое количество боевой техники.

С 11 мая по 16 сентября 1939 г. советским войскам вновь пришлось столкнуться с японской армией. На этот раз целью противника было окружить и уничтожить советско-монгольские войска на восточном берегу Халхин-Гола, а также захватить на западном берегу реки оперативный плацдарм для последующих действий. В японских штабах даже обсуждался вопрос расширения империи «*вплоть до Байкала*». Для этого японцы создали на границе МНР крупную группировку войск (38 тыс. чел., 310 орудий, 135 танков, 225 самолётов).

12 марта 1936 г. между СССР и Монгольской Народной Республики был заключен договор о взаимопомощи. 11 мая 1939 г. японские боевые части вторглись на территорию МНР, а 28 мая основные силы японцев (10 августа они были сведены в VI-ю отдельную армию численностью 75 тыс. чел.) начала вторжение в Монголию, стремясь окружить советско-монгольские войска в районе реки Халхин-Гол. В небе развернулись яростные воздуш-

ные бои, в которых проявилась неопытность советских лётчиков: за два дня боёв советский авиаполк потерял 15 машин, а японцы — всего одну¹. Из Москвы пришлось срочно вызывать группу лётчиков-асов из 48 человек во главе с заместителем начальника ВВС РККА комкором Я. В. Смушкевичем. 17 из них были героями Советского Союза, многие имели боевой опыт войны в Испании и Китае. Они приступили к обучению пилотов, реорганизовали и укрепили систему воздушного наблюдения, оповещения и связи. После этого ситуация в воздухе заметно изменилась: 22 июня над Халхин-Голом 105 советских истребителей сошлись со 120 японскими. В результате противник потерял 31 машину, советские ВВС — 14². В боях 22-28 июня потери японцев составили 90 истребителей.

Советско-монгольские войска, сведённые в 1-ю армейскую группу (командующий комкор Г. К. Жуков), имели в своём составе ок. 57 тыс. чел., 542 орудия и миномёта, 498 танков, 385 бронемашин; группу поддерживали 515 самолётов. Замысел советско-монгольского командования состоял в том, чтобы, сковав противника с фронта, ударами по флангам японской группировки окружить и уничтожить её между Халхин-Голом и государственной границей. 20 августа советско-монгольские войска, упредив противника, после артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. 23 августа основные силы VI-й японской армии были окружены в пределах монгольской территории. К 27 августа советско-монгольские войска расчленили их на две части и уничтожили южную, а к утру 31 августа и северную группировки противника. Территория МНР была освобождена от японской армии. 15 сентября 1939 г. между СССР, Монголией и Японией было подписано соглашение о прекращении боевых действий. Потери РККА равнялись 9703 чел. убитыми и 15 952 чел. ранеными, кроме того были потеряны 253 танка и 207 самолётов³.

¹ Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. — М.: Вече, 2000. С. 487.

² Шишов А. В. Указ. соч. С. 488.

³ Шишов А. В. Указ. соч. С. 515.

Японские потери составили 61 тыс. убитыми, ранеными, пленными и 660 самолётов¹.

С 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г. РККА вела тяжёлую наступательную войну против Финляндии, которая получала помощь от Англии и Франции (только Великобритания поставила в Финляндию 75 боевых самолётов, 114 полевых орудий, 200 противотанковых орудий, 185 тыс. артиллерийский снарядов, 17 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин)². В декабре 1939 г. финский посланник в Италии сообщил, что нацистская Германия «неофициально» отправила в Финляндию партию трофейного вооружения, захваченного в ходе польской кампании. Кроме того, после начала военных действий в Финляндию стали прибывать отряды и группы добровольцев: всего 11 тыс. человек из Швеции, Норвегии, Дании, Венгрии, США, Англии и Эстонии. Это была значительная война с современной европейской армией. Бездарно начатое советским командованием в крайне тяжелое, морозное зимнее время наступление на финские оборонительные рубежи привело к значительным потерям среди советских военнослужащих. Несмотря на это, Красной Армии удалось в феврале 1940 г. прорвать «Линию Маннергейма» и 13 марта, формально уже после окончания войны, взять Выборг. Между тем, военно-политическая ситуация в Европе изменилась не в пользу Финляндии. Ни Англии с Францией, ни их противнику Германии было не до финнов: назревали решающие бои на Западе. В этих условиях Финляндия была бы неминуемо оккупирована Красной Армией, с последующим установлением там советского режима. Правительство Финляндии обратилось к СССР с предложением начать мирные переговоры, и 12 марта был заключен мирный договор, по которому Советский Союз получал полный контроль над акваторией Ладожского озера и полуостровом Рыбачий в районе Мурманска. Помимо этого, в СССР вошли Карельский перешеек и Западная Карелия. Советско-финская граница была отодвинута от Ленинграда с 18 до 150 км.

¹ Шишов А. В. Указ. соч. С. 514.

² Советско-финская война 1939-1940 г. Хрестоматия / ред.-сост. А. Е. Тарас. — Минск: Харвест, 1999. С. 280, 371.

В ходе финской кампании Красная Армия приобрела опыт ведения войны в зимнее время, на лесисто-болотистой территории, опыт прорыва долговременных укреплений и борьбы с противником, применяющим тактику партизанских действий. В столкновениях с финскими войсками, оснащенными пистолетом-пулеметом "Suomi", было выяснено важное значение пистолетов-пулемётов, снятых перед тем с вооружения Красной Армии. Производство ППД было спешно восстановлено и дано техническое задание на создание новой системы пистолета-пулемета, результатом чего стало появление ППШ.

Однако потери Красной Армии, физические и морально-политические, превосходили все её достижения. РККА потеряла убитыми, ранеными, умершими от обморожения, пропавшими без вести 208 653 чел.¹. Но ещё тяжелее был урон, нанесённый военному и политическому авторитету СССР, который был исключен из Лиги Наций, как «агрессор». Гитлер по итогам «Зимней войны» назвал РККА «колоссом на глиняных ногах». Рейхсмаршал Г. Геринг на встрече с финским посланником Т. Кивимяки 22 февраля 1940 г. сказал: *«Запомните, что вам стоит заключить мир на любых условиях. Гарантирую, что, когда через короткий срок мы пойдём войной на Россию, вы получите всё назад с процентами»*². У. Черчилль свидетельствовал, что «неспособность советских войск» вызывала в общественном мнении Англии «презрение»; в английских кругах «слишком поспешно заключили, что чистка погубила русскую армию и что всё это подтверждало органическую гнилость и упадок государственного и общественного строя русских. Этих взглядов придерживались не только в Англии. Можно не сомневаться, что Гитлер со всем своим генералитетом глубоко задумался над финским уроком и что это сыграло большую роль в формировании его намерений»³.

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. — М.: Вече, 2010. С. 175.

² <http://agricola.utu.fi/julkaisut/kirja-arvostelut/index.php?id=44>

³ Черчилль У. Вторая мировая война (В 3-х книгах). — М.: Воениздат, 1991. Т. 1. С. 244.

Однако Сталин не сделал должных политических выводов из прошедшей войны и пребывал в опасных иллюзиях. Выступая на совещании начальствующего состава 17 апреля 1940 г., он отметил: *«Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — не Бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили ещё их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы, [...] мы победили их тактику, их стратегию»*¹. То есть Сталин сделал выводы ровно обратные тому, какие сделали в Берлине, Париже и Лондоне. Это самоуспоение и самоуспокоение от весьма сомнительных итогов «Зимней войны» гипнотизировали Сталина вплоть до мая 1941 г., заставляя его совершать одну роковую политическую ошибку за другой.

Тем не менее, очевидно, что за пять лет до начала Великой Отечественной войны Красная Армия провела по меньшей мере два крупных сражения и одну полноценную кампанию, не считая активного применения боевой авиации в Испании против армии Франко, помогая республиканцам, и в Китае, помогая Гоминдану. Конечно, общий размах боевых операций Красной Армии уступал размаху операций вермахта, но сбрасывать со счетов приобретённый ею боевой опыт, говорить о его незначительности в корне не верно.

Что касается бронетехники и авиации, то РККА не только не уступала силам нацистской Европы, но и в некоторых видах превосходила их. Принято считать, что большая часть советских танков были лёгкими и устаревшей конструкции, а современных КВ и Т-34 было крайне мало. Однако если мы посмотрим на приводимую ниже таблицу, то увидим, что это не так, и что у немцев средних танков тоже было меньше, чем устаревших лёгких, а тяжёлых не было вообще.

¹ *Сойма В.* Запрещённый Сталин. — М.: Олма-Пресс, 2005. С. 380.

СССР ¹ танки (в западных ВО)					Германия ² танки (на восточных границах)				
КВ-1, КВ-2 тяжёлые	Т-34-76 средний	Т-28 средний	БТ лёгкий	Т-26 лёгкий	Pzkw-IV средний	Pzkw-III средний	Pzkw-38(t) чехосло- вацкий лёгкий	Pzkw-II лёгкий	Pzkw-I лёгкий
469	832	424	4562	4221	439	965	772	746	180
Итого: 1725			Итого: 8783		Итого: 1404			Итого: 1698	

Когда весной 1941 г. Гитлер с целью дезинформировать советскую сторону и убедить её в своих «миролюбивых намерениях», разрешил военной комиссии из Москвы ознакомиться с германскими танковыми училищами и заводами, а также со всеми образцами имеющихся на вооружении вермахта танками, то советские представители никак не могли поверить в то, что Pzkw-IV является самым тяжёлым германским «панцером». Они неоднократно заявляли, что германская сторона скрывает от них свои тяжёлые танки. Как вспоминал Гудериан: *«Настойчивость комиссии была столь велика, что наши фабриканты и офицеры управления вооружения сделали вывод: “Кажется, сами русские уже обладают более тяжёлыми и совершенными типами танков, чем мы”*³. Следует отметить, что против тяжелых танков КВ-1 и КВ-2 немцы вообще не имели артиллерийских орудий, способных пробить их броню. Противник выяснил это уже в ходе летней кампании, когда для уничтожения КВ использовались зенитные орудия прямой наводкой, или вызывались штурмовики «Ju-87». В этой связи примечателен бой, во время которого один танк КВ-1 в течение суток удерживал две немецкие танковые группы возле города Расейняй (на тот момент Литовская ССР). Командовавший в 1941 г. 6-й стрелковой бригадой генерал-майор Э. Раус вспоминал: *«Проходили часы, а вражеский танк, блокируя дорогу, едва ли двигался, хотя и*

¹ Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). С. 132-134.

² Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945. — М.: Эксмо, 2002.

³ Гудериан Г. Воспоминания солдата. — Смоленск: Русич, 1999. С. 85.

стрелял время от времени в направлении Расяйняй. Его стрельба подожгла 12 грузовиков, следовавших к нам из Расяйняй с необходимейшими запасами»¹. Танк стоял так удачно, что обойти его было нельзя — с одной стороны простиралось болото, с другой заболоченный лес. Сначала немцы попытались уничтожить советскую машину огнём двух новейших на тот момент 50-мм противотанковых пушек Pak-38. Однако ответным огнем КВ орудия были разбиты, при этом два артиллериста погибли и один был ранен. Затем немцы попытались расстрелять танк из 88-мм зенитки, которую они стали подкатывать на дистанцию прямого выстрела. Раус написал об этом так: *«Экипаж танка был настороже, а командир имел крепкие нервы. Он следил за приближением пушки, но не препятствовал этому, так как зенитка, пока находилась в движении, была безопасна. Кроме того, чем ближе она подходила, тем больше шансов было её уничтожить. Критический момент в этом поединке наступил, когда зенитчики начали готовиться к стрельбе. Пока стрелки в сильнейшем нервном напряжении торопливо готовились к выстрелу, танк развернул башню и открыл огонь первым. Каждый выстрел поражал цель. Тяжело повреждённая зенитка была отброшена в канаву, где её пришлось бросить. Среди зенитчиков были жертвы»*².

Также не удалось попытки уничтожить КВ силами танков группы Рауса — справа и слева от дороги были болота, и боевые машины просто застревали. Вечером была сформирована группа сапёров под командованием обер-лейтенанта Гепхарда, которые заложили заряды под танк, но и это не дало результатов. Утром 25 июня 1941 г. немцы предприняли атаку своими танками Pzkw-35(t), и пока экипаж КВ отражал её, развернули два 88-мм зенитных орудия. Пушки открыли огонь, но только с 13-го выстрела смогли поразить КВ, экипаж которого героически погиб. Немцы пригнали жителей из города, чтобы похоронить погибших, при этом один из офицеров сказал своим солдатам: *«Вы должны сражаться так же, как эти русские танкисты»*³.

¹ Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. — М.: АСТ, 2006. С. 12.

² Раус Э. Указ. соч. С. 13.

³ Коломиец В. М. Один против дивизии: история боя танка КВ с немецкими

Что касается боевой авиации, то в западных военных округах ВВС РККА располагали 7009 истребителями и бомбардировщиками, 1333 самолётами в дальней авиации¹. Из них новых самолётов было 2748 (Як-1 — 399 шт., МиГ-3 — 1309 шт., ЛаГГ-3 — 322 шт., Пе-2 — 460 шт., Ил-2 — 249 шт. и ТБ-7 — 9 шт.)². В эти данные не входят самолёты морской авиации Северного, Балтийского и Черноморского флотов, в котором тоже были новые марки, и они тоже вступили в бой в первые минуты вражеского нападения. Конечно, не все авиационные полки Красной Армии и Флота начали войну, имея новейшие марки машин. Но и 2748-ми новых самолётов должно было хватить, чтобы не допустить разгрома и захвата Люфтваффе господства в воздухе.

Таким образом, то, что случилось летом 1941 г. нельзя объяснять только превосходством германской армии в технике и живой силе. Более того, это обстоятельство не является даже первостепенным.

Гораздо важнее была идеологическая и организационная слабость РККА. Изначально советское политическое руководство ставило перед армией задачу ведения не отечественной, а революционной войны. Вероятные государства-противники рассматривались советским руководством как слабые звенья, которые в случае войны, рухнут из-за восстания собственного пролетариата, не желающего воевать с «родиной рабочих и крестьян». В 1927 г. Сталин утверждал, что главная задача советской внешней политики состоит в том, чтобы *«бить тревогу во всех странах Европы об угрозе новой войны, поднять бдительность рабочих и солдат капиталистических стран и готовить массы, неустанно готовить к тому, чтобы встретить во всеоружии революционной борьбы все и всякие попытки буржуазных правительств к организации новой войны»*³.

частями в июне 1941 года // <http://subscribe.ru/group/razumno-o-svoem-i-nabolevshem/3404675/>

¹ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 г.). Статистический сборник №1 (22 июня 1941 г.). — М., 1994. С. 248.

² РГВА. Ф. 130. Оп. 25. Д. 199. Л. 4-5.

³ *Сталин И. В. Заметки на современные темы // Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. С. 327.*

В 1934 г. Сталин предупреждал Запад, что война против СССР *«будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии ещё потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией»»*¹.

Таким образом, в военную доктрину Советского Союза была заложена идея не Отечественной, а интернациональной войны. Этот важнейший фактор мы должны постоянно учитывать, когда говорим о внешней политике сталинского руководства особенно в предвоенные годы. В своих внешнеполитических построениях Сталин думал о расширении социалистической системы, укреплении своей власти, интересах III Интернационала, но ни в коем случае не о национальных интересах России. Это вовсе не означает, что справедлива бредовая версия В. Резуна о том, что Сталин хотел напасть на Германию. Принцип ведения войны на вражеской территории являлся стержнем концепции всех ведущих европейских государств, и СССР не был исключением. Так, полковник Ш. де Голль убеждал правительственные круги Франции в 1940 г.: *«Если вермахт будет наступать вдоль Дуная или Эльбы, почему бы нам не выдвинуться на Рейн? Почему бы нам не войти в Рур, если немцы пойдут на Вислу? Ведь если бы мы были в состоянии предпринять такие контрмеры, то, несомненно, одного этого было бы достаточно, чтобы не допустить развития агрессии»*².

Сталинская военная концепция вплоть до 3 июля 1941 г. стро-

¹ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 294-298.

² Голль Ш., де. Военные мемуары: Призыв 1940-1942. — М.: АСТ, Астрель, 2003. С. 46.

илась на том, что в случае агрессии против СССР ему на помощь должен был прийти пролетариат стран-агрессоров, и война приобретала освободительный (для пролетариата Европы) характер, который должен был привести к краху капиталистической системы. Как известно, эта опасная и ни на чём не основанная иллюзия дорого стоила нашей армии сначала в советско-финской кампании, а затем в июне 1941 г. В январе 1941 г. начальник Главного Политического управления РККА А. И. Запорожец написал объемную докладную записку на имя наркома обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, в которой, характеризуя настроения красноармейцев, отмечал: *«Глубоко укоренился вредный предрассудок, что будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной Армии останется лишь пройти по стране противника триумфальным маршем и установить Советскую власть»*¹.

Об этом же вспоминал и известный советский историк Лев Безыменский: *«Конечно, спорили о судьбе Германии, о том, как скоро немецкий рабочий класс свергнет Гитлера; о том, как быстро в случае нападения Германии на Советский Союз немецкие солдаты — “рабочие и крестьяне в солдатских шинелях” — повернут оружие против своих классовых врагов. Да, именно как быстро, а не вообще — повернут или нет. Спорили об этом даже в июне и июле 1941 года»*².

«Зимняя война» с Финляндией стала неприятной неожиданностью для Сталина. Рассчитывая на быструю победу многократно превосходящих сил Красной Армии (только танков она имела 2289 против 30 финских), вождь был обескуражен военной неудачей зимой 1939-1940 г. При этом никакого восстания «возмущённого пролетариата» ни в самой Финляндии, ни где-либо ещё не наблюдалось. Ситуация для СССР становилась опаснее день ото дня. Весной 1940 г. в Лондоне и Париже начали всерьёз прораба-

¹ Россия XX век. Документы. 1941 год. В 2-х книгах. Кн. 2. — М., 1998. С. 577.

² Безыменский Л. А. Сталин и Гитлер перед схваткой. — М.: Вече, 2000. С. 9.

тываться планы объявления войны Советскому Союзу. 3-5 апреля на заседании Комитета представителей командования Англии и Франции, специально созданного для координации усилий по подготовке вторжения в СССР, было принято решения для уничтожения нефтереминатов бакинской нефти нанести бомбовые удары по Баку, Батуми, Потти. Генерал де Голль, бывший в 1940 г. полковником и назначенный в самый день начала боевых действий с Германией командующим танковыми войсками в Сааре, свидетельствовал о настроениях, царивших в высших политических и военных кругах Третьей республики: «*Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар СССР вопросами оказания помощи Финляндии, бомбардировками Баку или высадкой войск в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией*»¹.

17 апреля командующий французскими войсками на Ближнем Востоке генерал армии М. Вейган докладывал французскому правительству: «*Подготовка к бомбардировке кавказских нефтяных месторождений настолько продвинулась, что можно рассчитать время, в течение которого эта операция может быть выполнена*»². Вейган предлагал нанести налёт в конце июня — начале июля 1940 г. Роль главной ударной силы, которая должна была «*сломать хребет СССР*», отводилась мощному французскому корпусу в Сирии и Ливане. Одновременно Англия и Франция приняли решение о формировании 150-го экспедиционного корпуса для войны с СССР на стороне Финляндии. Заместитель начальника французского Главного штаба Военно-воздушных сил бригадный генерал Ж. Бержере писал следующее: «*Из района Ближнего Востока начнется наступление на Баку... Затем оно будет развиваться в северном направлении навстречу армиям, наступающим из Скандинавии и Финляндии на Москву*»³.

¹ Голль Ш., де. Указ соч. С. 7.

² Gorse Paul-Marie, de la. 39-45, une guerre inconnue. 1-ère edition. — Paris: Flammarion, 1995.

³ Gorse Paul-Marie, de la. 39-45, une guerre inconnue. P. 151.

Особенно опасными для сталинской власти были планы политических кругов Лондона и Парижа по использованию троцкистов в предстоящей войне с СССР. 17 января 1940 г. оберфюрер СС Р. Ликус, ведавший в «личном штабе» Риббентропа обработкой информации, которая поступала по агентурным каналам, положил на стол министра следующее агентурное донесение из Женевы: *«Об английских планах относительно нарушения снабжения нефтью Германии и России из Женевы секретно сообщают: Английская сторона хочет предпринять попытку отрезать русских от нефтяных источников и одновременно намерена в той или иной форме воздействовать на Румынию и, вызвав конфликт на Балканах, лишить Германию поставок нефти. Отрезав СССР и Германию от нефти, англичане надеются быстро и радикально решить проблему; предполагается, что в резко ухудшившихся условиях эти страны перейдут к открытой борьбе друг против друга... Далее английской стороной будет предпринята попытка мобилизовать группу Троцкого, то есть IV Интернационал, и каким-то способом перебросить её в Россию. Агенты в Париже сообщают о том, что Троцкий с помощью англичан должен будет вернуться в Россию, чтобы организовать путч против Сталина»*¹.

Англо-французы при этом явно хотели повторить вариант 1917 г., когда в Россию были переправленыпломбированный вагон с Лениным и корабль с Троцким, вместе с их сподвижниками, которые разложили русскую армию и заключили Брестский мир, отдав Германии огромные территории. В 1940 г. англичане и французы с помощью Троцкого хотели втянуть СССР в войну и тем самым заставить рейх воевать на два фронта. В декабре 1939 г. Государственный совет Финляндии, явно с подачи своих друзей из Лондона и Парижа, открыто обсуждал создание на советской территории альтернативного правительства во главе с Троцким или Керенским².

¹ Вишлёв О. В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. — М.: Наука, 2001. С. 131.

² Вишлёв О. В. Указ. соч. С. 130-131.

Сталин был знаком с этими англо-французскими планами и крайне их опасался, а потому поспешил скорей закончить финскую кампанию, благо, что Лондону и Парижу перед лицом готовящегося германского наступления было уже не до наполеоновских походов. Однако, как ни парадоксально это прозвучит, проявившиеся огромные недостатки в военной подготовке и выучке личного состава Красной Армии, вроде бы привели советского вождя к правильным выводам. Выступая на совещании командного состава по результатам войны, Сталин раскритиковал его за отсутствие в РККА достаточного количества миномётов, автоматов, шаблонность мышления, увлечение традициями Гражданской войны, указав на необходимость борьбы с мнением о лёгкой победе в будущей войне: *«Вот с этой психологией, что наша армия непобедима, с хвастовством, которые страшно развиты у нас, — это самые невежественные люди, т.е. большие хвастуны, — надо покончить. С этим хвастовством надо раз и навсегда покончить. Надо вдолбить нашим людям правила о том, что непобедимой армии не бывает. Надо вдолбить слова Ленина о том, что разбитые армии или потерпевшие поражения армии очень хорошо дерутся потом. Надо вдолбить нашим людям, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война — это игра с неизвестными, что там, в войне, могут быть и поражения. И поэтому, надо учиться не только наступать, но и отступать»*¹.

Однако эти слова так и остались благими пожеланиями. «Самые невежественные люди» сидели в руководстве политических управлений Красной Армии. Они в течение десятилетий, говоря сталинским языком, «вдалбливали» красноармейцам и командирам именно то, что от них требовало высшее политическое руководство, а именно: *«От Москвы до Британских морей — Красная Армия всех сильнее»*. Перестроиться в одночасье они не могли. Но дело в том, что не собиралось перестраиваться и высшее военное командование, да и сам Сталин. В том же выступлении 17 апреля, после всех перечисленных недостатков Красной Армии, вождь вдруг заявил: *«Наша современная Красная Армия обстреливалась на*

¹ Россия XX век. Документы. 1941 год. С. 602-603.

полях Финляндии — вот первое её крещение. Что тут выявилось? То, что наши люди — это новые люди. Несмотря на все их недостатки, очень быстро, в течение каких-либо полутора месяцев преобразовались, стали другими, и наша армия вышла из этой войны почти что вполне современной армией...»¹. Эта уверенность, в том, что РККА превратилась в современную армию, обязанную и готовую вести в первую очередь наступательные бои, стала после «Зимней кампании» убеждением Сталина, с которым он подходил и к возможной войне с Германией.

С 8 по 11 января 1941 г. советское командование провело военную игру, на которой отработывался основной вариант оперативного плана. В полосе шириной около полутора тысяч километров были задействованы 181 стрелковая, 10 кавалерийских, 7 моторизованных и 15 танковых дивизий, 22 танковые и механизированные бригады, около 29 тыс. орудий и миномётов, свыше 12,1 тыс. танков, более 10,2 тыс. самолётов. Генерал армии Г. К. Жуков командовал войсками «восточных», а «западных» возглавили генерал армии Д. Г. Павлов и командующий войсками ПриОВО генерал-лейтенант Ф. И. Кузнецов².

Согласно исходным данным, нападение летом 1941 г. совершили «западные», но действия по отражению «агрессии» на игре не отработывались вовсе. Начальный период войны был полностью проигнорирован. Условный сценарий конфликта предполагал, что за первые неделю-две боевых действий «западные» совместно с их союзниками, не завершив развертывания, осуществили нападение на «восточных» и сумели продвинуться вглубь их территории на 50-120 км. Затем «восточные» наносили мощные контрудары и отбрасывали войска «западных» в исходное положение или даже переносили боевые действия на вражескую землю. Для этого создавалось значительное общее количественное превосходство «восточных» над «западными»: по танкам в первой игре — в два с половиной раза, во второй — в три, по самолётам, соответственно, в 1,7 и 1,3 раза.

¹ Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 603.

² Там же. С. 601.

Признавая оборону закономерным способом ведения военных действий, командование Красной Армии уделяло непропорционально мало внимания разработке теории и практике ведения оборонительных действий в стратегическом масштабе. С учётом соотношения сил и средств Германии и СССР отразить первый удар противника и ликвидировать достигнутые им успехи предполагалось в любом случае, словно по мановению волшебной палочки.

Таким образом, игра, вопреки распространённому мнению, не имела ничего общего с реальными проблемами, которые пришлось решать командованию Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. Основной причиной была всё та же идеологическая установка о превосходстве Красной Армии.

В 1938 г. на экраны советских кинотеатров вышел фильм Ефима Дзигана «Если завтра война...», который красноармейцы, как и весь советский народ, с увлечением смотрели вплоть до начала Великой Отечественной войны. Фильм был создан по мотивам книги известного в то время писателя Н. Н. Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне». Вот, как этот «фантаст» описывал от имени вражеского «фельдмайора» армии «имперцев» Бунка попытку начать войну с Советским Союзом: *«Так хорошо задуманный и тщательно подготовленный удар не дал ожидаемых результатов. Я до сих пор не понимаю, как это могло произойти: большевики встретили нас почти у границы. Самый элементарный подсчёт говорит, что на обнаружение наших частей в воздухе, передачу сообщений от передовых постов к аэродромам и подъем советских самолётов (даже если бы они находились в полной боевой готовности) большевикам нужно было не меньше восемнадцати минут. За это время наши головные части могли-бы уже углубиться на сорок пять-семьдесят километров в глубь вражеской территории. А в действительности мы были встречены истребительными частями охранения на глубине от двух до четырёх километров. Значит, когда мы подходили к границе, они были уже в воздухе и ждали нас. Они знали о нашем вылете. Значит, нас предали. Иначе это объяснить нельзя. Какой-нибудь коротковолновик-любитель сделал своё чёрное дело. (Догадка фельдмайора Бунка не-*

верна. Налет немцев был отражен благодаря тому, что советские пограничные посты ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) были снабжены усовершенствованными слуховыми приборами, и высокой чувствительности. Ещё до того, как противник перелетел советскую границу, дежурные части ВВС узнали о приближении большого числа самолётов и немедленно поднялись со своих аэродромов. Имперцы обманулись во внезапности своего удара потому, что установление факта нападения и передачу тревоги к аэродромам наши погранчасти и радиослужба выполнили очень быстро. Таким образом, лишь благодаря высокой технике охранения и бдительности использовавших её людей, намерения врага были предупреждены — прим. автора). На этот раз мы не послали разведку, чтобы не обнаружить себя, и это погубило весь замысел. Ни одно крупное соединение бомбардировщиков, посланных для закупорки большевистских аэродромов, не достигло цели. Из восьмисот тысяч килограммов бомб половина была сброшена на пограничные колхозы; вторую половину, преследуемые большевиками, бомбардировщики сбрасывали, для облегчения себя, куда попало. С удивительной последовательностью эта картина повторилась на всех трёх направлениях — северо-восточном, восточном и юго-восточном. Ни одной брешки. Так тщательно разработанный план был сломан в самом начале»¹.

Неизвестно, чувствовал ли «мечтатель» Шпанов угрызения совести, когда в июне 1941 г. война началась ровно обратно тому, что он насочинял в своём опусе. К слову сказать, после заключения советско-германского пакта, книга исчезла с прилавков магазинов. Но созданный по ней фильм «Если завтра война» пользовался в СССР огромной популярностью вплоть до начала Великой Отечественной. В фильме Красная Армия сокрушительно громит полчища агрессоров, одетых в какую-то смесь из английской, французской, польской униформ и говорящих по-немецки. Война заканчивается освобождением Европы победоносной Красной Армией, где её встречают миллионы восторженных трудящихся. К фильму поэт В. Лебедев-Кумач написал на музыку братьев По-

¹ Шпанов Н. Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. — М.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939. С. 43.

красс знаменитую песню. Особенно запоминающимся был следующий куплет:

*Мы войны не хотим, но себя защитим, —
Оборону крепим мы недаром, —
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!*

Фильм вызвал восторг у маршала К. Е. Ворошилова. С его подачи этому «шедевру» в 1941 г. была присвоена Сталинская премия II-й степени. Через несколько месяцев началась настоящая война, и об этой поделке сразу все забыли, настолько она оказалась далёкой от действительности. Но фильм «Если завтра война...» был не просто киноподелкой. Это была, так сказать, популяризация «военной доктрины революционной войны».

Официальное отношение к нацистской Германии со стороны советского руководства, которое в связи с заключением «Договора о ненападении» и «Договора о дружбе и границе» претерпело в 1939-1940 г. принципиальное изменение по сравнению с 1930 гг., также самым негативным образом сказалось на моральном состоянии Красной Армии и её боеготовности. В январе 1934 г., то есть через год после прихода Гитлера к власти, Сталин не скупился на обличение его режима: *«Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нём даже атома социализма. В этой связи победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Её надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, — как признак того, что она не в силах больше найти вы-*

ход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны»¹.

Однако после заключения пакта 1939 г. отношение к нацистской Германии поменялось. Во время переговоров в Москве с рейхсминистром иностранных дел И. фон Риббентропом, Сталин предложил тост: *«Я знаю, как немецкий народ любит фюрера. Поэтому я хочу выпить за его здоровье»²*. При этом немцы должны были почувствовать, что находятся не среди «иудо-большевиков», а скорее в кругу русских националистов. Когда Риббентроп во главе германской делегации поднимался по лестнице Большого Кремлевского дворца на торжественный банкет по случаю заключения договора, он с удивлением увидел *«картину, на которой был изображён царь Александр II со своими крестьянами после отмены крепостного права»³*. Рейхсминистр также отметил, что *«в сталинской Москве наметилась эволюция тезиса о мировой революции в более консервативном направлении. Фильм “Пётр Первый”, который как раз тогда шел на московских экранах, тоже мог истолковываться в этом духе»⁴*. Сопровождавший Риббентропа гауляйтер Данцига А. Форстер признался министру, что он порой чувствовал себя просто *«как среди старых партайгеноссен»⁵*. Однако восторженный доклад недалекого Риббентропа о новых «партайгеноссен» не произвёл на Гитлера никакого впечатления. Поддакивая на словах своему министру, фюрер был обрадован только одним: войну с Польшей можно было начинать, не беспокоясь о внезапном вмешательстве Советского Союза.

Нарком иностранных дел В. М. Молотов, выступая на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.,

¹ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду о работе ЦК ВКП(б) // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 293.

² Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 47.

³ Откровенные признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. — М.: Терра, 1996. С. 24.

⁴ Откровенные признания. С. 24.

⁵ Там же. С. 25.

заявил: «Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”»¹. После заключения 28 сентября 1939 г. «Договора о дружбе и границе» между СССР и Германией, критика последней была прекращена не только в печати, но и в высказываниях партийной номенклатуры и общественности. Германский посол Шуленбург сообщал Риббентропу 6 сентября 1939 г., что советскую «прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т.п.»².

С другой стороны, советским агитатором надо было как-то объяснять людям, почему вдруг отношение к рейху изменилось столь диаметрально. Некоторые из них (как, например, ответственный редактор журнала «Коммунистический Интернационал» Виден) не находили ничего лучшего, как заявлять: «Задача коммунистов за рубежом — создать фронт трудящихся и против англо-французского империализма, и против германского. Главная задача такого фронта, во-первых, это борьба за мир, и во-вторых, борьба за то, чтобы пакт был бы длительным и сильным». Руководство Германии, по словам Видена, подписало пакт «не от всей души, оно пошло на этот шаг, поняв, что для Германии безнадежно вести войну против Советского Союза»³.

Вообще предвоенный период 1940-1941 г. характеризуется крайне противоречивостью действий советского руководства в отношении Третьего рейха⁴. Доктор исторических наук В. К. Волков

¹ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. — М.: Воениздат, 1987.

² Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939-1941: документы и материалы / сост. Ю. Г. Фельштинский. — М., 1991. С. 112.

³ Тягур М. И. Советские люди и договор о ненападении с Германией // Журнал «Самиздат» http://samlib.ru/t/tjagur_m_i/ludiidogovor-2.shtml

⁴ Волков В. К. Советско-германские отношения и советская политика на Балканах накануне гитлеровского нападения на СССР (осень 1940 —

подчёркивал: «Попытка определить, как стратегические цели, так и тактические задачи неизбежно наталкиваются на двойственность, присущую сталинским замыслам вообще. В 1940-1941 г. эта раздвоенность достигла апогея: аргументация выдвигалась одна, действия были иными, а их последствия — совершенно непредсказуемыми. Отсюда — налёт иррациональности на ряде действий советской дипломатии»¹.

Заключив пакт с Германией, Сталин был убеждён в том, что фюрер и германская политико-промышленная верхушка крайне заинтересованы в поддержании добрых отношений с СССР по политическим и экономическим причинам. 19 августа 1939 г. одновременно с «Договором о ненападении» подписанном между СССР и Германией в Москве, в Берлине заместителем торгпреда Е. И. Бабариным и заведующим восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии К. Шнурре, было подписано советско-германское торгово-кредитное соглашение, предусматривающее предоставление рейхом Советскому Союзу кредита в размере 200 млн рейхсмарок, сроком на семь лет из 5 % для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания договора. Соглашение предусматривало также поставку советских товаров Германии в тот же срок, то есть в течение двух лет на сумму 10 млн рейхсмарок. Список товаров, подлежащих поставке из СССР на основе подписанного соглашения, состоял из кормового хлеба (22 млн марок), леса (74 млн марок), платины (2 млн марок), марганцевой руды (3,8 млн марок), хлопка-сырца (12,3 млн марок), фосфатов (13 млн марок), бензина (1, 2 млн марок), шетины (3, 6 млн марок) и др.² В свою

первая половина 1941 г.) // К вопросу о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). — М., 1992. С. 6.

¹ Волков В. К. Указ. соч. С. 6.

² Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы в двух томах. Составитель МИД СССР. — М., 1990. Т. 2. № 575.

очередь, Германия должна была поставлять в Советский Союз товарные, револьверные, производственные станки, химические товары, красители, предметы вооружения, насосы, заготовочные и строительные машины, краны, различных модификаций, прокатные станы, оборудование для пороховых и химических фабрик, компрессоры, оборудование для угольной промышленности, буксиры, турбины и др. После заключения соглашения, Шнурре направил Бабарину письмо следующего содержания: *«Германское правительство при размещении и выполнении заказов будет — как и до сих пор — оказывать торговому представительству и советским импортным организациям в каждом отдельном случае [нужное] содействие.*

Германское правительство будет далее содействовать тому, чтобы представители торгового представительства СССР и советских импортных организаций могли посещать соответствующие предприятия, готовые производить поставки, с целью установления качества заказываемых изделий. Германское правительство также будет оказывать влияние с целью обеспечить представителям торгового представительства СССР и советских импортных организаций возможность после передачи заказа и после предварительного сообщения посещать заводы-поставщики, чтобы удостовериться в положении и успешности выполнения заказа, при специальных заказах производить необходимые испытания и осуществлять надлежащую приёмку.

Торговое представительство СССР в Берлине в соответствующих случаях будет сообщать имперскому министерству экономики немедленно о начале переговоров с германскими фирмами относительно заказов, чтобы имперское министерство экономики могло оказать свое влияние в соответствии со смыслом настоящего письма»¹.

Сталин полагал, что такое выгодное военно-политическое сотрудничество в ближайшие несколько лет не позволит Гитлеру начать не то что войну, но даже политическую конфронтацию с СССР. Сам вождь собирался строить с Германией отношения «всерьёз и

¹ Год кризиса. 1938-1939. Кн. 2. №575.

надолго». В конце банкета по случаю «Договора о ненападении», прощаясь с германской делегацией, Сталин сказал Риббентропу: *«Советское правительство рассматривает новый пакт очень серьёзно. Он может гарантировать своим честным словом, что Советский Союз не подведёт своего товарища»*¹. Под «товарищем» имелся ввиду Гитлер, и Сталин, никогда ничего не говоривший просто так, не случайно применил к нацистскому вождю это советское обращение. Дело здесь, конечно, не в пресловутых личных симпатиях «двух диктаторов», которых и в помине не было. Просто Сталин решил, что союзные отношения больше нужны не ему, а Гитлеру. До поры до времени, внешне это действительно выглядело так. Именно Гитлер в августе 1939 г. несколько раз через своего посла графа В. фон Шуленбурга телеграфировал Сталину с настойчивой просьбой как можно скорее принять Риббентропа в Москве для заключения договора о ненападении. Именно Гитлер дал полномочия Риббентропу немедленно согласиться с условиями Сталина по разделу сфер влияний, отдав в советскую сферу Финляндию, Западную Польшу и Прибалтику, именно он заставил своих генералов выйти из захваченного ими Львова и передать его Советам, именно он молча наблюдал, как Советский Союз присоединил к себе Прибалтийские республики, Бессарабию, Северную Буковину и часть Финляндии. В августе 1939 г. Гитлер уполномочил Риббентропа заявить Сталину *«о германской незаинтересованности в территориях юго-восточной Европы вплоть до Константинополя и Проливов, если бы это было необходимо»*². Из последующей политики Сталина на Балканах, по тем требованиям по обладанию Черноморскими проливами, которые он предъявлял государствам «Оси», следует, что вождю было известно об этих словах фюрера.

Та лёгкость, с которой Германия шла навстречу пожеланиям советской стороны, ещё больше укрепила Сталина в мысли, что Гитлер ставит партнерские отношения с СССР превыше всего.

¹ Оглашению подлежит. С. 73-77.

² СССР—Германия. 1939—1941, Документы и материалы (перевод сборника „Nazi-Soviet Relations“, Department of State, 1948). — Вильнюс: изд-во „Мокслас“, 1989. Т. 2. С. 70.

Вплоть до лета 1940 г. Сталин чувствовал себя сильнее Гитлера. Он был уверен, что Германия втянулась в длительную и трудную войну в Европе, и ей точно не до войны с Советским Союзом.

Но Гитлер вёл свою, только ему до конца известную игру: сначала, обеспечив нейтралитет СССР, разделаться с Польшей, Францией и Англией, установив свой контроль над Европой, а затем уничтожить и сам СССР. Накануне войны с Польшей и подписания пакта со Сталиным, Гитлер сказал ближайшему окружению: *«Польша находится в том состоянии, в каком я хотел её видеть. Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк¹»*. Однако далее Гитлер признался: *«Мой пакт с Польшей² был задуман просто как выигрыш времени. А, впрочем, господа, с Россией проделывается то же самое, что я уже освоил на примере Польши! После смерти Сталина, а он — тяжёлобольной человек, мы разгромим Советский Союз. Тогда забрезжит заря германского господства на всём земном шаре³»*.

Между тем, советское руководство продолжало считать своим главным потенциальным противником англо-французскую коалицию, а не Германию⁴.

Весной 1940 г. развернулись молниеносные западноевропейские кампании вермахта. За одни сутки с 8 на 9 апреля его моторизованные части захватили Данию. В эти же дни началось вторжение германских войск в Норвегию. Через месяц с небольшим оно завершилось её оккупацией. Утром 10 мая 1940 г., не дожидаясь окончания операций в Норвегии, вермахт перешёл границы трёх нейтральных стран: Бельгии, Голландии и Люксембурга. Правительство рейха заявило, что имеет своей целью «обеспечить

¹ Откровенные признания. С. 95.

² Имеется ввиду германо-польский договор о ненападении 1934 г. — *Прим. авт.*

³ Откровенные признания. С. 95.

⁴ См.: *Гибианский Л. Я.* Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах // *Славяноведение*. — 2013, №1. С. 24.

нейтралитет» этих государств от англо-французской угрозы. Люксембург капитулировал без сопротивления, Бельгия и Голландия объявили войну Германии и попросили помощи у Парижа и Лондона.

14 мая голландские войска были разгромлены, королева Вильгельмина и правительство бежали из страны, которая была полностью оккупирована. Между тем англо-французское командование, как и предвидел Гитлер, двинуло свои основные войска в Бельгию. Следуя ранее намеченному плану, немецкий генерал пехоты Э. фон Манштейн танковыми клиньями прорвал французский фронт в районе Седана и двинулся в обход знаменитой «неприступной» французской линии «Мажино» к Ла-Маншу, окружая англо-французские силы в Бельгии. 14 мая капитулировала Голландия, а 28 мая — Бельгия. 400-тысячная англо-французская группировка была окружена в районе г. Дюнкерка на северном побережье Франции. Гитлер тем не менее дал приказ остановить движение своих танков, по-видимому, желая достичь мира с Великобританией. Это дало возможность эвакуировать большую часть английских солдат и офицеров в Англию. 14 июня, после победоносного марша, вермахт вступил в Париж. 22 июня в присутствии Гитлера и Геринга, в Компьенском лесу, в вагоне, где когда-то французский маршал Ф. Фош принимал капитуляцию кайзеровской армии, была подписана капитуляция Франции, чья армия была полностью разбита. Потери французов составили около 300 тыс. человек убитыми и ранеными и 1,5 млн пленными. ВВС и танковые силы Третьей республики были частично уничтожены, частично встали на вооружение вермахта. Потери последнего равнялись 45 218 чел. убитыми и 111 034 ранеными.

В ходе европейской кампании Гитлер и его генералы проявили новаторство, неординарность военного мышления, сочетаемые с бешеной энергией и беспощадной жестокостью. Германская армия победила Францию не за счёт своего боевого опыта, а за счёт неукротимого стремления победить и отомстить за поражение в Первой мировой войне. Главной причиной столь быстрого поражения французской армии было нежелание армии и населе-

ния воевать за непонятные им интересы. «Война за Польшу» была во французском народе крайне непопулярной, а немцы не воспринимались однозначно как враги. Всего 22 года назад, в 1918 г. закончилась страшная бойня, в которой погиб цвет французской нации, но которая не принесла Франции ничего, кроме страшно-го экономического кризиса. К лету 1940 г. французский народ ещё не оправился от тяжелейших испытаний Первой мировой войны и выразил своё нежелание воевать с немцами.

Вернувшийся из покорённого Парижа, Гитлер ощущал себя триумфатором: по всей Германии несметные толпы встречали его как национального героя. На Западе оставалась только Англия, но её, как военного сухопутного противника, фюрер всерьёз не воспринимал. Встречаясь 24 октября 1940 г. в Монтуаре с главой вишистского режима маршалом Ф. Петэном, Гитлер убежденно заявил, что к 1942 г. *«Англия будет повержена, а мысль об американской высадке на континенте в военном смысле является чистой иллюзией»*¹.

Тогда же, после разгрома Франции, Гитлер принял решение о начале подготовки войны против СССР. 31 июля 1940 г. он сообщил своему верховному командованию, что решил подготовить нападение на Советский Союз: *«В ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено, весной 41-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. [...] Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев»*². 14 ноября того же года после беседы с Гитлером главнокомандующий Кригсмарине гросс-адмирал Э. Рёдер отметил в своём дневнике: *«Фюрер по-прежнему склоняется к тому, чтобы разжечь конфликт с Россией»*³.

Советское руководство об этих планах «партнера» по пакту не догадывалось, хотя и было, конечно, неприятно поражено стре-

¹ Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 131.

² Откровенные признания. С. 108.

³ Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 169.

мительным и кардинальным успехом Германии в Западной Европе и окончательным оформлением в сентябре 1940 г. Тройственного пакта — Берлин — Рим — Токио.

Однако глубоких выводов из происшедшего Сталиным сделано не было. Он, советский МИД и разведка, пропустили принципиальный антисоветский поворот германской политики. 1 августа 1940 г. нарком иностранных дел Молотов, выступая на заседании Верховного Совета, заявил, что *«в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как Советского Союза, так и Германии»*¹.

Дипломатические поражения Сталина 1940-июнь 1941 г.

Поражение Франции стало важнейшим поворотным пунктом в начальном периоде мировой войны, повлиявшим на ситуацию в других европейских регионах, особенно на Балканах. Гитлер и Муссолини приступили к решительному подчинению балканских государств. Одновременно в борьбу за влияние на Балканах вступил и Советский Союз². Однако сразу выяснилось, что немцы не собираются считаться с его интересами в этом регионе. В начале сентября 1940 г. в Вене под эгидой нацистской Германии собралась конференция придунайских государств. На неё пригласили также фашистскую Италию, но «забыли» пригласить СССР, имевший выход к Дунаю.

10 сентября замнаркома иностранных дел А. Я. Вышинский заявил Шуленбургу, что Советское правительство удивлено тем, что оно не было уведомлено о столь важном шаге, как созыв Венской конференции, и не приглашено принять участие в её работе. Шуленбург сослался на то, что конференция занималась только проблемами судоходства в верхнем и среднем течении Дуная,

¹ Цит. по Волков В. К. Указ. соч. С. 7.

² Гибианский Л. Я. Указ. соч. С. 23.

но Вышинский не принял этой отговорки и настаивал, что Советский Союз, как придунайская держава, интересуется всеми дунайскими проблемами, где бы они ни возникали.

Ответ на это представление был дан Риббентропом через два дня в Берлине советскому полпреду А. А. Шкварцеву. Он разъяснил, что цель Венской конференции — ликвидировать Международную Дунайскую комиссию, деятельность которой распространялась на отдалённую от Советского Союза часть Дуная. Вместе с тем Риббентроп заявил, что Германия признаёт право СССР участвовать в работе Европейской Дунайской комиссии в Галаце. Такая позиция лишь частично отвечала интересам СССР, в связи с чем 14 сентября В. М. Молотов пригласил в Кремль Шуленбурга и вручил ему ноту, положения которой сводились к следующему: 1) Советское правительство считает необходимым ликвидацию не только Международной Дунайской комиссии, но и Европейской; 2) взамен их предлагается создать единую Дунайскую комиссию, компетенция которой охватывала бы весь основной судоходный участок Дуная — от Братиславы до Чёрного моря; 3) членами этой единой комиссии должны быть лишь придунайские государства — СССР, Германия, Словакия, Венгрия, Югославия, Болгария и Румыния¹.

12-13 ноября 1940 г. состоялся визит В. М. Молотова в Берлин. Перед отъездом Сталин дал Молотову чёткие инструкции по ведению переговоров, которыми он продолжать снабжать наркома все его время пребывания в столице Третьего рейха. Основное внимание на переговорах с нацистскими лидерами Молотову следовало обратить на Юго-Восточную Европу. Сталин стремился добиться от немцев согласия на предоставление СССР военно-морских баз в Черноморских проливах и самое главное, на включение Болгарии в сферу интересов Советского Союза. Перед отъездом в Берлин Сталин инструктировал Молотова: *«Болгария — главный вопрос переговоров, — должна быть, по договорённости с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в*

¹ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. — М.: Политиздат, 1989. С. 50.

отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»¹. Хорошо понимая всю важность геополитического значения Болгарии, Сталин указывал: «заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море» и в другой телеграмме: «мирное разрешение вопроса о Проливах не будет реальным без нашей гарантии Болгарии и пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию»².

В ходе переговоров Молотов неоднократно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок страны. Когда же Молотов поставил перед фюрером вопрос, какую позицию займёт Германия в случае предоставления Болгарии советской гарантии, подобной той, что Германия и Италия предоставили Румынии, Гитлер, в свою очередь, спросил, просила ли Болгария Москву о таких гарантиях, как Румыния просила об этом Германию. Молотов ответил уклончиво, дав понять, что он не требует от фюрера окончательного ответа, а только просит высказать своё предварительное мнение. Гитлер же возразил на это, что он не может высказать свою позицию, не переговорив предварительно с Муссолини.

На самом деле Гитлер прекрасно знал, что Италия категорически против советских баз в Дарданеллах. Сам Гитлер в беседе с Муссолини 28 октября 1940 г. указывал на необходимость «отвлечь» СССР от Проливов в сторону Индии. Впоследствии фюрер говорил туркам, что во время бесед с Молотовым он «воспрепятствовал ликвидации Россией Болгарии и Турции»³.

¹ Директивы И. В. Сталина В. М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. — 1995. №4. С. 78.

² *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне: Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. // Международная жизнь. — 1991. №8. С. 105.

³ Цит. по *Безыменский Л. А.* Указ. соч. С. 46.

На переговорах в Берлине, Молотов затронул тему о «вторичной войне» с Финляндией. Но Гитлер предупредил, что не хочет этой войны, так как ему *«многого стоил благожелательный нейтралитет во время недавней «зимней войны»*¹. Молотов попытался спорить с фюрером, доказывая, что Финляндия полностью относится к сфере советских интересов. Гитлер же твёрдо стоял на своём, высказывая убеждение, что новая война с финнами *«будет источником осложнений»*. Вцепившись в тему «вторичной войны», фюрер произносил по этому поводу длиннейшие монологи, что было вообще характерно для стиля переговоров нацистского диктатора. В результате важнейший для советской стороны вопрос Болгарии и Проливов, оказался «заболтанным» фюрером второстепенным вопросом о Финляндии.

Таким образом, Сталин и Молотов полностью провалили берлинские переговоры, о чём сам наркоминдел сообщил из Берлина Сталину: *«похвастаться нечем»*. Главной причиной этого провала, по меткому определению Л. А. Безыменского стало то, что *«Сталин и Молотов считали себя диктующими правила игры, какими они были в августе — сентябре 1939 г. И это был их решающий просчёт»*². Другим крупнейшим просчётом советских лидеров продолжало оставаться убеждение, что Германия не помышляет о войне с СССР в ближайшем будущем, более того, продолжает видеть в нём если не друга, то партнёра. Молотов сообщал Сталину из Берлина: *«Большой интерес Гитлера к тому, чтобы укрепить дружбу с СССР и договориться о сферах влияния, налицо»*³. По наблюдениям Г. К. Жукова, изложенных им К. М. Симонову, Молотов до войны обладал серьёзным влиянием на Сталина, *«в особенности в вопросах внешней политики, в которой Сталин тогда, до войны, считал его компетентным. Другое дело потом, когда все расчеты оказались неправильными и рухнули, и Сталин не раз в моём присутствии упрекал Молотова в связи с этим. Причём Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ. Молотов и после своей поездки в*

¹ Цит. по Безыменский Л. А. Указ. соч. С. 70.

² Цит. по Безыменский Л. А. Указ. соч. С. 70.

³ Цит. по Безыменский Л. А. Указ. соч. С. 71.

Берлин в ноябре 1940 года продолжал утверждать, что Гитлер не нападет на нас»¹.

Между тем, в Кремле не знали указания Гитлера, данного им 12 ноября 1940 г. своему Генеральному штабу в преддверии переговоров с Молотовым: *«Начались политические переговоры с целью выяснить, какую позицию займёт Россия в ближайшем будущем. Независимо от исхода этих переговоров все приготовления для кампании на Востоке, проводимые в соответствии с устными указаниями, должны продолжаться»².*

Прощаясь с Молотовым, фюрер, чтобы «подсластить пилюлю», предложил Советскому Союзу стать членом Тройственного пакта, превратив его в «Пакт четырёх». Это предложение носило чисто дезинформационный характер, что не было понято в Москве. Нарком предложение Гитлера не отверг, заявив, что оно должно быть рассмотрено советским руководством³.

25 ноября 1940 г. Молотов в своём специальном заявлении на имя германского посла в Москве Шуленбурга дал ответ от имени советского правительства на предложение нацистского руководства о присоединении СССР к «Пакту четырёх», отметил, что это возможно при следующих условиях: 1) вывод германских войск из Румынии и Финляндии; 2) заключение между СССР и Болгарией договора о дружбе и взаимопомощи, создание на болгарской территории советских военных баз; 3) создание советских баз в зоне Черноморских проливов; 4) отказ Японии от притязаний на советский Дальний Восток. Выдвигая эти условия, Сталин и Молотов не могли не понимать, что их притязания по Румынии и Болгарии были заранее невыгодны для Гитлера, не только потому что Румыния давала рейху 1 млн тонн нефти в год, но и потому, что советские предложения подрывали господство Германии на Балканах, важнейшем плацдарме ведения боевых действий как против

¹ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. — М.: Издательство Агентства печати Новости, 1988. С. 347-348.

² Цит. по *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 168-169.

³ *Волков В. К.* Указ. соч. С. 10. См. также: *Гибанский Л. Я.* Указ. соч. С. 25.

Англии, так и для развязывания нападения на СССР. Когда факт согласия советской стороны на участие в нацистско-фашистском пакте отрицать было уже невозможно, советские исследователи пытались представить его как формальное, так как якобы при этом Москва выдвинула заранее невыполнимые требования. Однако то упорство, с каким Сталин и Молотов принялись настаивать на их выполнении, опровергает утверждения об их незаинтересованности в членстве в пакте «Оси». Сталин не просто хотел вступить в пакт, он хотел войти в него с резко усиленными позициями. Вождь рассчитывал, что фюрер будет вынужден пойти ему на уступки с Болгарией и Проливами также, как он уступил с Польшей, Прибалтикой и Буковиной. Это была ошибка Сталина. Перед нападением на Польшу и Францию Гитлер был крайне заинтересован в союзе с СССР, так как это обеспечивало гитлеровские захватнические планы в Европе. Без договоренностей со Сталиным, Гитлер рисковал получить удары как с Запада, так и с Востока, что грозило крахом не одним лишь гитлеровским планам, но и всему нацистскому режиму. Поэтому Гитлер был готов отдать СССР часть бывшей Польши, Прибалтику, Финляндию, Бессарабию и даже Северную Буковину, хотя она и была нужна нацистскому лидеру для обеспечения безопасности нефтепромыслов в Румынии. Но в конце 1940 г., готовя нападение на Советский Союз, Гитлер уже совершенно не нуждался в союзе с ним. Тем более, он не собирался пускать Москву в зону, которую он считал зоной жизненных интересов рейха: Болгарию, Румынию и Черноморские проливы. В этой ситуации фюрер реагировал очень болезненно, когда Советский Союз не только выдвинул германской стороне свои условия вступления в пакт, но и стал энергично действовать на Балканах, пытаясь договориться с каждым из балканских государств в отдельности. Особенно активную деятельность советская дипломатия развернула в Болгарии.

Следует учесть, что, несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны великих держав, царь болгар Борис III, который с 1934 г. единолично определял как внешнюю, так и внутреннюю политику страны, не спешил примкнуть к той или иной группировке и занимал выжидательную позицию. Ближайшее

окружение монарха свидетельствовало в 1940-1941 г.: *«Мы имеем царя, который вникает во все политические дела и в самые малейшие их подробности. Царь обладает абсолютной властью»*¹. В секретной директиве №19 о *«позиции Болгарии при создавшейся международной обстановке»*, которую премьер-министр Г. Кыосеиванов направил 19 апреля 1939 г. всем болгарским дипломатическим представительствам за границей, говорилось, что *«Болгария проводит и будет проводить до тех пор, пока это окажется возможным, самостоятельную политику, не связывая себя никакими обязательствами»* и что *«в конечном счёте, Болгария придерживается выжидательной политики»*. В то же время в директиве отмечалось: *«Наши экономические связи с Германией, которая поглощает более 75 % нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств»*². Поскольку оружие Болгария вынуждена приобретать почти исключительно у немцев, она *«подвергается опасности того, что с германской стороны ей будут поставлены политические условия»*³. Действительно, к осени 1940 г. Германия стала остро нуждаться в Болгарии, видя в ней важный плацдарм на Балканах. 16 октября 1940 г. Берлин в ультимативной форме потребовал от Софии присоединиться к пакту. Находясь в очень затруднённом положении, царь, тем не менее, в личном письме к Гитлеру от 22 октября высказал мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует угроза нападения со стороны Турции и Греции, а Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Царь предлагал фюреру еще раз обсудить, *«безусловно ли необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело*

¹ Груев С. Корона от тръми. — София, 1991. С. 371

² Валева Е. Л. Болгария в начале Второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. — СПб: Алетейя, 2002. С. 292.

³ Валева Е. Л. Указ. соч. С. 294.

бы последствием немедленного израсходования наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве страны»¹. Этим письмом царь Борис начал свою ловкую тактику затягивания дела, которую ему удалось продолжить до марта 1941 г.

Гитлер был настолько разгневан этим ответом, что демонстративно отказался принять доставившего письмо царского советника Б. Морфова, и оно было вручено статс-секретарю Э. фон Вайцзеккеру². Гнев фюрера был вызван в особенности тем, что он надеялся при предстоящем посещении Молотовым Берлина, иметь Болгарию уже среди стран «Оси». Поэтому давление на царя Бориса продолжилось с новой силой. Спустя несколько дней Вайцзеккер заявил болгарскому посланнику в Берлине П. Драганову, что Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и даёт болгарскому правительству на размышление ещё несколько дней. Драганов заверил Вайцзеккера, что царь является сторонником сближения с Германией и совсем не против вступления его страны в Тройственный пакт. Однако этими заверениями дело и закончилось.

Тем временем начавшаяся в конце октября 1940 г. итало-греческая война стала развиваться по неприятному для «потомков римлян» сценарию: греческая армия перешла в контрнаступление и гнала итальянцев по всему фронту. Германия была вынуждена прийти на помощь своему союзнику. В директиве ОКВ³ предусматривалась оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. В связи с этими планами натиск германской дипломатии на Софию возобновился.

17 ноября 1940 г. царь Борис III прибыл в резиденцию Гитлера с твёрдым намерением не подписывать Тройственный пакт. На настойчивое требование нацистского лидера присоединиться

¹ Валева Е. Л. Указ. соч. С. 296.

² Валева Е. Л. Указ. соч. С. 296.

³ Oberkommando der Wehrmacht (Верховное командование вермахтом). —

Прим. авт.

к пакту болгарский монарх повторил уже известные нам аргументы: неподготовленность Болгарии к войне, экономические выгоды, которые Германия получит, если Болгария не будет втянута в военные действия, опасность со стороны Турции и, конечно, возможность ухудшения отношений с СССР. Царь прямо спросил Гитлера, зондировался ли вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту во время недавней встречи с Молотовым. Гитлер уклонился от прямого ответа, но сказал, что *«большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии»*, и подчеркнул, что Германия поддержит болгарскую сторону в вопросе об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если Болгария подпишет Тройственный пакт. Впоследствии Борис III рассказывал видному болгарскому политику, лидеру Демократической партии Н. Мушанову: *«Шантаж был очевиден. Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, приняв в принципе присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения»*¹.

Таким образом, и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели провал. Это была своего рода сенсация: никто не ожидал от этой маленькой балканской страны такого сопротивления.

Тем не менее, встреча Бориса III с Гитлером вызвала крайнее раздражение в Москве. 18 ноября Молотов встретился с болгарским посланником И. Стаменовым, разговор с которым носил со стороны советского наркома весьма жёсткий характер. Молотов заявил: *«Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то такую гарантию ей дал бы сейчас СССР. При этом нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии, должен остаться таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария»*². СССР не потерпит, сказал Молотов, чтобы Болгария превратилась, подобно Румынии, в марионеточное, «легионерское» госу-

¹ Валева Е. Л. Указ. соч. С. 296.

² Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР). — М.: Международные отношения, 1998. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 532. С. 110.

дарство. Он предложил Софии помощь товарами, валютой и расширением закупок болгарских товаров. Если бы СССР оказался перед фактом получения Болгарией гарантии своей безопасности со стороны какой-либо другой державы, это ухудшило бы и испортило советско-болгарские отношения. В связи с этим Молотов предложил болгарскому правительству заключить договор о взаимопомощи с Советским Союзом.

Однако Борис III без колебаний отверг это советское предложение. 24 ноября 1940 г. в Москву был направлен ответ, в котором под предлогом того, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях, отвергалось советское предложение о пакте¹.

Однако советское руководство не оставляло надежд на вовлечение Болгарии в сферу своих интересов. Воспользовавшись открывающейся 28 ноября 1940 г. в Бухаресте конференцией по Дунаю, в которой принимали участие Германия, Советский Союз и Румыния, Сталин на три дня раньше (25 ноября) отправил в Софию генерального секретаря НКВД А. А. Соболева, поставив перед ним задачу любым путем склонить Бориса III к решению не вступать в Тройственный пакт, а заключить болгаро-советский договор о взаимопомощи. О смысле этой миссии Сталин информировал Генерального секретаря Коминтерна Г. Димитрова следующим образом: *«Мы сегодня делаем болгарам предложение о заключении пакта взаимопомощи. Не гарантии, как, видимо, болгарский посол Стаменов раньше неправильно понял Молотова, предлагаем мы, а пакт о взаимопомощи. Мы указываем болгарскому правительству, что безопасности обеих сторон угрожают со стороны Чёрного моря и Проливов и требуются совместные усилия для обеспечения этой безопасности. Историческая опасность шла всегда отсюда: Крымская война — занятие Севастополя, интервенция Врангеля в 1919 г. и т.д. Мы поддерживаем территориальные претензии Болгарии — линия Мидия — Энос (другая область западной Тракии, Дедеагач, Драма и Кавала). Мы готовы оказать болгарам помощь хлебом, хлопком и т.д. в форме займа, а также флотом и*

¹ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2 (часть 1). Док. 549. С. 138.

другими способами. Если будет заключён пакт, конкретно договоримся о формах и размерах взаимной помощи. При заключении пакта о взаимопомощи мы не только не возражаем, чтобы Болгария присоединилась к Тройственному пакту, но тогда и мы сами присоединимся к этому пакту. Если болгары не примут это наше предложение, они попадут целиком в лапы немцев и итальянцев и тогда погибнут»¹.

Болгарские лидеры, имевшие перед глазами пример балтийских государств, прекрасно понимали, что подписание подобного договора привело бы к постоянному вмешательству СССР не только во внешнюю, но и во внутреннюю политику Болгарии, тем более что болгарские коммунисты по указанию из Москвы в этот период резко активизировали свою деятельность, используя широко распространённые в Болгарии русофильские чувства. Царь Борис в разговоре с Н. Мушановым раздражённо сказал: *«Я считаюсь с этими чувствами, но не оставляю ворота овчарни открытыми для того, чтобы вошёл волк. Даже в принципе не могу разговаривать о помощи со стороны большевиков. Тот факт, что прежде чем прислать к нам Соболева, они проводили зондаж у немцев, показывает, что путь к болгарским базам идет через Берлин. Миссия Соболева имеет лишь тот результат, что поколебала меня в моём решении еще потянуть время в вопросах с немцами»².* В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно ведутся переговоры о вступлении Болгарии в Тройственный пакт, отклонило советское предложение. Таким образом, советская дипломатия и на болгарском направлении потерпела фиаско. Царь Борис исходил из того, что перед ним не прежняя Российская Империя, на слово которой можно было положиться, а Советский Союз, от которого можно было ожидать любых неожиданностей. Борис III говорил Мушанову: *«Дилемма одна: Германия или Россия. Это две силы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят — Россия,*

¹ 1941 год. Кн. 1. С. 58.

² Валева Е. Л. Указ. соч. С. 301.

но если Вы послушаете голос разума, то ответите — Германия!»¹. Однако до самого последнего момента царь сопротивлялся Гитлеру. В последний день уходящего 1940 г. фюрер с большим раздражением писал Муссолини: «Болгария уклоняется от вступления в Тройственный пакт и от принятия чёткой внешнеполитической ориентации. Последствием этого является растущее давление на Болгарию со стороны Советской России. Если бы царь сразу вступил в наш пакт, никто не посмел бы оказывать на него нажим. Самое худшее при этом — отравление общественного мнения, которое не является невосприимчивым к коммунистической заразе»². Борис III понимал, что заключение союза с нацистской Германией не отвечало интересам Болгарии и династии. Но избежать этого союза было ему не под силу. Перед царём стояло два вопроса: во-первых, как этот неизбежный, навязанный обстоятельствами, не отвечавший интересам Болгарии союз связать с её интересами, оправдать этими интересами, и во-вторых, как его оправдать в глазах общественного мнения³.

Характерной чертой сталинской внешней политики предвоенных лет была крайняя непоследовательность. Отправляя Соболева в Софию 25 ноября 1940 г. и гарантируя болгарам поддержку их притязаний за счёт турецкий территорий, Сталин прямо говорил Димитрову: «Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т.д. Турок только 6-7 миллионов»⁴.

Однако в тот же день 25 ноября Молотов в Москве встретился с турецким послом А. Х. Актаем и уверял его, что понимает стремление Турции обеспечить свою безопасность и выражает готовность советского правительства ей в этом помочь. Одновременно

¹ Валева Е. Л. Указ. соч. С. 303.

² Валева Е. Л. Указ. соч. С. 303.

³ Валева Е. Л. Указ. соч. С. 303. Со ссылкой на: Димитров И. Профессор Богдан Филев и неговият дневник // Филев Б. Дневник. — София, 1986. С. 101.

⁴ Цит. по Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: Вече, 2002. С. 38.

с этим, тоже 25 ноября, советский поверенный в делах М. Г. Сергеев в Афинах вёл переговоры с греческим правительством о поставках оружия Греции. Невозможно не согласиться с В. К. Волковым, который задавался вопросом: *«Как согласуются эти противоречивые, даже несовместимые действия? На что делается расчет? Трудно даже ответить на эти вопросы, тем более, что на Балканах секреты хранятся плохо. Естественно, что такие действия не могли упрочить взаимопонимания с этими странами, напротив, они породили глубокое недоверие к Советскому Союзу. Такой поворот событий благоприятствовал германским планам»*¹.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву №21, широко известную как “*Fall Barbarossa*” (План «Барбаросса»). Главная цель операции была обозначена Гитлером следующим образом: *«Германские вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии. Сухопутные силы должны использовать для этой цели все имеющиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей. [...] Приказ о стратегическом развертывании вооружённых сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции. Приготовления, требующие более длительного времени, если они ещё не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 года. Основные силы русских сухопутных войск, находящихся в западной части России, следует уничтожить в смелых операциях посредством глубокого быстрого выдвижения четырех танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»*².

В конце декабря 1940 г. Германия, не уведомив Советский Союз, как это было предусмотрено договором 1939 г., перебросила в Румынию свои войска, создав там полумиллионную группи-

¹ Волков В. К. Указ. соч. С. 11.

² Carell Paul. Unternehmen Barbarossa: Verlag Ullstein GmbH. Frankfurt/M — Berlin. 1963.

ровку. Москва ответила малоэффективными заявлениями ТАСС о неодобрении действий Германии. По этому поводу Геббельс записал в свой дневник: *«В США говорят о вступлении русских войск в Румынию. Но это — неумно. На это Москва никогда не отважится»*¹.

В январе 1941 г., когда в мировой печати появились первые слухи о вводе немецких войск в Болгарию, Сталин ограничился очередным заявлением ТАСС, в котором говорилось: *«Если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то всё это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию»*². Нацистское руководство проигнорировало этот недвусмысленный намёк на нарушение статьи советско-германского пакта о консультациях. 3 февраля 1941 г. после совещания с военным руководством в Берхтесгадене Гитлер утвердил окончательный вариант плана *«Барбаросса»*.

2 марта 1941 г. было опубликовано официальное сообщение о присоединении Болгарии к Тройственному пакту. В тот же день германские войска вступили на территорию Болгарии с целью оказать помощь германской группировке в Греции. Советское правительство вновь ограничилось очередным сообщением ТАСС, которое Геббельс в своём дневнике прокомментировал следующим образом: *«Москва публикует наглое коммюнике: занятие Болгарии усиливает опасность войны и поэтому Россия больше не может поддерживать политику Софии. На мой взгляд, это холостой выстрел в воздух. Мы на это никак не реагируем. Решают не коммюнике, а реальности»*³.

Советское правительство по-прежнему было уверено в абсолютной ценности для рейха советско-германского пакта, в то самое время, когда Гитлер в беседе с Муссолини и министром иностранных дел фашистской Италии графом Г. Чиано отметил: *«Самая большая угроза — огромный колосс Россия. Хотя мы и имеем*

¹ Откровенные признания. С. 224.

² Правда, 1941, 13 января.

³ Откровенные признания. С. 234.

с Россией весьма выгодные политические и экономические договоры, предпочитают полагаться на мои силовые средства»¹. 30 марта 1941 г. в выступлении перед главнокомандующими родов войск фюрер уже безо всяких обиняков заявил: «*Наши задачи в отношении России: разгромить её вооруженные силы, разрушить её государство*»².

В этих условиях перед Сталиным встала альтернатива: либо немедленно начать подготовку к военным действиям, либо попытаться дипломатическим путём избежать военного столкновения. Был избран второй путь, хотя он имел нулевые шансы на успех. Однако в слепой самонадеянности Сталин повёл страну по этому пути и приступил к проведению ряда внешнеполитических мероприятий, многие из которых носили крайне сомнительный и двусмысленный характер³.

Советский вождь пытался проводить политику умиротворения Гитлера, одновременно стремясь добиваться своих целей путём заключения с отдельными государствами таких договоров, которые бы, как полагали в Кремле, заставляли бы Гитлера считаться с интересами СССР, но не были враждебными рейху. Особенно ярко эта черта советской дипломатии проявилась в Балканском вопросе. В 1940 г. исход германо-советского соперничества на Балканах не был ещё предрешён, и Сталин активно подталкивал Югославию к заключению договора о взаимопомощи с СССР. Москва пыталась совместить свои интересы в отношениях с Югославией с сохранением советско-германского взаимодействия.

27 марта 1941 г., начальник генштаба Югославской королевской армии Д. Симович, опираясь на офицеров-единомышленников и части военно-воздушных сил, совершил государственный переворот, отстранив от власти прогерманского князя-регента Павла Карагеоргиевича и посадив на королевский трон 17-летнего Петра II. Хотя официально Югославия не вышла из Тройственного пакта, было очевидно, что произошел её разворот в сторону СССР. Для Гитлера это было сильным ударом

¹ Откровенные признания. С. 117.

² Откровенные признания. С. 118.

³ Волков В. К. Указ. соч. С. 14.

по его стратегическим замыслам. К весне 1941 г. Германия заняла господствующее положение на Балканах, и вот, теперь Югославия становилась единственным камнем преткновения для триумфального шествия агрессивной гитлеровской дипломатии на Балканах¹. В условиях сталинской политики «умиротворения» Гитлера, договор о взаимопомощи с Белградом становился неприемлемым для советского руководства, поскольку было очевидно, что его неизбежным последствием стало бы обострение отношений с Берлином, чего в Кремле пытались избежать во что бы то ни стало. Несмотря на это, Сталин всячески подталкивал югославов к заключению советско-югославского договора². Воспринимая советские предложения, как серьёзное намерение помочь его стране, Симович 3 апреля 1941 г. официально предложил Сталину немедленно ввести на территорию Югославии контингент советских войск³. Югославское правительство рассчитывало, что выступление Советского Союза в той или иной форме в защиту Югославии позволит обеспечить хотя бы минимальную отсрочку нападения рейха, в неизбежности которого никто в Белграде не сомневался.

Однако Сталин не пришёл Югославии на помощь. Подписанный между Москвой и Белградом 5 апреля 1941 г. договор о Дружбе и ненападении, не предусматривал военной помощи Югославии. Более того, советское руководство даже на этот договор согласилось только после того, как убедилось, что Югославия не вышла из гитлеровского пакта и отказалась принять помощь Англии⁴. Сталин хорошо понимал, что реально югославская армия сможет сопротивляться не более двух недель, о чём он открыто

¹ Решетникова О. Н. К вопросу о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). — М., 1992. С. 111.

² Решетникова О. Н. Указ. соч. С. 112.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 115.

говорил югославскому посланнику М. Гавриловичу¹. Но советский вождь сознательно стремился втянуть Германию в войну на Балканах и таким образом выиграть время для СССР. Возможные жертвы братского народа Сталиным игнорировались. С другой стороны, Сталин был ошибочно уверен, что Гитлер «очень ценит» отношения с СССР и пойдёт навстречу советским интересам в Югославии. Однако сомнения всё больше охватывали сталинское руководство. Геббельс довольно точно почувствовал эти начавшиеся изменения: *«Теперь русские начинают ощущать страх. Это — приятное известие...»*².

Сообщение о бомбардировке Белграда на рассвете 6 апреля 1941 г. авиацией Люфтваффе и начало германского вторжения в Югославию произвело на сталинское руководство ошеломляющее впечатление. Стало ясно, что Гитлер ни в чём не собирается считаться с Советским Союзом.

Поразительна циничная реакция Сталина на германскую агрессию в отношении Югославии. Узнав о ней, он приказал отменить банкет, который должен был состояться по поводу заключения советского-югославского договора, назвав его *«неуместной затеей»*³. Перепуганное сталинское руководство, стремясь любым путем умиротворить Гитлера, не посмело даже выступить с осуждением по поводу вопиющей агрессии рейха против почти союзного для СССР государства. *«Как хорошо иметь силу, — не уставал восторгаться Геббельс, — Сталин явно не имел охоты познакомиться с германскими танками»*⁴.

Ещё более циничной была политика советского правительства после разгрома Югославии. 8 мая 1941 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, получив «дружеские» советы из Берлина, заявил М. Гавриловичу, что советское правительство не видит юридических оснований для даль-

¹ *Милетич Вукадин*. Как был подписан советско-югославский договор в 1941 году // Новая свобода // <http://www.svobodanew.com>

² Откровенные признания. С. 237.

³ *Решетникова О. Н.* Указ. соч. С. 118.

⁴ Откровенные признания. С. 239.

нейшей деятельности в СССР югославской миссии¹. Вышинский потребовал от неё прекратить свою деятельность в Москве в качестве дипломатического представительства, от чего её сотрудники отказались и покинули территорию Советского Союза. Геббельс, в который раз, изливал восторги. 22 апреля 1941 г. он записал в своём дневнике: *«Вчера статья в «Правде». Ничего против Германии там не имеют. Москва, говорится в статье, хочет мира и т.п. Значит, Сталин почуял, что уже запахло жареным, и машет оливковой ветвью мира. Русская карта больше не бьёт.»*²

Здесь невольно напрашивается сравнение с политикой Императора Николая II по защите Сербии летом 1914 г., когда Государь как православный монарх, защитник и покровитель славян, не мог оставить в беде братский народ, которому грозила неминуемое порабощение и гибель. Жертвенная помощь, оказанная Государем Сербии, оказалась гораздо эффективней, чем «прагматизм» Сталина. В июле 1914 г. Николаю II было очевидно, что Австро-Германский блок решил воевать, во что бы то ни стало. Отступи Царь летом 1914 г., как это сделал Сталин с Югославией в 1941 г., закрой глаза на захват Сербии Австро-Венгрией, и он бы не только ничего не выиграл, но наоборот оказался бы в тяжелейшем положении. Моральному авторитету России был бы нанесён непоправимый урон и её влияние на Балканах навсегда утеряно. При этом Германия всё равно бы войну начала, но избежав необходимости сражаться на два фронта. В кампанию 1914 г. она легко и быстро разбила бы Францию, принудив её к капитуляции, а то и коллаборационизму, как это произойдёт в 1940 г. Англия при таких обстоятельствах в войну против Германии точно не вступила бы, а, скорее всего, попыталась договориться с ней за счёт России. В таких условиях, Германия и Австро-Венгрия начали бы в 1915 г. Русскую кампанию, наверняка имея в союзниках Италию, Болгарию, Румынию и Османскую империю. Россия могла оказаться перед лицом европейского нашествия одна, изолированная и без союзников, что грозило ей самыми катастрофическими по-

¹ Решетникова О. Н. Указ. соч. С. 119.

² Откровенные признания. С. 240.

следствиями. Обороняться русской армии пришлось бы не в Царстве Польском и Литве, как это было в действительности, а под Петроградом и Москвой, как это будет в 1941 г. Государь уберёт нас именно от такого развития событий.

Сталин свою страну и народ от этого не уберёт. К моменту начала войны у него не было ни одного союзника, СССР оказался в полном одиночестве перед лицом невиданной военной опасности.

Крах политики умиротворения Гитлера

6 мая 1941 г. Сталин, сместив Молотова, лично возглавил Совет Народных Комиссаров и сразу же произвёл несколько демонстративных актов в духе «умиротворения» Гитлера. 8 мая Советский Союз прервал дипломатические отношения с Бельгией, Норвегией и Югославией, оккупированными Германией, мотивировав это тем, что они утратили суверенитет. Насколько бесполезен и вреден для престижа Советского Союза был этот шаг, хорошо видно из дневника всё того же Геббельса, который, как Мефистофель, радовался каждой ошибке Кремля: *«Москва больше не признаёт Бельгию и Норвегию суверенными государствами. Но это Сталину на пользу уже не пойдёт»*¹.

В самом преддверии войны советское руководство сделало несколько заявлений, которые оказали самое вредное воздействие на внутреннюю обстановку в стране и армии. 5 мая 1941 г., выступая перед выпускниками военных академий, Сталин сказал, что *«с точки зрения военной в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. Кроме того, в германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль Германии не идёт вперёд, военная техника отстаёт не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка»*². Можно себе представить, как «развивали» речь

¹ Откровенные признания. С. 242.

² *Безыменский Л. А.* Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года // Новое время. — 1991. №19. С. 37.

вождя про «отсталую» германскую армию политработники на местах. Кстати, то же самое было и в отношении финской армии в 1939-1940 г. Так, «Ленинградская правда» через 2 дня после начала войны 2 декабря 1939 г. писала: «*Столкнулись армии двух миров. Красная Армия — самая миролюбивая, самая героическая, могучая, оснащённая передовой техникой, и армия продажного финляндского правительства, которую капиталисты заставляют бряцать оружием. А оружие-то, скажем откровенно, старенькое, поношенное. На более порошу не хватает*»¹.

А вот какие выводы делал о финской армии Сталин сразу по окончании «Зимней войны»: «*Что из себя представляет финская армия? [...] Вопрос: можно ли её назвать вполне современной армией? По-моему, нельзя. С точки зрения обороны укреплённых рубежей, она, финская армия, более или менее удовлетворительная, но она все-таки несовременная, потому что она очень пассивна в обороне, и она смотрит на линию обороны укрепленного района, как магометане на Аллаха. Дурачки, сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают. Это не то отношение к линии обороны, какое нужно современной армии. Современная армия не может относиться к линии обороны, как бы она ни была прочна, пассивно. [...] Финская армия показала себя, что она не вполне современна, и потому, что слишком религиозно относится к непревзойдённости своих укреплённых районов. А наступление финнов гроша ломаного не стоит. [...] Вот главный недостаток финской армии. Она создана и воспитана не для наступления, а для обороны, причём обороны не активной, а пассивной. Оборона с глубокой фетишизированной верой, верой в неуязвимый край. Я не могу назвать такую армию современной*»².

Неудивительно поэтому, что после страшных поражений лета 1941 г. советские солдаты были не только удивлены, но и возмущены той пропагандой, какой их потчивали накануне войны. Красноармеец А. И. Деревенец, попавший в плен в июне 1941 г., позднее вспоминал: «*Немецкие солдаты производили впечатление*

¹ Ленинградская правда, 2 декабря 1939 г.

² Сойма В. Указ. соч. С. 378.

сытых, опрятных, в обмундировании, которое ни в какое сравнение не шло с нашим “х/б” второй или третьей категории. У немцев были аккуратные френчи, на ногах сапоги вместо грязных обмоток, в которых щеголяли мы. Сравнение было не в нашу пользу, и это удручало, — почему так? Ведь нам всё время твердили о том, что в немецкой армии нет ничего добротного, что все — сплошные эрзацы, что их танки — железные коробки, об этом писала наша пресса. Но, может быть, сильнее всего подействовало на нас, бредущих по пыльным дорогам при изнуряющей жаре, то, как немецкие солдаты из частей, расположенных у дороги, в жаркий день подходили к машине и каждый из них, предъявив какой-то талончик, мог свободно получить флягу пива. [...] И тихое, яростное озлобление возникало против тех, кто нам лгал, представляя нашего противника жалким и убогим, недостойным серьёзного внимания. Наши люди, конечно, давно уже догадывались о том, что не всё, о чём нам твердят, правда, но для многих увиденное было ошеломляющим открытием»¹.

Несмотря на изобилие поступающей информации из самых разных источников, Сталин всё же надеялся, что Гитлер ещё не принял окончательного решения о войне с СССР. По этому поводу Геббельс сделал в своём дневнике едкий комментарий: *«Вчера сообщение из Москвы: отчасти парализующая покорность судьбе, отчасти попытки навязывания своей дружбы, но отчасти и видимая подготовка. Сталин держит власть в своих руках. В случае конфликта правительство хочет переехать подальше — в Свердловск. Постепенно пытаются обратить внимание народа на серьёзность ситуации. Но никакой чёткой линии обнаружить нельзя»².*

Действительно, советский вождь то предупреждал выпускников военных академий Красной Армии о неизбежности грядущей войны с Германией, то инициировал официальные заявления о том, что «войны не будет», посылал сигналы, призванные убедить фюрера в «благих намерениях» советского правительства.

¹ Цит. по *Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях.* — М.: Вече, 2014. С. 98.

² *Откровенные признания.* С. 275.

9 мая 1941 г. ТАСС заявил: *«Японские газеты публикуют сообщение Домей Цусин из Нью-Йорка, в котором говорится, что, согласно телеграмме корреспондента Юнайтед Пресс из Виши, Советский Союз концентрирует крупные военные силы на западных границах. Дипломатические круги в Москве, заявляет агентство, также указывают, что концентрация войск на западных границах производится в чрезвычайно крупном масштабе. [...] ТАСС уполномочен заявить, что это подозрительно крикливое сообщение Домей Цусин, позаимствованное у неизвестного корреспондента Юнайтед Пресс, представляет плод большой фантазии его автора. [...] Никакой «концентрации крупных военных сил» на западных границах СССР нет и не предвидится»*¹.

Примечательна полная злорадства реакция на это сообщение Геббельса: *«ТАСС опровергает в самой резкой форме, то, что Россия концентрирует войска на западной границе. Итак, у Сталина неприкрытый страх. Какая разница в сравнении с опровержениями ТАСС несколько месяцев назад, где нас открыто и скрыто задевали! Вот так меняются времена, когда уже наготове пушки, грозящие своими жерлами»*².

Ещё одним ярким образцом сталинской политики «умиротворения» стало заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., то есть за 8 дней до начала войны. В заявлении, между прочим, говорилось: *«2) По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с*

¹ Правда, 9 мая 1941 г.

² Откровенные признания. С. 242.

Германией, являются лживыми и провокационными»¹. Часто можно слышать утверждения, что это заявление было зондажом Германии, полное молчание со стороны которой, окончательно убедило советское руководство в неизбежности войны в самое ближайшее время. По этому поводу В. К. Волков писал: «До сих пор советские исследователи не могут дать удовлетворительного объяснения истории появления чудовищного по своим последствиям заявления ТАСС от 14 июня 1941 г. [...] За день до публикации в печати это заявление было передано германскому послу Шуленбургу. В советской историографии не любили вспоминать об этом эпизоде, в котором как в капле воды сконцентрировались основные постулаты сталинского курса «умиротворения». Долгие годы его пытались изобразить как попытку дипломатического зондажа, чтобы проверить реакцию Берлина. Такое объяснение на заслуживает даже критики, ибо отрицательные последствия подобного заявления слишком уж очевидно перевешивали какие-либо ожидания»².

Подобные «зондажи», проводимые в официальной прессе в условиях тоталитарного государства, где заявление ТАСС воспринималось как «истина в последней инстанции», были настоящим психологическим ударом по народу и армии, укрепляя в них ошибочную уверенность в том, что войны не будет. Как верно отмечал К. Симонов: «Мне кажется, что разоружающее значение этого заявления ТАСС состояло не в самом факте его публикации, а в другом: если с дипломатической точки зрения появление такого документа считалось необходимым, то внутри страны ему должны были сопутствовать меры совершенно обратные тем, которые последовали. Если бы одновременно с появлением этого документа войска пограничных округов были приведены в боевую готовность, то он, даже без особых дополнительных разъяснений, был бы воспринят в армии как документ дипломатический, а не руководящий, как адресованный вовне, а не вовнутрь. Но этих мер не последовало»³.

¹ *Известия*, 14 июня, 1941 г.

² *Волков В. К.* Указ. соч. С. 17.

³ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. — М.: Правда, 1990. С. 401.

Отсюда в головах у людей образовалась страшная путаница: с одной стороны, Гитлер — враг, с другой стороны — друг, с одной стороны Германия — агрессор, с другой — союзник, с одной стороны — надо быть готовым к войне с Германией, с другой — само упоминание об этом грозило арестом и репрессиями. Фронтовик М. М. Марков вспоминал, что *«за две недели до войны нас собрали в доме комсостава и прочитали лекцию: “Германия — верный друг Советского Союза”»*¹.

В результате нападение Гитлера на СССР стало для многих советских граждан полной неожиданностью. После того, как немецкие бомбы упали на советские города, многие простые люди недоумевали: *«как же так, ведь сам „ТАСС“ говорил, что не будет войны»*. Публицист Б. С. Горбачевский, к началу войны только что закончивший школу, передаёт свои мысли 22 июня 1941 г.: *«Я, как и многие мои сверстники, сразу не мог в полной мере осмыслить происшедшее, тем более что почти два года власть и печать убеждали народ в том, что Германия — наш лучший друг, а вот “американские плутократы и английские вероломщики” — злейшие враги. Что же случилось? Всего неделю назад ТАСС опровергал якобы ложные слухи, будто Германия собирается напасть на нас... И друг?»*².

Но ещё страшнее то, что это нападение психологически стало совершенно неожиданным для Красной Армии. Начальник штаба Верховного командования сухопутных сил Германии (ОКН³) генерал-полковник Ф. Гальдер писал в дневнике 22 июня 1945 г.: *«Наступление наших войск, по-видимому, явилось на всём фронте полной тактической внезапностью. [...] О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох и в казарменном положении, самолёты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали*

¹ Горбачевский Б. С. Победа вопреки Сталину. Фронтовик против сталинистов. — М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 3.

² Горбачевский Б. С. Победа вопреки Сталину. Фронтовик против сталинистов. — М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 12.

³ Oberkommando des Heeres. — Прим. авт.

командование о том, что им делать. Можно ожидать ещё большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения частей, для чего в настоящее время есть полная возможность. Военно-морское командование также сообщает о том, что противник, видимо, застигнут врасплох»¹.

Между тем, к середине июня 1941 г. неизбежность войны для Сталина стала почти очевидной. Однако войска по-прежнему не были приведены в полную боевую готовность. Пресловутая «директива» («телеграмма»), которую Сталин якобы направил в войска 18 июня 1941 г. с приказом о приведении их в боевую готовность до сих пор остаётся лишь мифом. Ни её подлинника, ни даже копии до сих пор не найдено. Вождь до самого последнего момента надеялся на дипломатическое решение вопроса. Геббельс отмечал в своем дневнике 21 июня 1941 г.: «Молотов попросил визита в Берлин, но получил резкий отказ. Наивный расчёт!»². Об этом же свидетельствовал в своем дневнике от 20 июня и Гальдер: «г. Молотов 18.6. хотел говорить с фюрером»³.

21 июня 1941 г. советское правительство в очередной раз попыталось добиться диалога с германским руководством. Примечательно, что при этом никаких серьёзных приготовлений к отражению неизбежного удара с советской стороны не предпринималось. В 21 час 21 июня Молотов пригласил в Кремль Шуленбурга и попросил его дать объяснение причин недовольства германского руководства правительством СССР и слухов о близящейся войне. Советское правительство, заявил Молотов, не может понять причин немецкого недовольства и было бы признательно, если бы ему сказали, чем вызвано современное состояние советско-германских отношений и почему отсутствует какая-либо реакция германского правительства на сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г. Таким образом, руководство страны, против которой готовилась невиданная по своей подлости и цинизму агрессия, унижено вы-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941- сентябрь 1942). — М.: Астрель, АСТ, ВКТ, Владимир, 2010. С. 55.

² Откровенные признания. С. 283.

³ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 52.

гадывало, в чём оно провинилось перед этим агрессором! Что это давало советскому правительству? Ровным счетом ничего. Шуленбург ушел от ответа на заданные Молотовым вопросы, сославшись на то, что не располагает необходимой информацией.

Вечером 21 июня в кремлёвской квартире Сталина собрались члены Политбюро. Как вспоминал А. И. Микоян: *«Обстановка была напряжённой. Сталин по-прежнему уверял, что Гитлер не начнёт войны»*¹.

В это же время в Берлине советский посол В. Г. Деканозов под предлогом вручения вербальной ноты о продолжающихся нарушениях границы СССР германскими самолётами предпринимал тщетные попытки добиться встречи с Риббентропом, чтобы *«от имени советского правительства задать несколько вопросов, которые... нуждаются в выяснении»*². Риббентропа не было в Берлине, и Деканозова принял Вайцеккер. Он отказался обсуждать «несколько вопросов» советского посла, заявив, что *«ответ будет дан позже»*. Этим ответом была война.

Только когда стало окончательно ясно, что нацисты не пойдут ни на какие переговоры, Тимошенко и Жуков в ночь с 21 на 22 июня отдали шифрованный приказ привести войска на западной границе в боевую готовность, так называемая «директива №1». В штаб Западного фронта эта шифровка пришла около 1 ч. 45 м. ночи. В войска она поступила около 2 ч. 30 м. В шифровке говорилось: *«В течение 22-23.6.41 возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Задача наших войск не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам ЛВО, ПрибВО, КОВО, ОдВО быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев, или их союзников. Приказываю: в течение ночи на 22.6.41 г. скрыто занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; перед рассветом 22.6.41 рассредоточить по*

¹ Микоян А. И. Так было. Мемуары. — М.: Вагриус. 1999. С. 388.

² Цит. по: Вишлёв О. Сталин и Гитлер. Кто кого обманул? — М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. С. 55.

*полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать; все части привести в боевую готовность без дополнительного подъёма призывного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»¹. Читая строки этой директивы, со всей очевидностью понимаешь, что даже в эти тревожные предвоенные часы в Кремле не осознавали всей опасности положения. Во-первых, директива безнадежно устарела: у Красной Армии уже не было никакого времени для всех указанных в ней мероприятий: меньше чем через 2 часа Германия начала войну против СССР. Во-вторых, директива опять не говорила о надвигающейся войне, а в который раз больше всего была обеспокоена «провокациями, могущими вызвать крупные осложнения». В-третьих, директива не указывала на необходимость уничтожения германских войск, в случае их вторжения на территорию СССР. Выражение «*быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев, или их союзников*» крайне расплывчатое и не дающее четкого приказа на уничтожение врага. Можно с уверенностью утверждать, что директива 22 июня сыграла самую негативную, можно сказать, губительную роль для Красной Армии, особенно для её авиации, которая в отличие от сухопутных войск, вступила в бой сразу в полном составе. Так, в Прибалтике еще 19-20 июня советские самолёты были постоянно готовы к взлету по тревоге в течение 5-10 минут. Но это состояние боевой готовности было нарушено в ночь с 21 на 22 июня печально известной «директивой №1», которую передали в войска около часа ночи 22 июня. Там было указано при нападении в бой не ввязываться, до открытия огня самолётами противника огня ответного не открывать. Это очень сильно сбilo настрой советских командиров и пилотов².*

Таким образом, подводя итоги предвоенной политики советского руководства, можно утверждать, что она привела к тому, что

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69.

² Тимин М. В. 22 июня 1941 г. Сражение за небо // <http://warspot.ru/2227-22-iyunya-1941-goda-srazhenie-za-nebo>

к моменту нападения вермахта и его сателлитов на СССР, у него не было ни одного союзника ни на Западе, ни на Востоке; Красная Армия была не готова к нападению, ни психологически, ни организационно; политическое руководство страны до конца не было уверено в неизбежности самого факта войны с Германией. Нельзя не согласиться с доктором ист. н. В. К. Волковым, который писал: *«Цена политико-стратегического просчёта Сталина оказалась фантастически высока. Для крупного политического руководителя необходимо умение анализировать не только факты, но и всю сумму фактов, а также различные комбинации этих сумм. Только на такой основе можно построить прогноз будущего развития событий. Искусство руководить — это прежде всего искусство предвидеть. Однако прогнозистом Сталин не был. Об этом свидетельствует вся его политическая биография. Его можно назвать неплохим тактиком, но стратегом он был плохим. Расчёты Сталина строились на простой арифметической логике, тогда как для переломных моментов истории требуется по меньшей мере алгебраическое мышление. Последним он не владел, хотя часто употреблял слово «диалектика». В условиях тоталитарной системы просчёт вождя обернулся трагедией для страны. Поэтому за таким просчётом стояли не просто личные недостатки Сталина как руководителя, а пороки, сложившиеся в Советском Союзе тоталитарно-бюрократической системы, которая и вознесла Сталина на вершину административной пирамиды»¹.*

¹ Волков В. К. Указ. соч. С. 19-20.

Глава 3. Гибель «Рождённой революцией»

22 июня 1941 г. в 3 ч. 15 мин. утра пять воздушных флотов рейхсмаршала Геринга атаковали советские аэродромы, заставы, города. После мощной артподготовки силы нацистской Европы перешли западную границу СССР на всём её протяжении от Баренцева до Чёрного моря. Три группы армий «Север», «Центр» и «Юг», армии Италии, Венгрии¹, Румынии, Финляндии² были нацелены на Ленинград, Москву и Киев. За неделю до нападения 14 июня 1941 г. Геббельс записал в свой дневник: *«Русские, кажется, всё ещё ничего не подозревают. Во всяком случае они сосредотачивают свои войска именно так, как мы и можем того пожелать: концентрированно, а это — лёгкая добыча в виде военнопленных»*³. Об этом же говорил и Гитлер 16 июня 1941 г.: *«Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это — наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы гораздо большую опасность»*⁴. Вот какую картину увидел командир II-й танковой группы армий «Центр» генерал-полковник Г. Гудериан в последние мирные дни на германо-советской границе: *«20 и 21 июня я находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Брест, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками.*

¹ Вступила в войну против СССР 27 июня 1941 г.

² Вступила в войну против СССР 25 июня 1941 г.

³ Откровенные признания. С. 276.

⁴ Откровенные признания. С. 278.

Перспектива сохранения внезапности была настолько велика, что возник вопрос: а стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку?»¹.

Уже в первый день войны 22 июня 1941 г. немцы достигли больших успехов. Оборона Северо-Западного фронта была расколота. В журнале боевых действий группы армии «Север» отмечалось, что сопротивление на границе было очень незначительным, противник был застигнут врасплох, а потому все пограничные мосты оказались в полной сохранности². В полосе 11-й армии III-я танковая группа генерал-полковника Г. Гота, преодолевая разрозненное сопротивление стрелковых соединений, устремилась к мостам через Неман. Несмотря на то, что там дежурили специально выделенные команды подрывников, они вовремя не сориентировались в обстановке, ибо из-за отсутствия связи приказ о взрыве мостов в нужный момент не поступил. В итоге вместе с отходившими частями армии по мостам, где царили полная неразбериха и хаос, проскочили и вражеские танки. *«Для III-й танковой группы, — писал Гот, — явилось большой неожиданностью, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповреждёнными»³.* Переправившись через Неман, танки Гота устремились к Вильнюсу, но натолкнулись на отчаянное сопротивление.

Вечером 22 июня командующие фронтами получили директиву №3 народного комиссара обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова, в которой безо всякого учёта с реально сложившейся обстановкой, утверждалось: *«Противник, нанеся удары из сувалкинского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шауляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на*

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. — М., 1954. С. 146.

² Гальдер Ф. Указ. соч. С. 55

³ Гот Г. Танковые операции. — М.: Воениздат, 1961. С. 65.

всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями»¹. В связи с этим Тимошенко и Жуков приказывали продолжать прочное прикрытие государственной границы, а «на фронте от Балтийского моря до границы с Венгрией» разрешали «переход госграницы и действия, не считаясь с госграницей»².

23 июня 1941 г. на Юго-Западном фронте только что образованная Ставка Верховного главнокомандования в лице генерала Г. К. Жукова, игнорировав предложение начальника штаба Юго-Западного фронта генерала М. А. Пуркаева отвести войска и создать сплошную линию обороны, приказала нанести контрудар по наступающей I-й танковой группе генерал-полковника Э. фон Клейста силами всех мехкорпусов и трёх стрелковых корпусов. Против 728 немецких танков Ставкой было брошено, без прикрытия авиации и артподготовки, 3128 советских (в основном лёгких) танков. В результате яростного встречного танкового сражения в районе Дубно — Луцк — Броды советские войска потеряли около 1500 танков³. 8-й механизированный корпус был окружен немцами и ценой больших потерь (погибло и пропало без вести 5363 человека, в том числе погиб командир дивизии полковник И. В. Васильев), уничтожив оставшуюся технику, прорвался к своим.

Битва за Дубно — Луцк — Броды высветила крайне опасные явления в РККА. Броня Т-34 и КВ оказалась уязвима для 88-мм немецких зениток, чем воспользовался противник, за час расстреливая до 20-30 танков на дальних дистанциях. К потерям приводило и отсутствие у советских танков штатной радиосвязи. Крайне неумелое проведение советских танковых атак при отсутствии радиосвязи между группами и отдельными машинами вели к потерям экипажей и техники, в том числе и на марше. Очень плохо было поставлено дело с взаимодействием родов войск, что приводило к большим потерям и утрате инициативы на поле боя.

24 июня немцы взяли Вильнюс, 26 — Барановичи, 27 — Бело-

¹ Загадки 41-го // *Красная звезда*, №149, 18 августа 2010 г.

² Там же.

³ *Былинин С.* Танковое сражение под Бродами и Ровно. 1941. — М.: Издательский центр «Экспринт», 2006. С. 45.

сток, 28 июня XX-я танковая дивизия вермахта захватила Минск (400 км от границы), а III-я — Бобруйск. Немецкий генерал пехоты К. фон Типпельскирх, в 1941 г. занимавший должность начальника разведывательного управления Генерального штаба сухопутных сил, позднее писал: *«Наступление группы армий началось довольно многообещающе. Противник был захвачен врасплох и совершенно ошеломлён. На южном фланге все переправы через Буг остались неразрушенными и попали в руки немцев. Обе танковые группы после успешных прорывов пограничной обороны безостановочно продвигались на восток. [...] Войска противника, находившиеся в районе Белостока, пытались отойти на Восток и вырваться из постепенно образующегося котла. Наступавшим танковым группам всё же удалось задержать отход противника, пока кольцо окружения не замкнулось, II-я танковая группа 27 июня достигла южной окраины Минска и встретила там с III-й танковой группой. Здесь постепенно создавался новый котел вокруг русских войск, оставшихся западнее Минска»¹.*

В образовавшихся двух котлах (Минском и Белостокском) оказались и затем были уничтожены 11 стрелковых, 2 кавалерийские, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии, погибли 3 комкора и 2 комдива, попали в плен 2 комкора и 6 командиров дивизий, ещё 1 командир корпуса и 2 командира дивизий пропали без вести.

В течение всех этих судьбоносных событий страна ничего не знала о своем «великом отце», «вожде и учителе» «любимом и родном» Сталине. С 22 июня по 3 июля, то есть на 11 дней, вождь вообще исчез из виду, причём, не только для своей страны. 22 июня 1941 г. в полдень с обращением к народу выступил не глава правительства, а нарком иностранных дел В. М. Молотов, который сообщил, что «советское правительство и его глава товарищ Сталин» поручили ему сделать сообщение о начале войны. Советский посол в Лондоне И. М. Майский вспоминал: *«Когда я узнал о предстоящем выступлении, первое, что пронеслось у меня в голове, было: «Почему Молотов? Почему не Сталин? По такому случаю нужно*

¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. — М., 1956. С. 177-178.

было бы выступление главы правительства»¹. Дальнейшее развитие событий вызвало у Майского недоумение и тревогу: «Наступил второй день войны — из Москвы не было ни звука, наступил третий, четвёртый день войны — Москва продолжала молчать. Я с нетерпением ждал каких-либо указаний от Советского правительства, и прежде всего о том, готовить ли мне почву для заключения формального англо-советского военного союза. Но ни Молотов, ни Сталин не подавали никаких признаков жизни. Тогда я не знал, что с момента нападения Германии Сталин заперся, никого не видел и не принимал никакого участия в решении государственных дел. Именно в силу этого 22 июня по радио выступил Молотов, а не Сталин, и советские послы за границей в столь критический момент не получали никаких директив из центра»².

Ответ от Сталина пришел только 30 августа 1941 г. шифровкой за №867830. «Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что, если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три — четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом»³.

О том, что делал Сталин 22 июня 1941 г., как он реагировал на начавшиеся грозные события, даже где он находился, существует множество версий, даже таких необычных, что вождя не было в Москве, а он якобы отдыхал в Сочи⁴. Но существует дневник по-

¹ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925-1945. — М.: Наука, 1971. С. 519.

² Майский И. М. Дни испытаний // Новый мир. — 1964. №12.

³ Дамаскин И. А. Сталин и разведка. — М.: Вече, 2004. С. 100.

⁴ Однако точно установлены факты вопиющей беспечности некоторых представителей советского руководства в самый канун войны. Так, о нападении Германии на СССР 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП (б), член Комитета обороны при СНК А. А. Жданов узнал, находясь на отдыхе в Сочи, и Ленинград в течение первой недели войны был без своего партийного руководителя. (Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. — СПб: Издательский дом «Нева»; М.: Издательство «Олма-Пресс», 2002. С. 92.) Очевидно, что без разрешения Сталина Жданов отправиться в отпуск не мог. — *Прим. авт.*

сещений Сталина в Кремле, из которого видно, что вождь принимал руководителей армии и правительства с 5 ч. 45 м. до 16 ч. 45 м. 22 июня 1941 г. На следующий день, 23 июня Сталин принимал посетителей с 3 ч. 20 м. по 00 ч. 55 м¹. Г. К. Жуков уверяет, что во время начавшегося в Кремле совещания, Сталин выразил слабую надежду, что начавшиеся боевые действия могут быть провокацией. *«Гитлер наверняка не знает об этом. Надо звонить в германское посольство»*, — заключил он². Однако в 5 ч. 30 м. утра Геббельсом по берлинскому радио был зачитано обращение Гитлера к немецкому народу, в котором фюрер самым циничным образом лгал: *«Сегодня на нашей границе стоят 160 русских дивизий. В последние недели имеют место непрерывные нарушения этой границы, не только нашей, но и на дальнем севере и в Румынии. Русские летчики забавляются тем, что беззаботно перелетают эту границу, словно хотят показать нам, что они уже чувствуют себя хозяевами этой территории. В ночь с 17 на 18 июня русские патрули снова вторглись на территорию рейха и были вытеснены только после длительной перестрелки. Но теперь настал час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и тоже еврейских властителей большевистского центра в Москве»*³.

В 6 ч. утра Молотов у себя в кабинете встретился с Шуленбургом. Германский посол заявил, что ему поручено передать советскому правительству ноту следующего содержания: *«Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооружённых сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»*. Письменный текст ноты, подписанной Риббентропом, был весьма пространным и содержал перечисление множества якобы допущенных Советским Союзом нарушений договора о ненападении и договора о дружбе от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

¹ *Исторический архив*, 1996. №5-6; 1998. №4.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М., 1990. С. 9.

³ The German Struggle for Freedom; Speeches of Adolf Hitler. Vol. 3. — Munich: Franz Eher, 1942, pp. 51-61. — New York Times, June 23, 1941.

Молотов даже не сразу понял, о чём идет речь, и спросил: «*Что означает эта нота?*». Шуленбург ответил, что, по его мнению, это начало войны. Молотов пытался спорить, доказывать, что СССР не нарушал никаких соглашений с Германией. Но и Шуленбург был явно расстроен и подавлен выпавшей на его долю миссией, давая понять своему собеседнику, что считает действия своего правительства неоправданными и неожиданными. «*Для чего же Германия заключила пакт о ненападении, когда так легко его порвала?*» — задал Молотов риторический вопрос, завершая встречу. Нарком и германский посол расстались, пожав друг другу руки¹.

Вернувшись в кабинет Сталина, Молотов произнес: «*Германское правительство объявило нам войну*». По свидетельству Жукова, Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила долгая и тягостная пауза. В этот момент Сталин не мог не осознать, что рухнула вся им столь упорно, настойчиво, и как он предполагал, искусно, выстраиваемая внешнеполитическая линия, целью которой было получить максимально больше выгод для СССР, используя воображаемую зависимость Гитлера от пакта 1939 г. Сталин был убеждён, что эта мнимая зависимость не позволит Гитлеру начать самоубийственную войну. Все враждебные действия Германии последних двух лет, вождь связывал с происками германского генералитета, дипломатического корпуса, англичан, кого угодно, но никак не с последовательной и целенаправленной политикой самого фюрера. Сейчас нам трудно сказать, чем руководствовался Сталин в этой своей убежденности. В. К. Волков полагал, что «*в наших знаниях о том периоде существуют серьёзные пустоты, отсутствуют какие-то звенья, которые были бы способны связать разрозненные факты в единую цепь*». Учёный высказывал предположение, что «*таким отсутствующим звеном является переписка Гитлера со Сталиным, не дошедшая до исследователей*»². Якобы в одном из писем Гитлер да-

¹ *Медведев Р. А. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны* // Новая и новейшая история. — 2002, №2.

² *Волков В. К. Указ. соч. С. 17-18.*

вал Сталину «слово чести», что не нападёт на Советский Союз и уверял, что «его генералы» хотят спровоцировать войну между СССР и Германией. Хорошо информированный Лев Безыменский свидетельствовал, что в 1966 г. разговаривал с Г. К. Жуковым и тот поведал следующее: «Где-то в начале июня [1941 г. — П. М.] я решил, что должен предпринять ещё одну попытку убедить Сталина в правильности сообщений разведки о надвигающейся опасности. До сих пор Сталин отвергал подобные доклады начальника Генштаба. Как-то он говорил по их поводу: «Вот видите, нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и направляют нас друг на друга». Вместе с наркомом обороны Семеном Константиновичем Тимошенко мы взяли подготовленные штабные карты с нанесёнными на них данными о противнике и его сосредоточении. Докладывал я. Сталин слушал внимательно, но молча. После доклада он отправил нас, не сказав своего мнения. Настроение у меня было тяжёлое. Прошло несколько дней — и меня вызвал Сталин. Когда я вошёл, он сидел за своим рабочим столом. Я подошёл. Тогда он открыл средний ящик стола и вынул несколько листов бумаги. «Читайте», — сказал Сталин. Я стал читать. Это было письмо Сталина, адресованное Гитлеру, в котором он кратко излагал свое беспокойство по поводу немецкого сосредоточения, о котором я докладывал несколько дней назад. «А вот ответ, читайте», — сказал Сталин. Я стал читать. Боюсь, что не могу столько лет спустя точно воспроизвести ответ Гитлера. Но другое помню точно: раскрыв 14-го утром «Правду», я прочитал сообщение ТАСС и в нём с удивлением обнаружил те же самые слова, которые прочитал в кабинете Сталина. То есть в советском документе была точно воспроизведена аргументация самого Гитлера...»¹.

Но какое всё это имело значение после того, как Гитлер самым циничным образом нарушил все свои обязательства? Дочь Сталина С. И. Аллилуева вспоминала, что её отец «не мог предположить и предвидеть, что пакт 1939 года, который он считал своим детищем и результатом его огромной хитрости, будет нарушен врагом более хитрым, чем он сам... Это было его огромной политической

¹ Безыменский Л. А. Сталин и Гитлер перед схваткой. С. 38.

ошибкой. Даже когда война уже кончалась, он часто любил повторять: „Эх, вместе с немцами были бы непобедимы»¹.

Разразившаяся катастрофа 22 июня 1941 г. была ещё и личной катастрофой Сталина как политика. Он не знал точного положения дел на фронте, более того, до конца не мог решить для себя вопроса, не является ли это всё же провокацией? Не случайно переходить государственную границу и не считаться с ней, Сталин позволил лишь вечером 22 июня. О чём в таком состоянии Сталин мог говорить с народом? Одиннадцать дней вождь приходил к себе. Это не было проявлением трусости, это было полным непониманием, что делать?

По свидетельству П. А. Судоплатова, бывшего в июне 1941 г. заместителем начальника Первого (разведывательного) управления НКГБ, 25–27 июня 1941 г., он был вызван в служебный кабинет народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия, который сказал, что есть решение советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путём выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление. Берия, не называя имени, дал понять, что это решение Сталина, и что оно имеет целью создать условия, позволяющие советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. Берия поручил Судоплатову встретиться с болгарским послом в СССР И. Стаменовым, и задать ему четыре вопроса: 1. Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР; 2. Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны; 3. Устроит ли немцев передача Германии таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек; 4. Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует².

При этом Берия указал, чтобы разговор с болгарским послом Судоплатов вёл не от имени советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся воен-

¹ Там же.

² 1941 г. Кн. 2. Ссылка: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 465. Л. 204–208.

ной и политической обстановке¹. Встреча Судоплатова и Стаменова состоялась 27 июня 1941 г. в ресторане «Арагви». Во время встречи посол слушал внимательно, но своего мнения по поводу четырёх пунктов не высказал. По словам Судоплатова его собеседник *«старался держать себя как человек, убеждённый в поражении Германии в этой войне. Быстрому продвижению немцев в первые дни войны он большого значения не придавал. Основные его высказывания сводились к тому, что силы СССР, безусловно, превосходят силы Германии и, что, если даже немцы займут первое время значительные территории СССР и, может быть, даже дойдут до Волги, Германия всё равно в дальнейшем потерпит поражение и будет разбита»*².

Мнение Стаменова Судоплатов довёл до сведения Берии, а тот, естественно, до сведения Сталина. А вот, Стаменов, по всей видимости, ничего в Софию не донес. Во всяком случае, никакой реакции ни от царя Бориса, ни из Берлина не последовало.

29 июня со Сталиным случился нервный кризис, возможно к нервному потрясению прибавился обострившийся недуг, но факт остается фактом: ни 29-го, ни 30 июня Сталин в Кремле не появлялся и никого не принимал. Этим он поставил страну на грань нового кризиса. Р. А. Медведев справедливо отмечает: *«Это был кризис руководства. Наркому обороны СССР С. Тимошенко не подчинялись ни Военно-морской флот, ни пограничные войска, ни войска НКВД, ни железные дороги. Он не мог отдавать распоряжения местным партийным и советским организациям, совету по эвакуации, учреждениям связи и т.д. В условиях введённой при Сталине жесточайшей централизации только он один держал в своих руках все важнейшие нити управления страной и армией. Его тогда никто не мог заменить, и в его отсутствие управление государством не могло быть эффективным»*³. Вечером 30 июня 1941 г. члены Политбюро поехали к Сталину на Ближнюю дачу. Вождь встретил их неприветливо, даже с некоторой подозрительностью. А. И. Ми-

¹ Там же.

² Там же.

³ *Медведев Р. А. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. — 2002. №2.*

коян вспоминал: «*Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой, сидящим в кресле. Он вопросительно смотрит на нас и спрашивает: зачем пришли? Вид у него был спокойный, но какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать. Молотов от имени нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Во главе такого органа должен быть Сталин. Сталин посмотрел удивленно, никаких возражений не высказал. Хорошо, говорит. Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного комитета обороны. Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я (Берия). В тот же день было принято постановление о создании Государственного комитета обороны во главе со Сталиным, а 1 июля оно было опубликовано в газетах*»¹.

По поводу этого эпизода Р. А. Медведев отмечает: «*Конечно, Микоян многое очень упрощает в этом рассказе. Сам Сталин однажды сказал на одном из общих обедов, что ночь на 30 июня 1941 г. была для него самой тяжёлой и памятной*»². Наверное, мы до конца никогда не узнаем, что произошло в Кунцево в ту ночь. Но безусловно одно, после неё, Сталин вновь появился на исторической сцене и выступил 3 июля по радио перед народом. К тому времени, враг уже захватил Литву, Латвию, значительную часть Белоруссии, военные действия велись в Карелии и в Молдавии, немецкие танковые клинья неудержимо рвались на Восток. Гальдер записал в военном дневнике 3 июля 1941 г.: «*Русская сухопутная армия разгромлена, и вряд ли при дальнейшем продвижении немецких войск на Восток русские смогут оказать наступлению немецкой армии серьёзное сопротивление. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение всего 14 дней*»³.

К октябрю 1941 г. вермахт окружил и разбил войска Западного, Резервного и Брянского фронтов. В котлах Вязьмы и Брянска

¹ 1941 год. Книга 2. С. 498-499.

² *Медведев Р. А. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны.*

³ *Гальдер Ф. Указ. соч. С. 105.*

были уничтожены восемь советских армий, германские войска оккупировали Прибалтику, Белоруссию, Украину, большую часть Крыма, заняли Смоленск, Вязьму и вышли на подступы к Москве. В начале Московского сражения, 7 октября 1941 г., когда из-за отказа Сталина согласиться с просьбами командования фронта своевременно отвести войска на Можайский рубеж, немцы начали наступление и обстановка стала крайне тяжёлой, Сталин позвонил И. С. Коневу и сказал *«с почти истерическими словами о себе в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам»*¹. По-видимому, он имел ввиду военачальников старой революционной формации: С. М. Будённого, К. Е. Ворошилова, Г. И. Кулика. Правда, Сталин забыл, что он сам расставлял этих «кавалеристов» на ответственные посты, поручая им важнейшие боевые операции.

На севере противник рвался к Ленинграду, взятие которого по планам Гитлера должно было предшествовать взятию Москвы. В плане «Барбаросса» говорилось: *«Следует наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должно последовать взятие Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности...»*.

Положение на ленинградском направлении было отчаянным. Один из «кавалеристов», назначенный Сталиным командующим Ленинградским фронтом, маршал К. Е. Ворошилов оказался неспособен задержать немецкое наступление. В августе вождь направил в Ленинград Молотова, с тем, чтобы тот разобрался с ситуацией на месте. 29 августа Сталин с тревогой писал ему в зашифрованной телеграмме: *«Совершенно секретно. Шифром. Молотову. Только что сообщили, что Тосно взят противником. Если так будет продолжаться, то Ленинград будет сдан идиотски глупо...»*

¹ Симонов К. Указ. соч. С. 398.

Что делают Попов¹ и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности... Откуда у них такая бездна пассивности и деревенской покорности судьбе? Что за люди?! Я их не пойму! В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации... Почему эти технические средства не действуют?.. Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против немцев без этих технических средств?! Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем собственно занят Ворошилов? В чём выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования»².

9 сентября 1941 г. Сталин и Берия направили Ворошилову и А. А. Жданову следующую шифровку: *«Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами предприняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?! Куда девались танки КВ? Где вы их расставили? Почему нет никакого улучшения на фронте, несмотря на такое обилие танков КВ, как у вас? Ведь ни один фронт не имеет того количества КВ, какое имеется у вас. Чем занята ваша авиация? Почему она не поддерживает действия наших войск?.. Мы требуем от вас, чтобы вы в день два-три раза информировали нас о положении на фронте и принимаемых вами мерах»³.*

8 сентября 1941 г. немцы полностью блокировали город с суши. Началась страшная 900-дневная блокада Ленинграда. На момент

¹ Г. И. Попов — первый секретарь Ленинградского горкома ВКП (б). — *Прим. авт.*

² *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. — СПб: Издательский дом «Нева»; — М.: Издательство «Олма-Пресс». С. 68.

³ Известия ЦК КПСС. — 1990. №9. С. 213.

ее установления в городе находилось 2 млн 544 тыс. чел., в том числе около 400 тыс. детей. Кроме того, в пригородных районах, то есть тоже в кольце блокады, осталось 343 тыс. чел. За время блокады от голода, холода, болезней и вражеского огня умерло и погибло около 2 млн чел.

К концу 1941 г. РККА потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести и умершими от ран в госпиталях свыше 4 млн 473 тыс. чел.¹, из них военнопленными Красная Армия потеряла к декабрю 1941 г. 2 млн 516 тыс. чел.²³. За первые 18 дней войны советская авиация потеряла 3985 самолетов⁴, из них 1200 было уничтожено в первый день на земле. Потери в танках и штурмовых орудиях в РККА на октябрь 1941 г. составили 15500 боевых машин⁵. Если учесть, что на 22 июня 1941 г. в РККА насчитывалось 10 743 самолётов всех типов, а танков и штурмовых орудий — 15 687⁶, то можно представить себе весь масштаб военной катастрофы, постигшей Красную Армию: таких поражений русская армия не знала за всю свою историю. У подобной катастрофы, конечно, не одна, а множество причин, причём как объективных, так и субъективных. Но в любом случае, советское политическое и военное руководство не справилось со своими прямыми обязанностями: поддерживать обороноспособность страны на высоком уровне и в

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 г. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2-х томах. — М., 2010. Т. 1. С. 7.

² Гуркин В. В., генерал-майор. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941-1945 г. // Новая и Новейшая история. — 1992. №3.

³ Правда, здесь следует учитывать, что немцы включали в число военнопленных захваченных партийных работников и солдат строительных частей. Но на общее число военнопленных они значительно не влияли. — Прим. авт.

⁴ Великая Отечественная война 1941-1945 г. Кампании и стратегические операции в цифрах. Т. 1. С. 29, 53, 71.

⁵ Великая Отечественная война 1941-1945 г. Кампании и стратегические операции в цифрах. Т. 1. С. 29, 53, 71, 87, 110, 142, 170.

⁶ Мельтюхов М., Осокин А., Пыхалов И. Трагедия 1941 года. Причины катастрофы. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 103.

случае агрессии защитить народ и Родину. Шапкозакидательские предвоенные лозунги типа «*И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью могучим ударом*», с началом войны явили свою полную несостоятельность. Оказалось, что Красная Армия, созданная в 1918 г. «товарищем» Троцким, и остававшаяся в своей идеологической составляющей практически неизменной при «товарище» Сталине, летом 1941 г. не смогла отразить удар вермахта¹. Важнейшими из причин, по которым это случилось, являлись отсутствие у командования Красной Армии должного профессионализма и преступное пренебрежение человеческими жизнями со стороны политического и военного руководства. Гальдер записал в своём дневнике: «*Русская тактика наступления: трехминутный огневой налёт, потом — пауза, после чего — атака пехоты с криком «ура» глубоко эшелонированными боевыми порядками (до 12 волн) без поддержки огнем тяжёлого оружия, даже в тех случаях, когда атаки производятся с дальних дистанций. Отсюда невероятно большие потери русских*»². Результатом такой «блестящей» тактики видны из сопоставления потерь германской и Красной Армии в решающих сражениях 1941 г. (см. таблицу на стр. 115).

Эти огромные цифры потерь Красной Армии вовсе не говорят о трусости или малодушии её бойцов и командиров. Наоборот, первые месяцы войны явили образцы их невиданного мужества и стойкости. Практически все пограничные заставы стойко обороняли порученные им участки: до одних суток — 257 застав, свыше одних суток — 20, более двух суток — 16, свыше трёх суток — 20, более четырёх и пяти суток — 43, от семи до девяти суток — 4, свыше одиннадцати суток — 51, свыше двенадцати суток — 55, свыше 15 суток — 51 застава. До двух месяцев сражалось 45 застав. Двенадцать застав 82-го Рескитентского пограничного отряда Мурманского округа с 29 июня по июль 1941 г. отражали многочисленные атаки финских подразделений, которые вторглись на территорию Советского Союза.

¹ Решетников Л. П. Указ. соч. С. 176.

² Гальдер Ф. Указ. соч. С. 118.

Сражение	Потери	
	Вермахт	Красная Армия
Стратегическая оборонительная операция в Белоруссии (22 июня — 9 июля 1941 г.)	38 932 безвозвратных потерь ¹	341 073 общих потерь ²
Киевская оборонительная операция (7 июля — 26 сентября 1941 г.)	95 205 безвозвратных потерь ³	563 404 безвозвратных потерь ⁴
Смоленское сражение (10 июля — 10 сентября 1941 г.)	96 526 убитыми и ранеными ⁵	760 тыс. безвозвратных и санитарных потерь ⁶
Ленинградская стратегическая оборонительная операция (10 июля — 30 сентября 1941 г.)	135 909 чел. общих потерь ⁷	376 636 тыс. чел. общих потерь ⁸
Московская стратегическая оборонительная операция (30 сентября — 4 декабря 1941 г.)	145 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести ⁹	658 279 чел. безвозвратные и санитарные ¹⁰

3 августа противник был с неё выбит пограничниками, и с этого дня вплоть до выхода Финляндии из войны 9 сентября 1944 г., госграница на участке отряда была нерушима на всём её протяже-

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 г. Кампании и стратегические операции в цифрах. Т. 1. Летне-осенняя кампания 1941 г. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Там же. С. 141.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 243.

¹⁰ Там же.

нии¹. «Правда» имела все основания писать 24 июня 1941 г.: «Как львы дрались советские пограничники, принявшие на себя первый удар подлого врага»².

Там, где командование не растерялось, действовало чётко и грамотно, немецкие атаки были полностью или частично отбиты. Так, генерал-майор авиации А. И. Ионов, вопреки установке «директивы №1» «не поддаваться на провокации», уже ранним утром 22 июня поднял в воздух бомбардировочные полки, которые нанесли удары по немецким аэродромам, находившимся на территории Германии. Первой советской эскадрилей, которая бомбила Тильзит, был капитан М. А. Кривцов. Однако другие командиры продолжали «сидеть» на земле и «не поддавались на провокации». Полки, которые взлетали, соблюдали приказ первыми огня не открывать, что объясняет незначительные потери Люфт-ваффе в первых налётах.

Наибольшие потери германская авиация понесла в полосе Киевского военного округа. Например, действовавшая в районе Станислава и Львова 3-я группа 51-й бомбардировочной эскадры потеряла около половины численного состава, то есть 15 самолётов. 7-я эскадрилья 3-й группы 55-й эскадры, которая в первом вылете бомбила аэродром в районе Броды и Дубно, из 6 вылетевших самолётов 2 потеряла над целью, 2 сгорели (один упал на советской территории, один там же приземлился на аэродроме, но сгорел), и ещё 2 повреждённые с ранеными стрелками приземлились на аэродроме в Клименцове. То есть советские ВВС давали вполне определённый ответ при случае, если у командиров хватало решимости выступить без приказа сверху³.

Так, 22 июня, уже в 3 ч. 30 мин. утра звеном истребителей И-16 лейтенанта Ф. И. Мочалова был сбит над Брестом первый немецкий бомбардировщик Ju-88. В 4 ч. 15 мин. младший лейтенант Д.В. Кокорев, израсходовав боеприпасы, таранил на МиГ-3 двух-

¹ Терещенко В. В. Подвиг пограничников // Русская история. — 2010, №2.

² Правда. — №173 (8581), 24 июня 1941 г.

³ Тимин М. В. 22 июня 1941 г. Сражение за небо // <http://warspot.ru/2227-22-iyunya-1941-goda-srazhenie-za-nebo>

моторный бомбардировщик Do-215. Всего за 8 часов с момента начала войны 15 немецких самолётов стали жертвами таранных ударов на всех фронтах¹. Последним, таким образом, уничтожил немецкую машину около полудня пилот П. Кузьмин из 127-го Истребительного авиационного полка (ИАП), пилотируя истребитель И-153 «Чайка».

Базировавшийся в районе Гродно 127-й ИАП под командованием полковника А. В. Гордиенко, за день 22 июня совершил 180 самолёто-вылетов, сбив 20 самолетов противника. Более 20 сбитых самолётов было записано на счёт 123-го ИАП, которым командовал майор Б. Н. Сурин. Имея в своем распоряжении 20 новых Як-1, полк не успел переучиться на новую матчасть, так как для новых самолётов не подвозилось топливо, и вступил в войну на тех же И-153. Сурин лично сбил 3 вражеских самолета за четыре вылета, но во время последнего из них, вероятно раненый, разбился на «Чайке» при посадке. Его результат превзошёл ст. лейтенант И. Н. Калабушкин, сбивший 5 немецких машин².

Начавшаяся война показала, что советское руководство, в том числе командование ВВС Красной Армии, не способно управлять войсками в экстренных ситуациях. Изучая приказы первого дня, приходится признать, что они в большинстве своём отдавались без учёта реальной обстановки или явно запаздывали. Так, из штаба ВВС Западного округа в полдень в штаб 10-й САД³ поступила шифротелеграмма: *«Перебазирование в Пинск утверждаю. Больше инициативы, маневрируйте аэродромами. А. Таюрский»*. К моменту расшифровки телеграммы больше половины самолётов дивизии уже оказались потерянными⁴.

Прямым последствием «директивы №1» стала потеря драгоценных суток 22 июня, когда можно было нанести мощные ответные удары по вторгнувшемуся агрессору. Это видно на примере

¹ Спик М. Асы союзников. — Смоленск.: Русич, 2000. С. 163.

² Там же.

³ Сводная авиационная дивизия. — Прим. авт.

⁴ Хазанов Д. Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. — М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 153.

28-й танковой дивизии 12-го механизированного корпуса полковника И. Д. Черняховского. Согласно предвоенному плану 12-й мехкорпус совместно с 3-м должны были в случае начала войны нанести удар в направлении Тильзита, а затем двигаться на Кёнигсберг. 22 июня дивизия Черняховского встретила противника недалеко от Шауляя, где она была обстреляна немецкой авиацией. В обоих корпусах насчитывалось полторы тысячи боевых машин, которым противостояло всего 600 немецких танков. Поздно вечером 22 июня дивизия получила приказ нанести удар по прорвавшимся в районе Скаудвиле частям немецкого ХLI механизированного корпуса. Однако сделать этого не смогла, так как осталась без горючего, забытого на складах в Риге. Только поздно вечером 23 июня Черняховский смог начать наступление и, перейдя германскую границу, нанёс удар по 1-й танковой дивизии противника восточнее Таураге, уничтожив 14 немецких танков, 20 орудий и до батальона пехоты. Из-за нехватки горючего и отсутствия поддержки от других воинских соединений, 28-я дивизия укрылась в лесах около г. Пошиле. 24 июня она опять бездействовала из-за нехватки горючего, но на следующий день 25 июня, с доставкой горючего, танкисты Черняховского прорвали оборону противника и уничтожили колонну его VIII-го моторизованного полка, нарушив сообщение по дороге на Шяуляй. В течение четырёхчасового боя дивизия уничтожила 3 тяжёлых и 14 противотанковых орудий, до двух батальонов пехоты, захватила 6 тяжёлых и 24 противотанковых орудий, несколько танков. Однако и сама потеряла к 25 июня 84 танка. 27 июня 1941 г. дивизия занимала оборону по берегу реки Муша на участке Вайды — Памуша, вновь вступила в бои, уничтожив 6 танков противника и 2 орудия, потеряв 8 танков. Дальнейшее нахождение 28-й дивизии на рубеже грозило окружением, и ею был получен приказ на отход.

Можно себе представить, что если бы все командиры и воинские части действовали как Ионов и Черняховский, то последствия начального периода войны могли быть совсем другими.

Но, несмотря ни на что, 1941 г. явил примеры величайшего героизма Красной Армии: Брестская крепость с предсмертным прощанием: «Умираю, но не сдаюсь»; героические подвиги лёт-

чиков, шедших на таран германских бомбардировщиков; начавшаяся оборона Севастополя; подвиг командира танкового взвода старшего лейтенанта З. Г. Колобанова, который 19 августа 1941 г., прикрывая дорогу на Красногвардейск (Гатчину), сумел из засады уничтожить пятью танками КВ сорок три немецких танка, причём танк под командованием непосредственно Колобанова уничтожил 22 танка противника; подвиг Панфиловской дивизии.

О стойкости и упорстве советских войск в первые недели войны свидетельствовал и Гальдер: «23 июня. Отсутствие большого количества пленных...»; «24 июня. Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен»; «28 июня. На всех участках фронта характерно небольшое число пленных»; «29 июня. Русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен»¹. Но с начала июля данные о пленных начинают меняться: «4 июля. На Северном фланге группы армий, в лесах южнее Риги уничтожено и взято в плен около одной дивизии противника»²; «5 июля. Мешок западнее Минска медленно ликвидируется. Со вчерашнего дня включительно захвачено 52 тыс. человек»³; «12 июля. Захвачена часть штаба 13-й армии противника»⁴; «22 июля. Количество пленных, захваченных Группой армий «Центр» уже превысило 100 тыс. человек»⁵; «27 июля. Нашими войсками захвачено большое количество пленных и орудий»⁶; «8 августа. По предварительным подсчетам, в плен захвачено свыше 100 тысяч человек»⁷.

Тем не менее, современные отечественные статистические исследования, опирающиеся на источники военных лет, свидетельствуют, что довольно высокое число пленных красноармейцев на-

¹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 86.

² Гальдер Ф. Указ. соч. С. 109.

³ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 112.

⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 150.

⁵ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 193.

⁶ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 234.

⁷ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 279.

блюдалось уже в первый месяц войны и неуклонно росло вплоть до сентября 1941 г. Так, в период с 22 по 30 июня 1941 г. в плен к противнику попало 112 784 чел., из них 645 чел. командного состава; к 10 июля общая цифра пленных выросла до 366 372 чел., из них 1969 чел. командного состава; к 20 июля общая цифра равнялась 600 936, из них 2374 чел. командного состава; к 31 июля — 814 030 чел., из них 3022 чел. командного состава; к 10 августа общая цифра пленных красноармейцев составила 1 085 744 чел., из них 4647 чел. командного состава; на 20 августа число пленных достигло 1 296 000 чел., из них 5294 чел. командного состава; на 31 августа общее число военнопленных красноармейцев равнялось 1 512 610 чел., из них 5816 чел. командного состава¹.

Почему количество пленных красноармейцев так неуклонно и катастрофически росло? Всеобщая воинская повинность была восстановлена в СССР только 1 сентября 1939 г., до этого момента защита «социалистического отечества» считалась почётной обязанностью трудящихся. Пониженные в правах представители элитных сословий Российской Империи, а также приравненные к ним, до этой даты не подлежали призыву на военную службу и не проходили какой-либо военной подготовки. К непризывным категориям относились лишенцы, кулаки, подкулачники (т.е. значительная часть крестьянства), казачество (до 1936 г.) и т.д. Многие из этих людей даже не состояли на военном учете, что в значительной степени затруднило призыв в армию в момент начала войны.

В результате к 1941 г. можно выделить следующие категории в составе общества: 1. Новое советское общество (в основном, молодежь, те кто были воспитаны в советской системе ценностей, или разделяли её). 2. Старое традиционное русское общество (считавшее советскую власть не своей, сохранившее традиционные ценности, включая Православную веру и отношение к Отечеству). 3. «Болото» (те, кто утратил старые ценности, но не приобрёл новые).

Эти группы были неравномерно представлены в вооружённых силах. Представители нового советского общества целена-

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 г. Кампании и стратегические операции в цифрах. Т. 1. С. 8.

правленно отбирались в элитные войска РККА — авиацию, механизированные части, войска НКВД, конницу. Кадры для них проходил особый отбор, причём не только традиционный медицинский или образовательный, но и идеологический. Так, советское руководство приказывало составлять экипажи танков и самолетов исключительно из самых преданных коммунистов. Приказ ГлавПУРа РККА гласил: *«В экипаж отбирать военнослужащих, беспредельно преданных нашей Родине, большевистской партии и Советскому правительству, бесстрашных, решительных, обладающих железным характером, способных на подвиги и самопожертвования людей, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не сдадут танк врагу. В экипажи отбирать преимущественно из рабочих промышленности, транспорта и сельского хозяйства, а также студентов индустриальных вузов и техникумов. Подбирать людей, хорошо владеющих русским языком (русских, украинцев, белорусов). Экипаж должен состоять из коммунистов, комсомольцев и непартийных большевиков, воспитанных в духе ненависти к врагу и непреклонной воли к победе»*¹.

Все, кто не проходил такой отбор, отправлялись на комплектование пехоты: *«Получается то, что к этой тяжёлой службе в пехоте приходит молодёжь нашей страны после отсева от комплектования авиации, артиллерии, танковых частей, конницы, инженерных частей, частей местной охраны и т.д. В результате — слабый, малорослый боец»*, — констатировал в декабре 1940 г. генерал-лейтенанта И. Н. Музыченко на совещании высшего командного состава РККА².

Несмотря на новый закон о воинской обязанности, представители неблагонадёжных слоёв общества концентрировались в основном во вспомогательных частях и структурах.

¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 3. Л. 186. Подлинник. Документ опубликован в сети Интернет Г. Пернавским.

² Из выступления генерал-лейтенанта И. Н. Музыченко на совещании высшего командного состава РККА декабрь 1940 г. Текст опубликован на сайте «Военная литература» // <http://militera.lib.ru/docs/da/sovnew-1940/11.html>

В первые недели войны против вермахта были брошены части, состоящие из молодых призывников, родившихся при Советской власти. Ими командовали в основном такие же по возрасту командиры и политруки. В целом, это были люди, воспитанные в коммунистическом духе и преданные режиму. Ефрейтор вермахта В. Вольфзангер свидетельствовал: «*Новое поколение в России обладало силой и мужеством... Они зачастую действовали механически, как роботы... Эти люди верили своей власти и подчинялись ей*»¹.

Своим примером они убеждали красноармейскую массу биться с врагом. Но, во-первых, сами командиры большей частью не имели опыта ведения боевых действий, прошедших Халхин-Гол, или Финскую кампанию было в процентном отношении немного, а во-вторых, что ещё хуже, над ними были такие же с военной точки зрения неопытные военачальники, многие из которых имели только опыт Гражданской войны и привыкли решать все проблемы расстрелами и грозными приказами. В РККА отсутствовал не только профессиональный высший командный состав, но и младший. Последнее, пожалуй, было даже хуже первого. В Императорской армии были унтер-офицеры, игравшие незаменимую роль солдатских воспитателей. На фельдфебелях, вахмистрах и унтерах держалась вся армейская дисциплина и выучка солдата. В условиях боя, в случае гибели офицера, фельдфебель мог без труда заменить его и спасти подразделение от разгрома. Подобный младший командный состав имелся и в вермахте. В Красной Армии его не было, потому что старшины были теми же красноармейцами, с чуть более длительным сроком службы. Когда в страшных мясорубках Киева, Смоленска, Вязьмы, Волхова их перемололи почти полностью, оказалось, что заменить их некому. Посланные ЦК ВКП(б) в первые шесть месяцев войны для укрепления «морального духа» советских бойцов 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев ситуацию исправить не могли. Находясь на рядовых должностях, и не имея никакой военной выучки, они быстро были уничтожены профессиональной армией противника.

¹ *Вольфзангер В.* Беспощадная бойня Восточного фронта. — М.: Яузпресс, 2010. С. 100.

Поскольку «идейных» на все рода войск не хватало, то в результате красноармейская масса была политически либо пассивна, либо враждебна советской власти. «Идейные» погибли в боях июня-июля 1941 г. Генерал А. В. Горбатов вспоминал, что летом 1941 г., «находясь в обороне, мы производили анализ потерь за время отступления. Большая часть пала на пропавших без вести, меньшая часть — на раненых и убитых (главным образом командиров, коммунистов и комсомольцев)»¹. Впрочем, далеко не всегда, они были героями. 15 июля 1941 г. появилась директива №080 ГУПП РККА, в которой говорилось, что «во многих случаях коммунисты и комсомольцы не только не дают отпора подлым трусам и паникёрам, но и сами являются инициаторами позорного оставления поля боя»².

Как справедливо отмечает В. Г. Первышин: «Как известно, в войска направлялись коммунисты и комсомольцы в качестве политбойцов. Находясь на положении рядовых красноармейцев, они призваны были спланировать личный состав, показывать образец слежения Родине. Уже к 27 июня на фронт было послано 18500 коммунистов, а через три дня еще 23 тысячи коммунистов и комсомольцевполнили Действующую армию. Всего за первые шесть месяцев войны на фронт было послано политбойцами 60 тыс. коммунистов и 40 тысяч комсомольцев. Все они погибли за первую неделю боев с немецкими захватчиками, ибо были необучены для борьбы с профессиональными военными. А солдатами становились 18-19-летние юноши. После войны осталось в живых только 3% мужчин 1922-1924 годов рождения»³.

Оставшаяся без командиров красноармейская масса, была де-

¹ Горбатов А. В. Годы и войны. Записки командарма. — М.: Воениздат 1989. С. 183.

² Великая Отечественная: Главные политические органы Вооружённых Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. / Сост.: Н. И. Бородин, Н. В. Усенко. — М.: Терра, 1996; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост., вступ. статья и коммент. П. Н. Кнышевского, О. Ю. Васильевой, В. В. Высоцкого, С. А. Соломатина. — М., 1992. С. 40.

³ Первышин В. Г. Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. — 2000. №7.

зориентирована, находилась в подавленном, а то и в паническом состоянии. Писатель В. П. Астафьев описывал такое состояние, когда *«одно-единственное, редкое, почти не употребляемое в мирной жизни, роковое слово «окружение» правило несметными табунами людей, бегущих, бредущих, ползущих куда-то без всяких приказов, правил, по одному лишь ориентиру — на восход солнца, на восток, к своим»*¹.

Красноармеец А. И. Деревенец, служивший телефонистом во взводе связи 278-го полка 17-й Краснознаменной стрелковой дивизии, вспоминал о том, как 22 июня началась для него Великая Отечественная война. В первый же день его часть оказалась в окружении. *«Армия, окружённая не билась с врагом, а была охвачена единственным желанием — вырваться из окружения. И начались “прорывы”. Принималось решение в каком-нибудь месте пробиться к своим. “Примкнуть штыки!” — подавалась команда, и с винтовками наперевес люди шли на немецкие пулемёты и автоматы... Уцелевшие, бросив убитых и раненых, снова собирались в другом месте, примкнув штыки, шли на прорыв, на восток, к своим. Наш полк, или вернее сказать, то, что осталось от полка, но всё-таки ещё войсковая единица, отступал, но, как и прежде, в населённые пункты не заходили, а пункты, где были немцы, старались обходить ночью...»*².

Другой важной причиной паники в первые недели войны стали многочисленные сообщения о якобы вражеских шпионах и диверсантах. Изучение захваченных в 1945 г. немецких документов показывает, что реальное количество немецких диверсантов, действовавших в тылу советской армии, было невелико. Их основными задачами были уничтожение линий связи, захват мостов и складов, передача оперативной разведывательной информации. Действовали они мелкими группами и старались, по возможности, избегать контактов с советскими военнослужащими.

Однако «миф о диверсантах», широко развитый в Красной Армии, говорил о вражеских диверсантах и парашютистах, которые

¹ Астафьев В. П. Прокляты и убиты. Книга 1. Чертова яма. — М.: ЭКСМО. 2007. С. 78.

² Цит. по Смыслов О. С. Указ. соч. С. 83.

действуют крупными отрядами, одетыми в советскую форму, внедряются в колонны отступающих войск, отдают ложные приказы, убивают командиров и политработников, вступают в бой с советскими частями. Часто за диверсантов принимали собственных же товарищей по оружию. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский вспоминал: *«На КП корпуса днём был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал, что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения обстановки, увидел западнее Ровно стремглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину, породившую её, решил задержать одну из машин. В конце концов, это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, недолго думал, объявили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую рожь. Лесом добрался до нашего КП.*

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно»¹.

3-й дивизион 152-го корпусного артполка развернулся на позиции на правом берегу Немана, в районе железнодорожного моста у городской окраины. Боевого охранения не было, но вечером к артиллеристам подошёл взвод младшего лейтенанта Бабича из 3-го батальона 184-го КрСП, отошедший к Гродно. Перейдя Неман по дорожному мосту, бойцы наткнулись на кордон, который никого не пускал в город. Но зато всем вышедшим раздавали патроны, по 90 штук на брата. Из взвода Бабича два отделения уже получили боеприпасы, когда кто-то «бдительный» заподозрил в солдатах из 184-го полка переодетых диверсантов. Уже зашёлкали затворы, и вполне могло начаться бессмысленное кровопролитие, когда ещё кто-то резонно заметил: среди диверсантов вряд ли мо-

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. — М.: Воениздат, 1997. С. 35–36.

гут быть узбеки¹. Легко представить, что, если бы узбеков в составе взвода не было, в документах появился бы рассказ об очередном бое с диверсантами.

Яркой иллюстрацией того, что творилось в частях Красной Армии летом 1941 г. служит спецсообщение НКВД в ГКО от 17 августа 1941 г.: *«3 июля командующий Юго-Западным фронтом приказал 199-й стрелковой дивизии к утру 5 июля занять и прочно удерживать южный фас Новоград-Волынского укрепрайона. Этот приказ командование дивизии выполнило с опозданием. Части дивизии заняли оборону позже указанного срока, кроме этого, во время марша не было организовано питание бойцов. Люди, особенно 617-го стрелкового полка, прибыли в район обороны истощёнными.*

После занятия района обороны командование дивизии не произвело разведку сил противника, не приняло мер к взрыву моста через р. Случ на центральном участке обороны, что дало возможность противнику перебросить танки и мотомехпехоту. В связи с тем, что командование не установило связи штаба дивизии с полками, 6 июля 617-й и 584-й стрелковые полки действовали без всякого руководства со стороны командования дивизий.

Во время паники, создавшейся в подразделениях при наступлении противника, командование не сумело предотвратить начавшееся бегство. Управление штаба дивизии разбежалось. Командир дивизии Алексеев, зам. командира по политчасти Коржев и нач. штаба дивизии Герман оставили полки и с остатками штаба бежали в тыл»².

3 сентября 1941 г. первый секретарь ЦК Белоруссии, член военного совета Брянского фронта П. К. Пономаренко писал Сталину о ситуации с пополнением, идущим на фронт: *«При первой бомбежке эшелоны разбегаются, многие потом не собираются и оседают в лесах, все леса прифронтовых областей полны такими беглецами. Многие, сбывая оружие, уходят домой... В Орловском округе из*

¹ Егоров Д. Н. Июнь 1941 Разгром Западного фронта. — М.: Яуза, 2008. С. 222.

² Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. Кн. 1. (22.06.1941 — 31.08.41). — М.: Русь, 2000. С. 487.

ста десяти тысяч человек призвано сорок пять тысяч, остальных не могут собрать»¹.

Командование РККА с самого начала военных действий потело управление многими армейскими частями и не владело сложившейся обстановкой. Это привело к нелепым и заведомо неправильным приказам о контрударах вместо планомерного выхода из-под удара с целью организации обороны и задержки противника. Ф. Гальдер писал в своём дневнике: *«Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов»*².

Беспорядок, растерянность, паника — были главными средствами, с помощью которых германское командование собиралось разгромить советские войска. Генерал-полковник вермахта Эвальд фон Клейст свидетельствовал, что, начиная войну с Советским Союзом, Гитлер и его руководство, возлагая большие *«... надежды на победу, в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России.... Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит на фронте тяжёлое поражение. Эту веру лелеяли политические советники фюрера»*³. Летом 1941 г. эти советники могли полагать, что они были правы: Красная Армия находилась на грани гибели.

В таком состоянии началось массовое пленение красноармейцев войсками противника. Причины этому были разные: отчаяние, утомленность, тяжёлое ранение, голод, желание вырваться из

¹ Сталин. Июнь 1941 — май 1945. Документы и фотографии. — М.: Издательский дом «Достоинство», 2010. С. 114.

² Гальдер Ф. Указ. соч. С. 58.

³ Ширер У. Взлёт и падение Третьего рейха. — М.: Воениздат, 1991. Т. 2. С. 244.

этого ада, сохранить жизнь. Но кроме этого, часто, сдаваясь в плен, боец Красной Армии тем самым выражал своё отношение к советской власти. Л. П. Решетников отмечает по этому поводу: *«Расхожие объяснения этого факта (массового плена красноармейцев — П. М.) известны: внезапное нападение, нехватка оружия и патронов, неумелое командование и т.п. Не отрицая негативной роли всего перечисленного, скажем, что главное было в другом — в нежелании части нашего народа воевать и жертвовать жизнью за так называемый социализм, за сталинскую систему. Слишком много она принесла народу зла, слишком много людей пострадало от неё, слишком многие её ненавидели»*¹. 27 февраля 1942 г. Л. П. Берия сообщал Сталину следующие слова замнаркома боеприпасов А. Л. Ключева: *«Уже более полутора миллионов винтовок побросали на поля и бегут. Колхозники вспоминают наши ошибки 1929-1937 г. Наша армия в настоящее время небоеспособна, так как она в основном состоит из крестьянской массы, но крестьянам не за что воевать»*². После того как Берия довёл до вождя эти слова, Ключев был арестован и по видимому расстрелян³.

В июне 1941 г. агентура НКВД сообщала о следующих высказываниях населения: *«Сейчас половина народа СССР озлоблена против советской власти. Много людей сидит в тюрьмах, а у крестьян плохое настроение. Так что воевать будет трудно, народ будет против нашего правительства»*⁴

В одном письме, перехваченном военной цензурой, боец писал родным: *«Сегодня я получил первое крещение. Но ничего страшного нет, если жизнь не позволяет дальше существовать, хотя мы ещё не жили, а только росли, скитались по тюрьмам и т.д. Жалко*

¹ Решетников Л. П. Указ. соч. С. 176-177.

² Лекция «Протестные настроения 1941—1942 годов и сталинская юстиция», прочитанная д. ист. н., профессором кафедры политической истории факультета истории ВШЭ О. В. Будницким в Государственном музее истории ГУЛАГа 16 января 2014 г. // <http://rusplt.ru/society/Budnitskiy-repressii-7440.html>

³ Там же.

⁴ Там же.

одно, что много народу пропадёт за счёт паразитов и их властвования над русскими, на костях которых построен был социализм»¹.

Упомянутый уже нами красноармеец А. И. Деревенец попал в плен вместе с несколькими своими сослуживцами и лейтенантом: «Мы были уже не бойцами армии, а пленниками победителей. У деревни, наверное, был сборный пункт для военнопленных. Сюда всё время приводили группы взятых в плен наших бойцов и командиров. Один раз подошла большая колонна пленных. Во главе колонны шли несколько генералов. Ещё недавно эти грозные для нас военачальники были теперь поникшими, бесконечно усталыми душой и телом людьми. Покрытые дорожной пылью, со струйками стекающего по лицу пота, они представляли жалкое зрелище. Зато каким самодовольством, какой гордостью светились лица немецких солдат, конвоировавших колонну. [...] Наверное, до полудня немцы отовсюду сводили в деревню отдельные группы бойцов. Впрочем, это уже были никакие не бойцы, а толпа деморализованных, голодных и смертельно уставших, потерявших всякую надежду людей. Опустив головы, волоча ноги, люди понуро брели туда, куда их вели, а потом садились на землю, где им указывали. Мне потом рассказывали, что в некоторых местах пленные вот так сидели несколько суток и в дождь, не смея подняться, иначе конвоир немедля и без предупреждения пристрелит»².

Другой боец Ю. В. Владимиров, видя большие колонны пленных, задумался: «Почему же все сдаются, а мне нельзя этого сделать?» — спросил я себя. И тут же ответил на этот свой вопрос: «Можно, так как после полностью проигранного сражения другого выхода, чтобы остаться в живых, уже не осталось. Предпочесть плену самоубийство, чего от нас требуют воинские уставы, не может быть и речи. Стоит жить дальше хотя бы для того, чтобы увидеть, как и когда закончится эта проклятая война»...»³.

Уже 16 июля 1941 г. в постановлении ГКО, подписанным Сталиным, говорилось: «Государственный Комитет Оборона должен

¹ Сталинградская эпопея. Документы, рассекреченные ФСБ России. — М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2012. С. 245.

² Цит. по Смыслов О. С. Указ. соч. С. 83.

³ Цит. по Смыслов О. С. Указ. соч. С. 90.

признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникёрство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником»¹. Далее шёл список девяти высших командиров Западного (во главе с командующим генералом-армии Д. Г. Павловым), Северо-Западного и Южного фронтов, расстрелянных за «трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, сдачу оружия противнику без боя». Однако эти репрессии не могли остановить продолжающуюся панику среди бойцов Красной Армии.

Как известно, немецкий плен оказался не менее страшным, чем ужас окружения и лобовых атак. По свидетельству начальника Генерального штаба сухопутных сил вермахта Ф. Гальдера на Нюрнбергском процессе, Гитлер ещё до нападения на СССР заявлял, что *«так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции»². В своём отношении к пленным, германское командование руководствовалось «Распоряжением об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» от 10 июля 1941 г. В нём говорилось: «Большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним, как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением. Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооружённых сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собою и советскими военнопленными. Обращение должно быть холодным, хотя и корректным. Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для окрауливания советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих»³.*

¹ Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 472.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. В 7 т. — М., 1958. Т. 3. С. 19-20.

³ Военно-исторический журнал. — 1991 г. №11.

Советских пленных сначала содержали в так называемых сборных пунктах, которые на самом деле были просто огороженной колючей проволокой территорией, где размещались тысячи людей, многие из которых были ослаблены голодом или ранены. Там их фактически не кормили и расстреливали по любому поводу. Так, бывший военнопленный С. Ф. Чечкин вспоминал: *«Питались мы по существу один раз в день, получали 250 г. хлеба на день и один раз суп в обед, а утром и вечером был только один чай без хлеба и сахара»*; другой бывший военнопленный Я. К. Лысков свидетельствовал: *«Кормили очень плохо, за всё время 4 суток дали только варёной картошки по три штуки»*¹. В Криворожском лагере, где было заключено около 12 тыс. человек, как пленных, так и гражданских лиц, *«рацион был рассчитан так, чтобы самый сильный человек умер в течение 1-1,5 месяца. За сутки умирали по 120-150 человек»*². Затем тех, кто выживал после «сборных пунктов» отправляли в пересыльные лагеря (Дулаги) и постоянные (Шталаги), где положение пленных было ненамного лучше. Всего во время Великой Отечественной войны пропало без вести и попало в плен 4 559 000 советских военнослужащих. Из них вернулись на Родину 1 836 000 военнослужащих, эмигрировало в другие страны 180 тыс. чел³.

12 августа 1941 г. Сталин подписал приказ наркома обороны СССР, в котором военным советам действующих армий было разрешено предавать суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава до командира батальона включительно. Приказ имел самые негативные последствия, так как зачастую суду военного трибунала предавались лица, не совершившие никаких пре-

¹ Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941-1945 г. (По рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области). Сборник документов. — 2-е изд., с изм. и доп. — Пермь: Пермское книжное издательство, 2008. Док. №153 и 172.

² Горюнов О. Мертвым поднимали руку, чтобы получить ещё хлеба. Ужасы немецкого плена // 9 февраля 2015 / <http://www.war.org.ua/?p=3884>

³ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 501-502.

ступлений, а отступившие под натиском превосходящих сил противника¹.

16 августа 1941 г. последовал очередной приказ №270 Ставки Верховного главнокомандующего, в котором виден неприкрытый страх перед массовой сдачей в плен красноармейцев. В нём говорилось: *«мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам. Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробившись из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочёл сдаться в плен, предпочёл дезертировать к врагу. Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике, трусил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги. Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу»*². Все названные в приказе генералы заочно приговаривались к смертной казни.

Далее шли типичные для Сталина угрозы: *«Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте по-*

¹ Великая Отечественная война. 1941 год. — М.: Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2011. С. 240.

² Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 477-478.

добных дезертиров из начсостава. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев»¹.

Следует признать, что этот сталинский приказ был не только неоправданно жестоким, но и попросту лживым. Дело в том, что все названные генералы не были ни трусами, ни предателями. Что касается командующего 28-й армией генерал-лейтенанта В. Я. Качалова, то он во время Смоленского сражения, прорываясь из окружения, героически погиб в танковом бою. В 1952-1953 г. была найдена могила Качалова и доказано, что он не был в плену, а пал смертью храбрых. На Сталина это не произвело никакого впечатления, и Качалов был полностью реабилитирован только после смерти вождя — 23 декабря 1953 г. При этом его жена и мать ещё в 1941 г. были арестованы и отправлены в лагеря, а малолетний сын был помещен в детский дом.

Судьба командующего 12-й армией генерал-майора П. Г. Понеделина, которого маршал И. Х. Баграмян называл «*наиболее образованным из наших командармов, большим знатоком тактики высших соединений, отлично разбиравшимся в вопросах военного искусства*»², сложилась также трагично. 6-7 августа 1941 г. П. Г. Понеделин в районе села Подвысокое под Уманью вёл упорный бой с противником, обороняя здание райкома партии. Когда патроны кончились, Понеделин повёл в штыковую атаку остатки комендантской роты и другие разрозненные подразделения штаба группы. В рукопашной схватке он был оглушён прикладом автомата и взят в плен. Немцы сфотографировались с пленным генералом и использовали эту фотографию в пропагандистских целях. Но сам Понеделин категорически отказался от любого сотрудничества с оккупантами. В декабре 1942 г. капитан вермахта, бывший

¹ Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 478.

² Баграмян И. Х. Так начиналась война. — М.: Воениздат, 1988. С. 58.

офицер русской Императорской армии, В. Штрик-Штрикфельдт организовал встречу генерала А. Власова с генерал-лейтенантом Понеделиным. На предложение Власова принять участие в работе по созданию Русской добровольческой армии Понеделин наотрез отказался. Он заявил, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды¹. В 1945 г. Понеделин был освобождён американцами, которые предлагали ему перейти к ним на службу. Но командарм, даже зная, что на Родине он приговорён к смертной казни, от этого отказался. Понеделин был передан американцами советской стороне и провёл в застенках Лефортово 5 лет. Несмотря на то, что он написал письмо Сталину с просьбой пересмотреть его дело, генерал был расстрелян 25 августа 1950 г. Полностью реабилитирован 13 марта 1956 г. Его жена и отец провели в ГУЛАГе, как «члены семьи изменника Родины» 15 лет и были освобождены только в 1956 г.

Такая же судьба постигла командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Н. К. Кириллова, попавшего в плен вместе с П. Г. Понеделиным, освобождённого, а затем арестованного и расстрелянного вместе с ним «за измену Родине». Полностью реабилитирован 29 февраля 1956 г.

Таким образом, своим приказом Сталин, поверив непроверенным и лживым слухам, уничтожил видных советских генералов, одного морально, а двух физически. Эти генералы, помимо личного мужества и преданности, имели опыт службы в Императорской армии на офицерских должностях: В. Я. Качалов имел звание капитана, командовал ротой и полком; прапорщик П. Г. Понеделин командовал ротой; прапорщик Н. К. Кириллов командовал взводом, ротой и батальоном.

Но мало того, что Сталин своим приказом посеял недоверие рядовых красноармейцев к командирам, он ещё вызвал в армии волну дикого разнузданного самоуправства. Это вынужден был признать и сам Верховный главнокомандующий. Правда, сделал он это только 4 октября 1941 г. в приказе №0391: «*За последнее вре-*

¹ *Смыслов О. С.* Указ. соч. С. 280.

мя наблюдаются частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчинённым. Лейтенант 288-го стрелкового полка Комиссаров без всяких оснований выстрелом из нагана убил красноармейца Кубицу. Бывший начальник 21-го Укрепрайона полковник Сущенко застрелил мл. сержанта Першикова за то, что он из-за болезни руки медленно слезал с машины. Командир взвода мото-стрелковой роты 1026-го стрелкового полка лейтенант Микрюков застрелил своего помощника — младшего командира взвода Бабурина якобы за невыполнение приказа. Военный комиссар 28-й танковой дивизии полковой комиссар Банквицер избил одного сержанта за то, что тот ночью закурил; он же избил майора Занозного за невыдержанный с ним разговор. Начальник штаба 529-го стрелкового полка капитан Сакур без всяких оснований ударил два раза пистолетом ст. лейтенанта Сергеева»¹.

Следует отметить, что этот приказ вышел уже после двух колоссальных котлов под Киевом и Вязьмой, в каждом из которых было взято в плен более 600 тыс. красноармейцев. Не вызывает сомнений, что сталинский приказ №270 сыграл в этом свою роль, усилив стремление красноармейцев к сдаче в плен. Ведь, согласно приказу получалось, что любой попавший в плен боец становился врагом, семью которого ждала расправа. Как ни парадоксально, но такие приказы вызывали у красноармейцев скорее не страх, а ненависть к власти. Красноармеец 1077-го стрелкового полка в беседе с бойцами осенью 1941 г. говорил: «Сейчас 50 % колхозников настроены против Советской власти. Наши генералы кричали, что будем бить врага на чужой территории, а делается всё наоборот. Русский народ продали генералы»². Красноармеец роты ПВО 1073 стрелкового полка говорил: «Надо бросать воевать. Всё равно немца не победить»³. Многочисленные сводки НКВД пестрели со-

¹ Звягинцев В. Война на весах Фемиды. Война 1941-1945 г. в материалах следственно-судебных дел. — М.: Терра-Книжный клуб, 2006. С. 171.

² Скрытая правда войны. 1941 год / сост. П. Н. Кнышевский. — М.: Русская книга, 1992. С. 45.

³ Скрытая правда войны. 1941 год. С. 45.

общениями о протестных настроениях среди личного состава советских войск: «*Воевать за советскую власть не стоит... Нам она ничего хорошего не дала... Не будут защищать её и колхозники, ведь в колхозах живут намного хуже, чем когда-то в Польше*». «*Гитлер победит СССР, и жизнь будет хорошая. Будет единоличное хозяйство и будет продовольствие. Если бы хорошая жизнь у нас была, тогда бы наши в плен не сдавались*»¹.

В 1941 г. в СССР было объявлено две мобилизации: одна 23 июня, другая — 10 августа. Первая мобилизация встретила с определёнными трудностями. Помимо большого притока добровольцев, многие из которых не состояли даже на военном учёте, имели место и обратные явления — уклонение от мобилизации и дезертирство мобилизованных. Только в период с начала войны до конца 1941 г. органы НКВД задержали свыше 710 тыс. дезертиров и более 71 тыс. уклонистов².

Что касается второй мобилизации, то в ней возникла необходимость, когда планы войны «малой кровью» и на «чужой территории» потерпели крах, а враг взял Смоленск. Тогда на фронт призвали и военнообязанных 1890-1904 г. рождения, то есть 37-51-летних мужчин, больше половины из которых (родившиеся в 1890-1899 г.) хорошо помнили Первую мировую, или сами участвовали в ней. Они знали, что «германец — противник серьёзный», и имели опыт позиционной войны. Если бы Сталин и его военачальники готовились в предвоенные годы к позиционной войне, то, вероятно, военной катастрофы 1941-42 г. и не было бы³.

С 22 июня по 10 октября 1941 г. органы военной контрразвед-

¹ *Миниханов Ф. Г.* Письма с фронта: окопная правда о войне // Сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ. — Казань, 2013. С. 276.

² *Гусак В. А.* Дезертирство из Красной армии как социальная основа преступности в годы Великой Отечественной Войны (1941–1945 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. — 2008, №8. С. 9.

³ *Романов Б.* Две мобилизации // <http://www.proza.ru/2010/06/22/1353>

ки и заградительные отряды войск НКВД задержали 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из числа задержанных были арестованы 25 878 человек, остальные 632 486 — распределены по войсковым частям и вновь направлены на фронт. По постановлениям особых отделов НКВД и приговорам Военных трибуналов расстреляны 10 201 чел., из них перед строем — 3321 человек¹.

Но никакие репрессии не могли остановить массовую сдачу красноармейцев в плен, а иногда даже их организованный переход к противнику. В донесении Военного совета 30-й армии Военному совету Западного фронта от 6 сентября 1941 г. сообщалось: «*В армии имеют место факты переходов к немцам... не только отдельных лиц, но за последнее время есть случаи, когда этот переход совершали организованно целые даже группы, так, например, 27 августа в 903-м стрелковом полку из 8-й роты... 31 августа — тоже, с оружием... из 3-го взвода разведроты штадива...*»². 2 ноября 1941 г. начальник Можайского сектора НКВД докладывал члену Военного совета Западного фронта Н. А. Булганину, что 9 октября под Вязьмой двадцать немецких автоматчиков взяли в плен до четырёхсот красноармейцев³. В одном мотострелковом полку политрук проводил беседу с солдатами об одном изменнике, добровольно перешедшем на сторону врага. Когда беседа закончилась, и солдаты начали расходиться, рядовой Низовцев открыто заявил: «...*Подумаешь, один человек перешёл — такой подняли скандал. Я видел, как сдавались в плен целые полки с техникой...*»⁴.

11 февраля 1942 г. Прокурор СССР В. М. Бочков докладывал Сталину: «*Совершение изменнических актов происходило в виде: а) одиночных и групповых переходов на сторону врага; б) возвращений из плена с целью проведения по заданиям фашистской разведки враждебной деятельности на территории СССР; в) подготовки к переходу на сторону врага. Обстоятельства, приводившие к измене роди-*

¹ Великая Отечественная война. 1941 год. С. 247.

² Скрытая правда войны: 1941 год. С. 267-268.

³ Скрытая правда войны: 1941 год. С. 322.

⁴ Миниханов Ф. Г. Указ. соч. С. 278.

не, были разнообразны: одни становились на путь измены в силу своих враждебных антисоветских убеждений, другие сплошь и рядом становились объектом обработки со стороны вражеской агентуры под влиянием и других мотивов: боязнь быть убитым на фронте, ложное представление о возможности победы фашизма, стремление обратиться к своей семье, оставшейся на территории, временно занятой противником, и т.д.

Неправильность в комплектовании и направлении частей проявлялась в том, что из людей, призванных из одной местности, создавали целые подразделения, части и даже соединения, а затем направляли их на участок, находящийся в непосредственной близости от района, из которого они происходят, занятого противником. Узнав, что на пополнение 299 с. д. прибыли черниговцы, немцы использовали это в своей агитации, призывая черниговцев переходить к ним и обещая распустить их по домам. Это повлияло на известную часть бойцов, и в этой дивизии за 8 дней пропало без вести 4000 чел., большая часть из которых разошлась по домам, находящимся на территории, временно занимавшейся немцами.

Установлены многочисленные случаи, когда организаторы групповых переходов на сторону врага в течение длительного времени, иногда месяцами, обрабатывали в изменническом духе группу бойцов и всё же их подрывная работа оставалась неразоблачённой. Так, в 161 отд. местном стрелковом взводе (Кар. фронт) в августе красноармейцами Пономаревым, Таранушичем и др. в числе 7 чел. была создана террористическая изменническая группа, ставившая себе целью убийство командиров и переход на сторону врага. Эта группа систематически занималась антисоветской агитацией, вербовала новых участников, устраивала нелегальные сборища, на которых обсуждался план побега в Финляндию. В ночь на 13 сентября к.-р. группа приступила к осуществлению своих злодейских замыслов. Участники группы убили одного мл. командира и 3 кр.-цев, пытались перерезать телефонные провода. Убить остальных командиров и перейти на сторону врага изменникам не удалось по не зависящим от них причинам»¹.

¹ «За полгода войны осуждено 90 322 военнослужащих...» // *Коммерсантъ*, 30 января 2012 г.

В плену оказался и сын самого вождя — командир 6-й артиллерийской батареи 14-го гаубичного полка старший лейтенант Я. И. Джугашвили. Обстоятельства его попадания в плен до сих пор точно не выяснены. Джугашвили пропал во время выхода из окружения в районе Витебска 16 июля 1941 г., а через несколько дней объявился в немецком плену, куда он попал в гражданской одежде. На допросе немецкого командования, Яков сообщил, что пытался организовать сопротивление и даже вырваться из окружения, для чего обменял свою форменную одежду на крестьянскую. Далее, он показал: *«Я увидел, что окружён, идти никуда нельзя. Я пришёл и сказал: “Сдаюсь”. Всё! Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне»*, которые просили Якова: *«Уходи сейчас же, иначе донесём на тебя»*. *«Человек должен бороться до тех пор, — продолжал свои показания Джугашвили, — пока имеется хоть малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то... Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют её детей, сожгут её дом»*¹. Таким образом, согласно допросу, Я. И. Джугашвили снял с себя военную форму, знаки отличия, переоделся в гражданскую одежду, сам пришел к немцам и сдался. Немцы фотографировались с сыном Сталина и использовали эти фотографии в создании листовок, которые разбрасывались над советскими позициями. То есть действия Якова Джугашвили полностью подпадали под положения сталинского приказа №270, который вышел ровно через восемь дней после его пленения. Признаком того, что Сталину были известны подлинные обстоятельства пленения сына, служит факт немедленного ареста его жены Ю. И. Мельцер, который последовал сразу после выхода приказа №270, предусматривавшего ответственность семей военнослужащих, попавших в плен. Мельцер была отправлена в куйбышевскую тюрьму, откуда вышла в 1943 г., когда стало известно о гибели Якова, совершенно седой. Здесь не место оценивать обстоятельства пленения Я. И. Джугашвили, тем более, что, по имеющимся сведениям, он вёл себя в плену достойно и от сотрудничества с немцами отказался. Но невозможно не

¹ Цит. по: Смыслов О. С. Указ. соч. С. 57.

отметить избирательность его отца, который по одним только слухам осудил на смерть генералов Понеделина и Кириллова и объявил изменником погибшего героем Качалова, но вполне снисходительно отнёсся к поступку своего сына.

На примере донесений НКВД по Читинской области мы можем судить как относилась немалая часть населения к сталинскому режиму. Так, рабочий Штанов в июле 1941 г. заявил, что *«Советское правительство изменило нашему народу»*; Козыкин, работник Васильевского прииска (Карымский район), среди других рабочих заявил: *«Сталин не русский человек, подвёл наш народ, заставил воевать с немцами. Советская власть отдала всю пшеницу и не могла откупиться от немцев, вот и пришлось воевать. Нужно всю партию разбить и коммунистов перебить»*; сторож нерчинской МТС Подшивалов в ходе разговора с рабочими, заявил: *«Советская власть грабит население, забирает последний кров, вот придут немцы, установят другой порядок, тогда за всё расплатимся»*; бригадир колхоза «Заветы Ленина» села Жиндо 2-е сказал: *«Колхозники дошли при советской власти до безвыходного положения. Никто им не виноват, сами хвалят и держатся за советскую власть, вот она их и довела до такой жизни»*; Фгизуканов Исаак Вусанович, стрелок 2-го дивизиона войск внутренней охраны (ВОХР), в разговоре с группой товарищей—стрелков сказал, что Сталин в своей речи от 3.07.1941 г. лжёт, так как советских войск погибло больше, чем немецких, а Гитлер, в свою очередь, говорит правду. В заключении Фгизуканов добавил: *«Вот пойдёт Япония войной, тогда советской власти будет конец»*¹.

Попадая на фронт, эти люди, кого не смогло или не успело репрессировать НКВД, приносили с собой те же настроения в действующую армию. Командир 214-го артполка 38-й дивизии подполковник Гурылев: *«...нужно срывать знаки различия при отходе, чтобы не застрелили. В этой войне погибнешь ни за что. Где наша авиация? В газетах пишут о нашей авиации — всё это брехня. Не-*

¹ *Леонов И. А.* Протестные настроения жителей Читинской области в годы Великой Отечественной войны // <http://maxpark.com/community/4375/content/2235220>

мецкая хорошая, а у нас гробы... Скоро будет заключён мир с Германией, ибо с ней борьба бессмысленно, да нам и воевать нечем... с большим шумом готовились войне, а когда соприкоснулись с противником, то он нас разбил»¹. Красноармеец Пилипчук: «...видно по ходу войны, что Красная Армия не победит немецкой армии и немец с Украины никуда не уйдет. Счастливый тот, кто остался в тылу у немцев и воевать не будет»².

Между прочим, такие настроения среди рядовых красноармейцев существовали уже во время советско-финской войны. Бывший помощник Сталина Б. Бажанов, бежавший в Финляндию и находившийся на службе у фельдмаршала К. Г. Маннергейма, с одобрения последнего решил создать из пленных красноармейцев Русскую народную армию. С этой целью он посетил лагерь для советских военнопленных, в котором содержалось 500 человек, и беседовал с ними. Бажанов указывал, что «среди них были великороссы, украинцы и представители прочих российских национальностей. Красноармейцы были в возрасте от 20 до 40 лет. Среди них не было командного состава». В ходе беседы с пленными, Бажанов выяснил, что четверть из них боится «не только опасностей войны, но и вообще всего. Вторая часть представляла собой ненадежный молодежь, который тоже не сочувствовал советской власти или, вернее, был ею недоволен, но не представлял себе, что ей можно себя противопоставить. Старшие красноармейцы им говорили, что до большевиков жилось лучше, и эта молодежь им верила, но была совершенно пассивна. Таким образом, половина красноармейцев была трудна для пропаганды. Третья четверть была согласна безоговорочно и немедленно драться против коммунистов. И, наконец, последняя четверть была готова идти против Советов при условии постоянного политического влияния»³. Из 500 пленных, Бажанову удалось отобрать в отряд «надёжных 200 человек». Когда им был задан вопрос: с какими начальниками они желают быть отправлены на фронт, с красными или белыми, они все выразили желание, чтобы коман-

¹ Миниханов Ф. Г. Указ. соч. С. 278.

² Миниханов Ф. Г. Указ. соч. С. 276.

³ Смыслов О. С. Указ. соч. С. 11-12.

дирами были назначены белые офицеры-эмигранты. Они опасались, что бывшие красные командиры в какой-то момент могут их предать, в отличие от белых офицеров, которые в случае чего наверняка будут расстреляны вместе с ними и потому их, безусловно, не предадут¹.

Во время любой войны находятся трусы и подлецы, которые, из шкурных интересов, готовы предать Родину и пойти на службу к врагу. Конечно, немало было их и среди авторов вышеприведенных высказываний. Но очевидно, что в 1941 г. народ ясно дал понять, что воевать за идеи «Социалистического отечества» и «мировой солидарности трудящихся», он не хочет. Вот, что говорил в плену герой Смоленского и Московского сражений генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, который вёл себя чрезвычайно мужественно и после войны был восстановлен в звании и наградах: *«Большевизм мог найти поддержку у народов сегодняшнего Советского Союза только в результате конъюнктуры, сложившейся после мировой войны. Крестьянину пообещали землю, рабочему — участие в промышленных прибылях. И крестьянин, и рабочий были обмануты. У крестьянина сегодня нет никакой собственности, рабочий ничего не может купить на свой заработок, в стране царят нужда и террор, жизнь тускла и безрадостна»*². Другой советский генерал П. Г. Понеделин в своём дневнике писал, что *«колхозное крестьянство, лишившись частной собственности, обнищало, вследствие чего к Советскому правительству относится недоброжелательно и поддерживать его в войне с немцами не будет»*³. Если так думали советские генералы, то что можно сказать о рядовых солдатах и командирах?

Между тем, Сталин осознал необходимость менять идеологическую вывеску режима лишь к осени 1941 г. В своём выступлении 3 июля 1941 г. вождь позволил себе только одно принципиальное нововведение: он обратился к народу «Братья и сестры!». Это обращение вождя с использованием церковной лексики озна-

¹ Смыслов О. С. Указ. соч. С. 12.

² Хоффманн Й. История власовской армии. — Paris: Ymca-press, 1990. С. 117.

³ Цит. по: Смыслов О. С. Указ. соч. С. 390.

чало, что Сталин, будучи прекрасным психологом, хорошо помнил результаты переписи населения 1937 г., когда большинство опрошенных, несмотря на страх самой жесткой репрессии, заявили, что они верующие. Не только православные, но и мусульмане, буддисты, иудеи, католики, протестанты. По большому счёту это был призыв о помощи, обращённый вождём впервые к верующим людям. Между прочим, его сразу почувствовали в народе. Современница событий Е. Кузьмина вспоминала: *«И вдруг речь Сталина по радио: «Братья и сестры...». Мы привыкли к волевому голосу этого человека. Мы привыкли к тому, что каждое его слово был твёрдый приказ или новый закон. И вдруг немного старческий, чуть дрожащий голос обращался к нам не то с просьбой, не то за помощью»*¹.

Больше в сталинском выступлении 3 июля кроме «братьев и сестер» ничего нового не было. Зато там были слова о *«великом Ленине, который создал наше государство»* и о том, что враг *«ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма»*². Последнее вообще является верхом сталинской демагогии. Кстати, накануне нападения Германии на СССР Геббельс по этому поводу совершенно чётко замечал: *«В России вовсе не будет восстановлен царизм, а вопреки еврейскому социализму, будет осуществлён подлинный социализм»*³. В дальнейшем упоминаний имени Ленина в сталинских речах будет становиться всё меньше и меньше, а «царизм» вообще исчезнет на весь период войны.

Но люди в тот момент не вдавались в оттенки речи вождя. Народ хотел услышать, что власть в стране есть, что лидер страны действует. Поэтому сталинское выступление произвело тогда нужное бодрящее впечатление на граждан страны, и её армию.

¹ Млечин Л. Один день без Сталина. Москва в октябре 41-го года. — М.: Центрполиграф, 2012. С. 54.

² Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. С. 61.

³ Откровенные признания. С. 279.

Глава 4.

Рождение Армии-Победительницы

Хотя советское руководство и говорило с началом войны об её отечественном характере, оно под этим словом понимало совсем не то, что что мы сегодня видим в Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне 1941-1945 г. В Директиве ГУПП РККА №081 предписывалось: «Глубоко разъяснить всему личному составу вероломный разбойничий характер войны со стороны Германии, показать, что нападение фашистов — это иноземное нашествие, против которого, как и в 1918 году, на Отечественную войну поднялся весь советский народ»¹. Но как известно, никакой «отечественной» войны в 1918 г. не было. Именно в том году началась развязанная большевиками братоубийственная Гражданская война. Значит, советские агитаторы имели ввиду не Россию-Отечество, а «Отечество рабочих и крестьян», то есть то, о чем говорил Сталин в 1931 г.: «В прошлом (то есть до революции — П. М.) у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»². То есть Отечество Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Петра Великого, Потёмкина, Суворова, Пушкина, Серафима Саровского, Менделеева, Пирогова, Александра III, Николая II — не было отечеством Сталина.

Поэтому знаменитая сталинская речь на параде 7 ноября 1941 г., в которой вождь «вдруг» назвал многих из вышеперечисленных в качестве «великих предков», было ничем иным как так-

¹ Великая Отечественная: Главные политические органы... С. 42-44.

² Сталин И. В. О задачах хозяйственников: речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 39.

тическим ходом хитрого и циничного политика, наконец-то осознавшего, что, если он не вернётся к традиционному пониманию Отечества, его сметет собственный народ.

В речи на Красной площади 7 ноября 1941 г. Сталин открыто обратился к «образам наших предков»: *«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизаны! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят рабощённые народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»*¹.

При этом не следует забывать, что Сталин всегда, до конца жизни, являлся непримиримым врагом традиционной России. В своей книге «Вопросы ленинизма» он писал: *«Царская Россия была очагом всякого рода гнёта, и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всеилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват?»*².

Не менее лживую демагогию Сталин допускал и в отношении боевой славы «старой» России: *«История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость*

¹ Сталин И. В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. С. 86.

² Сталин И. В. Вопросы ленинизма. — М.: Госполитиздат, 1952. С. 4-5.

военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: “Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь”? Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: “ты обильная” — стало быть, можно на твой счёт пожить. Они били и приговаривали: “ты убогая, бессильная” — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно»¹.

Теперь приходилось расплачиваться за эту ложь: в отличие от Императорской России, никогда даже близко не переживавшей подобные разгромы, сталинский СССР в 1941 г. трещал по швам. Б. Горбачевский вспоминал свой разговор с одним пожилым человеком в июне 1941 г.: «Никто не понимает, зачем Гитлер напал на Россию? Это же самоубийство Германии! Отчим Марка, уже далеко не молодой, религиозный человек, воевавший ещё в Первую мировую, зло и неприкрыто заявил: «Нашествие немцев — это Божье наказание великому грешнику за его злодеяния. Оно дорого нам обойдётся»².

Нельзя не согласиться с американским военным историком Д. Гланцем: «Для того чтобы постепенно складывающаяся новая Красная Армия вышла победительницей после четырёх лет беспрецедентной войны, потребовался опалюющий опыт войны и гибель довоенной Красной Армии»³. Костяк её составляли молодые, рожденные в советское время люди. Теперь на их место стали приходиться поколения 35-40-летних мужчин, многие из которых прошли Германскую войну и имели за неё Георгиевские кресты и медали. На советские возраста (до 26 лет) приходится 40 % потерь, а больше половины (60 %) на поколения, рождённые и воспитанные в Российской Империи. Постепенно доля дореволюционных воз-

¹ Сталин И. В. О задачах хозяйственников: речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 38.

² Горбачевский Б. Указ. соч. С. 21.

³ Гланц Д. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 г. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 119.

растов в призывных контингентах возрастала. Призыву подлежали военнообязанные вплоть до 1890 года рождения, есть сведения и о призыве более старших возрастов вплоть до 1885 г.

Некоторые исследования позволяют предположить призыв в вооружённые силы и граждан вышедших из призывного возраста. Член военного совета 1-й гвардейской танковой армии Н. К. Поппель вспоминал, что в армии был сформирован целый батальон из ветеранов Первой мировой войны: *«В армии нет ни одной землеройной машины, ни одного погрузочно-разгрузочного механизма, их заменяют три сотни пожилых людей, ветеранов империалистической и гражданской войн — кладовщики, грузчики (они же и охранники) с длинными лопатами в руках. Это — герои народного ополчения, добровольцы, израненные в трёх войнах. Им предстоит совершить дело, которое в мирное время показалось бы просто невысказанным, невозможным.*

К нашему приезду «отцы» уже становились в строй. Их бравою выправке могли позавидовать лучшие мотострелковые части. Ещё бы! Кое-кого я знаю лично: вот тот высокий, седоусый, гладко причёсанный на пробор солдат — бывший рядовой Лейб-гвардии Семёновского полка; другой — широкогрудый, с чуть кривыми ногами — когда-то был лихим драгуном. Есть тут и кирасиры, и гусары, а более всего, конечно, — обыкновенная пехота, «инфантерия», как её называли тридцать лет назад. Когда-то все они носили разную форму, разные погоны; теперь они советские солдаты, и лихо сдвинутые ушанки украшает маленькая звездочка»¹.

Генерал А. И. Еременко в своих воспоминаниях отмечал, что к зиме 1941/42 г. в армии появились целые соединения, укомплектованные солдатами старших возрастов: *«Личный состав армии в возрастном отношении, был неоднородным. Например, в 358-й стрелковой дивизии основную массу составляли солдаты от 32 до 36 лет, в 360-й — от 35 до 45 лет, в 21-й стрелковой бригаде — молодёжь в возрасте до 30 лет»².* Примечательно, что в ходе подготовки к опе-

¹ Поппель Н. К. Впереди — Берлин! — М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2001. С. 145.

² Еременко А. И. В начале войны. — М.: Наука 1965. С. 316.

рации (зимнее наступление 4-й ударной армии Северо-Западного фронта в январе 1942 г.) именно 360-я стрелковая дивизия получила наиболее сложную задачу и проявила себя наилучшим образом. Генерал А. И. Еременко в своих мемуарах не скупился на похвалы этому соединению: *«На правом фланге армии в это время 360-я стрелковая дивизия двигалась в невероятно трудных условиях полного бездорожья через непроходимый в буквальном смысле слова лес. Чтобы проложить колонный путь, приходилось рубить на одном километре до 1000 деревьев. Кроме того, глубокий (до 1 м) и рыхлый снег сильно затруднял движение технических средств. Особый интерес представляет марш 360-й стрелковой дивизии, которая за 12 дней прошла 135 км по сплошному лесному массиву со среднесуточным темпом 11 км, буквально прогрызая себе дорогу в густом лесу, утаптывая глубокий снег, укрепляя лёд на озерах и почти на руках таща за собой технику, что, естественно, ещё более затрудняло движение. 360-я стрелковая дивизия генерал-майора И. М. Кузнецова, наступая на крайнем правом фланге, обеспечила успех Торонецкой операции и захват Торонца»¹.*

Косвенным подтверждением предположений о возрасте солдат служит и анализ фотографий 1945 г. На фото солдат-победителей мы редко видим молодые лица. На нас смотрят зрелые мужчины 35–45 лет. Именно такой солдат освободил своё Отечество, именно он освободил Европу.

Таким образом, начиная с 1941 г., начал меняться социальный состав Красной Армии. На смену поколениям, воспитанным в советском духе, пришли люди, рождённые и воспитанные в Российской Империи. Само название Великой Отечественной войны для людей начала сороковых годов служило отсылкой к Первой мировой войне, которая в Российской Империи именовалась Второй Отечественной.

Это для них Сталин «воскрешал» образ великих предков, это для них он вводил погоны, для них заигрывал с Церковью. Это им было разрешено неслыханное: носить заслуженные в Первую мировую Георгиевские кресты и медали (с Царским профилем), ря-

¹ Еременко А. И. Указ. соч. С. 316.

дом с советскими наградами. Если предвоенная Красная Армия всячески подчеркивала отсутствие преемственности с дореволюционной русской армией, то в годы войны обращение к опыту прошлого стало повсеместным явлением. Явочным порядком в армии возродилось понятие «офицер», «офицерство». Если до войны официальным названием комсостава РККА было «красный командир», то, начиная с 1941 г., в документах всё чаще появляется слово «офицер», официально закрепленное в армии с 1944 г.

В этом же контексте можно рассматривать и реформу обмундирования советской армии, включавшую в себя возвращение близкой к дореволюционной системы знаков различия. Если до войны погоны сами по себе являлись символами контрреволюции, то теперь они заняли своё привычное место на плечах русских солдат и офицеров. Примечательно, как реагировали советские военнослужащие на введение погон и новой формы. Начальник оперативного отдела артуправления 64-й армии подполковник Сапфиров заявил: «... *Теперь упрекать старых (царских) офицеров не в чем и отношение к ним изменится, т.к. сейчас все будут офицерами. Только почему-то не прибавили слово «господин»*»¹. Ст. сержант Пелипко в беседе с красноармейцами заявил: «... *Я раньше служил в царской армии унтер-офицером. Откровенно говоря, в царской армии служить было лучше. Ладно, что в Красной Армии скоро будут новые порядки — обратно вводят погоны, а это значит, что коммунистам крышка. Вот уже открыли церкви и жизнь начнётся по-старому...*»². Особенно интересно то, что было немало военнослужащих, хорошо понимавших разницу между Императорской и Красной Армией, и полагавших, что многие представители последней недостойны носить погоны. Начальник отдела устройства оперативного тыла 24-й армии полковник Сорокин, при обсуждении вопроса о введении погон и поднятия в связи с этим авторитета комсостава сказал: «*По форме это хорошо, а по содержанию оно не будет иметь той силы, на что рассчитывают сейчас. Наш командир не имеет автори-*

¹ Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. — М.: Звонница-МГ, 2000. С. 389.

² Сталинградская эпопея. С. 392.

тета, как в старой армии. Поэтому этот шаг бессмыслен»¹. Инженер отдела связи 24 армии Белкин, беседуя о новых погонах, сказал: «Многие не понимают того, что старый офицер русской армии был культурнейший человек, а наши — это просто срамота»². Техник узла связи той же армии Герхенгорн, поддерживая высказанное Белкиным, заявил: «Можно без ошибки сказать, что это дело пустое. Многие погонов не хотят. Жаль, что многие будут опошлять их. Куда надеть погоны нашему командиру, когда он ходит рваный, грязный»³. Конечно, среди самих офицеров были и те, кто враждебно воспринял введение погон, не желая становиться «золотопогонниками». Но таких было явное меньшинство.

Старшие поколения, вливавшиеся в Красную Армию, значительно отличались от предыдущих. Воспитанные при Царе, они умели нести ответственность как за себя, так и за страну. Они прекрасно поняли какой враг пришёл на русскую землю, и независимо от отношения к советской власти были исполнены твёрдого стремления бить врага. Кавалер трёх боевых орденов, офицер-танкист А. К. Родькин вспоминал: «Честно говоря, воевать мне не хотелось, и, если бы можно было не воевать, я бы не воевал, потому что не в моих интересах было защищать эту советскую власть. Что ты удивляешься? Думаешь, что все “ура-ура” кричали? В сорок первом году моего дядю арестовали. В училище я узнаю, что он погиб где-то на Севере. Мне так обидно стало. Я даже бежать из училища хотел, но потом решил, что кремлевские негодяи приходят и уходят, а Родина всё же остаётся. Меня сильно задевало, что какая-то там немчурка дошла до Волги. Как это так?! Надо, как говорится, дать им по рогам. Так что я на фронте Родину защищал, а не советскую власть»⁴.

Младший сержант Д. Ф. Кузнечевский, трижды раскулаченный талантливый русский мужик, которого сталинская власть

¹ Сталинградская эпопея. С. 390.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Егоров Д. Н. Июнь 1941. Разгром Западного фронта. — М.: Яуза, 2008. С. 222.

загнала из Тюменской губернии в Бодайбо, будучи призванным в 1941 г., сказал жене: *«Я за эту власть воевать не буду. Сдамся в плен»*. Затем в течение 10 с половиной месяцев домой приходили его письма. В каждом из них росла ненависть к немцам, захватчикам и убийцам. Освобождая от врага Подмоскovie, Кузнечевский видел колодцы, наполненные убитыми деревенскими детишками, сожжённые дотла деревни, повешенных сельчан. Д. Ф. Кузнечевский пал смертью храбрых в апреле 1942 г. под Ленинградом. В последних его письмах он заверял родных, что *«будет до конца бить немецкую гадину»*¹.

А. И. Деревенец утверждал: *«обиженных и обездоленных в Советском Союзе было более чем достаточно, вспомнить хотя бы дикую бесчеловечную коллективизацию и раскулачивание, а ещё и “расказачивание”. А потом уничтожение “врагов народа” — честных и преданных Родине людей. Погибли миллионы невинных ни в чём людей. Однако чувство верности своей, хоть и жестоко обидевших этих людей, Родине оказалось выше незаслуженных обид и испытаний»*².

Сталин хорошо понимал, что поражение в войне означает его смерть, физическую и политическую, но то же самое понимал и русский народ, видя какие цели, преследуют нацисты и что они творят на оккупированных территориях. На допросе бывший адъютант начальника немецкого концлагеря «Дулаг-205» капитан В. Лянгхельд показал: *«В германской армии существовало убеждение: русские — неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России»*³. Наш народ смог на практике убедиться, что это был за новый порядок. Люди интуитивно осознавали, что крах сталинской власти будет крахом государства как такового, что неминуемо приведёт к уничтожению России. Народ в своём большинстве нашёл в себе мужество и мудрость забыть личные обиды и притеснения, полученные им от советской власти, и пошёл воевать за Родину, пони-

¹ Из устных воспоминаний В. Д. Кузнечевского. — *Прим. авт.*

² Цит. по: *Смыслов О. С.* Указ. соч. С. 175.

³ *Терещенко А.* Чистилище СМЕРШа. Сталинские волкодавы. — М.: ЭКСМО, 2011. С. 266.

мая, что ленины и сталины приходят и уходят, а она, Матушка-Россия, одна на все времена. Вековые, исконные, родные идеалы Святой Руси возродились в народе с невиданной силой, захватили ум и сердца подавляющего большинства наших солдат и офицеров. Это, кстати, хорошо понял и Сталин, который как-то сказал американскому послу А. Гарриману: *«Мы хорошо понимаем, что они [советские люди] воюют не за нас, а за свою Матушку-Россию»*¹.

Приход старших поколений способствовал и повышению стойкости войск, с учётом психологического и мировоззренческого факторов. Важной частью подготовки солдата к войне и к бою является подготовка его к возможной смерти. В Российской Императорской армии мотив возможной и почётной смерти в бою рассматривался в религиозном контексте, как смерть за веру Православную, Царя и Отечество, как уподобление в смерти Христу. Основной принцип отношения к смерти чётко выражен в солдатской песне середины XIX в.: *«Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов»*. Смерть в бою считалась вероятной, более того — практически неизбежной. Солдат Царской армии шёл в бой умирать: *«Мы смело на врага за Русского Царя на смерть пойдём вперед своей жизни, не щадя»* (Песня Павловского юнкерского училища); *«За царя и за Россию мы готовы умирать»* (Солдатская песня); *«Марш вперед! Смерть нас ждет! Наливайте чары...»* (Песня Александрийского гусарского полка); *«Под ним умрёт драгун беспечный, сложивший голову в бою»* (Песня 12-го Стародубовского драгунского полка); *«Коль убьют на бранном поле, так со славой погребут, а без славы да неволей все когда-нибудь помрут»* (Песня Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка).

Такие песни приучали солдат к мысли о возможности смерти в бою, учили не бояться смерти, готовили к ней. В основе этой подготовки лежало православное учение о смерти и загробном мире. Воин русской армии воевал за Веру, Царя и Отечество, и смерть в бою рассматривал не только как воинский, но и как религиозный подвиг.

¹ Цит. по: *Решетников Л. П.* Указ. соч. С. 175.

Советское атеистическое мировоззрение всячески избегало темы смерти. В советских песнях погибали враги («летели на землю самураи», «несём победу Родине и смерть её врагам»), а герой неизменно оставался жив. Когда в 1941 г. поэт А. А. Сурков сочинил свою знаменитую «Землянку» («Бьётся в тесной печурке огонь»), песня вызвала критику политических органов армии, а в 1942 г. временно даже была запрещена к исполнению, так как в строчках *«до тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага»*, был усмотрен «упаднический момент». Поэт получил письмо от фронтовиков, возмущённых подобным запретом: *«Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, — мы-то ведь знаем, сколько шагов до неё, до смерти»*¹. Советская молодёжь, воспитанная в атеистическом духе, была оставлена идеологией один на один с неизбежным страхом смерти в бою, что тоже увеличивало потери.

Можно с уверенностью сказать, что русский народ заставил советское руководство поменять дух и цели войны. Из схватки двух идеологических тоталитарных систем она превращалась в схватку пусть и сокрытого под спудом православного Третьего Рима с оккультным Третьим рейхом. В этом заключается великий подвиг нашего народа и нашей армии. Они заставили коммунистический режим признать русские ценности, пусть на время, и пусть не искренне. Именно благодаря этому война приобрела другой характер, и мы стали побеждать. Оставленный Российской Империей демографический потенциал дал советскому руководству те самые людские ресурсы, которые позволили выдержать удар агрессора, заново создать армию, выстоять и победить. Когда мы говорим о солдатах-победителях 1945 г., мы должны помнить, что большинство из них родилось и получило воспитание во времена Российской Империи.

Это изменение характера войны сразу почувствовал и противник, который увидел в нём смертельную для себя опасность. Один из главных идеологов Третьего рейха рейхсминистр восточных ок-

¹ Сурков А. Как сложилась песня // Истра, 1941. — М.: Московский рабочий, 1975.

купированных территорий А. Розенберг писал в своём дневнике 1 сентября 1941 г.: *«Чтобы привлечь на свою сторону даже своих противников внутри страны, Сталин ищет увязку с хулимою до сего дня русской историей. Фильм о Петре Великом был первым признаком, за ним последовала драма о Кутузове! Тем более надо сделать все, чтобы навсегда предотвратить очередное сплочение всех народов и рас между Вислой и Владивостоком. Это представляется мне главной задачей моей восточной деятельности»*¹.

В духовном смысле Великая Отечественная война не является каким-то обособленным, исключительным событием в отечественной истории, хотя она и была самой кровопролитной и тяжёлой ее страницей. Она неразделимо связана со всем героическим прошлым нашей Родины. Один из бойцов писал жене из-под Сталинграда: *«Я часто вспоминаю слова Некрасова, что русский народ вынесет всё, что Господь ни пошлёт. Находясь в армии, ясно себе представляешь, что нет на свете той силы, которая смогла бы сломить нашу русскую силу»*².

Недаром в стихах К. Симонова отступление 1941 г. прочно ассоциируется с русскими «солдатами далёких походов, умерших грудью вперед», которые вынуждены отступать вместе с Красной Армией:

*В бело-зелёных мундирах,
Павшие при Петре,
Мёртвые преображенцы
Строятся молча в каре.
Плачут седые капралы,
Протяжно играет рожок,
Впервые с Полтавского боя
Уходят они на восток.
Из-под твердынь Измаила,
Не знавший досель ретирад,*

¹ Политический дневник Альфреда Розенберга. 1934-1944 г. — М., 2015. С. 322.

² Сталинградская эпопея. С. 265.

*Понуро уходит последний
Суворовский мёртвый солдат.
Гремят барабаны в Карпатах,
И трубы над Бугом поют,
Сибирские мертвые роты
У стен Перемышля встают.*

Примечательно, что Симонов упоминает не только героев Полтавы и Измаила, но и героев Перемышля 1915 года, то есть героев той войны, которую большевики иначе как «империалистической» не называли, и упоминание о которой в положительном аспекте рассматривалось как контрреволюционная пропаганда.

Подавляющая часть воюющего народа не отделяла себя от русских корней. Не случайно именно тогда появляются стихи Константина Симонова: «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...», в котором есть такие строки:

*Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.
По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.*

Поэт выражает радость, «что русская мать нас на свет родила, / Что, в бой провожая нас, русская женщина / По-русски три раза меня обняла».

Русские могилы, русские кресты, русская земля, русская мать, русская женщина — всё это были слова той, уничтоженной, казалось навсегда, России, за которые расстреливали, ссылали, сажали в лагеря, той России, которая внезапно воскресла и ударила по завоевателю. К концу войны от Красной Армии образца 1941 г. не осталась и следа. Войну выиграла армия, одетая практически в царскую форму, благословляемая Святейшим Патриархом, вдох-

новляемая «образом наших великих предков». В форму красноармейца, по сути был одет старый царский солдат, со своими традициями, опытом и умением вести бой. Этот солдат встретился со своим старым врагом—германцем, которого ему не дали добить в далёком 1917 г. Как и 25 лет назад германец стремился поработить Россию, и поэтому его надо было разбить, во что бы то ни стало. А ленины, сталины и прочие, становились для этого старого солдата чем-то второстепенным, главное было разбить врага, и русский солдат бил его и бил крепко, давая пример молодым безусым паренькам как надо воевать. В результате Красная Армия, одетая в русскую форму, но со звездой в кокарде, стала Армией-Победительницей, а так называемая «Русская Освободительная Армия», одетая в немецкую форму, но с русской кокардой — стала подразделением предателей.

Были учреждены правительственные награды: ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова — в честь глубоко верующих, жертвенно служивших Церкви и Родине людей, двое из которых являются православными святыми. С 40-х годов XIX в. в русской армии священной традицией считалось начинать вечернюю переключку именами героев, навечно зачисленных в списки части за геройские подвиги. В годы Великой Отечественной войны традиция была возрождена. Так, приказом наркома обороны от 8 сентября 1943 г. Герой Советского Союза Александр Матросов был зачислен навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского стрелкового полка, а части было присвоено его имя¹.

Коренным образом изменились и военные операции советских войск. Они получили имена великих сынов России: «Кутузов», «Багратион», «Суворов», «Румянцев». Итоги операции «Багратион», в результате которой была освобождена Белоруссия, Восточная Польша и часть Прибалтики, совсем не походили на итоги боев 1941-1942 и даже 1943 г. В ходе наступательной операции, начатой в районе, откуда противник никак не ожидал уда-

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943—1945 г.). Т. 13 (2—3). — М.: Терра, 1997. С. 199.

ра, наши войска потеряли 158 507 убитыми и ранеными, тогда как обороняющийся противник потерял около 500 тыс. убитыми, ранеными и 158 480 пленными. Настоящим чудом и одновременно образцом военного искусства является Яско-Кишинёвская операция, в ходе которой была полностью разгромлена группа армий «Юг», освобождена Молдавия и Южная Украина, выведена из войны Румыния. За всё время боев наши войска потеряли 12,5 тысяч человек убитыми и 53 933 ранеными¹, тогда как противник — убитыми, ранеными и пленными 343 600 чел.².

Штурм Кёнигсберга, превращенного немцами в неприступную крепость, был завершён нашими войсками в четыре дня с 6 по 9 апреля 1945 г. При этом войска 3-го Белорусского фронта маршала Советского Союза А. М. Василевского потеряли 3700 убитыми, пропавшими без вести 215, ранеными 13 177 чел.³. Вермахт лишился 120 тыс. убитыми и пропавшими без вести, 194 тыс. — пленными (в том, числе 1800 офицеров и генералов). Красная Армия полностью уничтожила более 25 вражеских дивизий.

Штурм столицы Третьего рейха, за которую нацисты обещали биться до последнего солдата, стоил нашей армии 27 649 убитыми и 108 611 ранеными⁴. Противник потерял более 480 тыс. убитыми, ранеными и пленными.

На последних этапах войны резко изменилось и число советских военнопленных. Если в 1942 г. их цифра равнялась 1 млн. 653 чел., в 1943 г. — 565 тыс. чел., то в 1944 г. она составила 147 тыс. чел., а в 1945 г. — 34 тыс. чел.⁵.

Немецкий генерал пехоты Г. Блюментрит, оценивая русского солдата, писал: *«Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата. Некоторые наши*

¹ Кривошеев Г. Ф. Указ. соч. С. 325.

² Кривошеев Г. Ф. Указ. соч. С. 325-326.

³ Кретицин Г., д. ист. н. Штурм Кёнигсберга в цифрах: Победили не числом, а умением // <http://www.kaliningrad.kp.ru/daily/25880.4/2843410/>

⁴ Исаев А. В. Берлин 45-го. — М: Яуза, Эксмо, 2007. С. 674.

⁵ Соколов Б. В. Цена Победы. — М., 1991. С. 36.

военачальники в течение всей Первой мировой войны находились на Западном фронте и никогда не воевали на Востоке, поэтому они не имели ни малейшего представления о географических условиях России и стойкости русского солдата, но в то же время игнорировали неоднократные предостережения видных военных специалистов по России»¹.

Говорят, Красная Армия в конце войны научилась воевать. Безусловно, в этом есть большая доля истины. Опыт трёх-четырёх лет тяжелейшей войны сделал своё дело. Но главное всё же заключалась не в этом, а в том, что верховным руководством в лице Сталина была провозглашена иная цель войны: война за своё Отечество, говоря традиционным русским языком за Русь-Матушку, а не за «отечество рабочих и крестьян», как твердили советские агитаторы до и в начале войны. Наша армия больше не воевала за «Третий Интернационал», за «Социалистическое Отечество», за «Дело мировой революции». Коминтерн был распущен, а со страниц газет исчез лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Его заменил ясный и понятый призыв: «Смерть немецким оккупантам!». Изменился и сам образ Верховного главнокомандующего: вместо невзрачного партийного функционера, одетого в серый френч, появился генералиссимус, облачённый в белый китель с золотыми погонами, который должен был напоминать армии и народу образ Царя, Божьего помазанника. Вождь понимал, что в такой страшной войне, армия не может идти в бой, не имея перед собой такого образа. Поэтому, если уж и говорить о вкладе Сталина в Победу, то в первую очередь, это вклад не настоящего, а мифического Сталина, который был необходим для большей части солдат и офицеров. Сам вождь это хорошо понимал. Однажды, отчитывая своего сына Василия, позволившего себе какие-то вольности, Сталин воскликнул: «Ты думаешь, что ты — Сталин? Ты думаешь, я — Сталин? Вот, он — Сталин», — и с этими словами вождь показал на собственный портрет, висящий на стене².

¹ *Блюментрит Г.*, генерал. Московская битва // Роковые решения. — М.: Воениздат, 1958. С. 64-65.

² Подробнее см.: *Мультатули П.* Какая дебольшевизация нужна России? // Православный Вестник // <http://orthodox-magazine.ru/articles/at566>

Вот этот «портретный» Сталин, возникший во время войны, продолжает довлеть над нашим народом. Малоцерковные или нецерковные люди воспринимают сталинские прагматические подходы к преодолению препятствий на пути достижения своих целей чуть ли не как свидетельство стремления Сталина к восстановлению исторической России. То есть «портретный» Сталин заключительного этапа Великой Отечественной войны, превращается в умах этих людей в «реального» Сталина, якобы наследника и продолжателя дела русских царей, каковым он никогда не был¹. Ради спасения своего режима и системы, Сталин был готов притворяться кем угодно.

Обращаясь к советскому народу 9 мая 1945 г. Сталин заявил: *«Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией»*². 2 сентября 1945 г. в связи с победой над Японией Сталин на словах признал Российскую Империю «нашей страной»: *«Свою агрессию против нашей страны, — заявил генералиссимус, — Япония начала ещё в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией ещё продолжались, Япония, пользуясь слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура»*. Далее Сталин напомнил, что Япония *«отхватила у России Южный Сахалин и утвердилась на Курильских островах»*. Эти захваты легли *«на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побеждённой и подписала акт безоговорочной капитуляции»*³.

¹ Решетников Л. П. Указ. соч. С. 110.

² Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. пятое. — М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил СССР, 1948. С. 193.

³ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 204-205.

Этим выступлением Сталин как бы причислял себя к тем, кто сорок лет назад мечтал о разгроме Японии, тактично забывая, что сам он состоял в партии, руководство которой получало деньги от японской разведки и вело среди русских солдат пораженческую пропаганду. Но Сталину в 1945 г. было выгодно причислять себя к русским патриотам, так как надобность в этих играх с его стороны ещё не отпала.

Глава 5. Конец сталинского «русского ренессанса»

«Благодарность» Сталина «великому русскому народу»

После войны Сталин, вынужденный воззвать в суровую годину германского нашествия к русскому патриотизму, спешил от него отмежеваться. Если в знаменитом сталинском тосте 24 мая 1945 г. на приёме высшего комсостава Красной Армии заявлялось, что *«руководящей силой»* в войне был русский народ, чьё *«доверие Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом»*¹, то уже в предвыборной речи 1946 г. вождь назвал совсем иные причины Победы: *«Наша победа означает прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность»*². О «руководящем» русском народе не было сказано ни слова.

В следующем 1947 г., когда в результате «гениальной» сталинской экономической политики от голода умерло свыше 1,5 млн представителей «руководящего» народа³, вождь и его клика поспешили отменить празднование Дня Победы, который стал обычным рабочим днем. 24 декабря 1947 г. изумлённые фронтовики и

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 196-197.

² Сталин И. В. Речь на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946. // Сталин И. В. Сочинения — М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 8.

³ Элман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. — М., 2005. С. 197-199.

весь советский народ узнали из газет, что «*во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года считать день 9 мая — праздник победы над Германией — рабочим днём*», а «*День 1 января — новогодний праздник — считать нерабочим днём...*»¹.

Так, великую жертву народа Сталин обменял на Деда Мороза со Снегурочкой. С каждым послевоенным годом воспоминания о Великой Отечественной войне становились все скромнее, глуше, а о «руководящей роли» русского народа не вспоминали вообще. Л. П. Решетников пишет по этому поводу: «*Несмотря на слова Сталина “о русском народе”, интересы самого русского народа учитывались вождём меньше всего. Сталин был сторонником построения сильного государства, но в нём не было места русским как государствообразующей нации, носителю её духа, полностью исключалась составляющая её души — Православие и церковность*»².

Первым делом Сталин избавился от наиболее патриотичных, в старом русском смысле этого слова, солдат и офицеров, демобилизовав их из армии в первую очередь. В период с июля по 30 ноября 1945 г. в первоочередном порядке были демобилизованы 1 671 923 военнослужащих, родившихся с 1883 по 1905 г.³

В 1946 г. сталинская власть начала в Москве и других крупных городах Советского Союза охоту за безногими и безрукими инвалидами Великой Отечественной. Считалось, что они «портят» вид советских городов. Брали тех, у кого не было родственников, кто не хотел нагружать своих родственников заботой о себе или от кого эти родственники из-за увечья отказались. Те, которые жили в семьях, боялись показаться на улице без сопровождения родственников, чтобы их не забрали. Те, кто мог — разъезжались из столицы по окраинам СССР, поскольку, несмотря на инвалидность, могли и хотели работать, вести полноценную жизнь⁴. Инва-

¹ *Известия*, 24 декабря 1947 г. — №302 (9524).

² *Решетников Л. П.* Указ. соч. С. 184.

³ ЦАМО РФ. Ф. 13 «А». Оп. 276. Д. 48. Л. 142.

⁴ См.: История инвалидов Великой Отечественной войны, которых сослали на Валаам за «убогий вид» // <http://www.msktambov.ru/best/dedyvoevali-govorite-smotrite-chto-oni-poluchili-ot-vlasti/>

лидов ссылали на остров Валаам, святыню Русской Православной Церкви, разорённую коммунистами. В 1950 г. по указу Верховного Совета Карело-Финской ССР на Валааме в монастырских зданиях разместили «Дом инвалидов войны и труда». Валаам был не одним, но самым известным из десятков мест ссылки инвалидов войны. Их собирали за одну ночь со всего города специальными нарядами милиции и госбезопасности, отвозили на железнодорожные станции, грузили в теплушки типа ЗК и отправляли в эти самые «дома-интернаты». У инвалидов отбирали паспорта и солдатские книжки — фактически их переводили в статус ЗК. Сами интернаты также были в ведомстве МВД.

Так же в «благодарность» русскому народу, своей кровью купившему свободу своей Родины и завоевавшему Восточную Пруссию и Мемельскую область, Сталин в 1944-1946 г. передал исконный русский город Белосток Польше, Мемель (Клайпеду) — Литве, ей же он дважды передал (в 1939 и 1945 г.) и русско-польское Вильно — (Вильнюс). Отрицательные последствия этой сталинской геополитики Россия ощущает до сих пор. После Победы 1945 г. Сталин не предпринял никаких попыток уничтожить страшное ленинское наследие в виде «советских республик», имеющих право выхода из состава СССР. Это была мина замедленного действия под русскую государственность, которая сработала в августе 1991 г.

Возобновление гонений на Русскую Православную Церковь

В 1947-1948 г. начинаются новые гонения на Русскую Православную Церковь, сыгравшую столь важную роль в Победе 1945 г. Здесь нужно развеять ещё один миф, весьма популярный у современных поклонников Сталина. О том, что якобы при нём был осуществлен церковный «ренессанс», открывались церкви и т.д. На самом деле так называемый сталинский «ренессанс» был вынужденной уступкой режима подавляющей части русского народа, которая оставалась верующей. Кроме того, оказалось, что Русская Православная Церковь, несмотря на все большевистские

гонения, на «пятилетки безбожия», на массовые убийства и аресты священнослужителей, сохранила свой авторитет в народе, перед которым 22 июня 1941 г. выступил не Сталин, а патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский): *«Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, учёным, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника. Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг»¹.*

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 г. Сборник документов / сост. Лыкова Л. А. — М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2009. С. 38-39.

7 ноября 1941 г., через пять с лишним месяцев после выступления митрополита, Сталин фактически перескажет его речь. Патриотическая позиция занятая Церковью с самого начала войны, прямое и четкое определение ею характера войны как Отечественной, призывание к помощи великих русских святых (Александра Невского, Димитрия Донского) не могло не вызвать духовного подъема среди верующих, которых, как мы говорили, было большинство в Красной Армии, не могло не поставить большевистское руководство в щекотливое положение. Продолжать в таких условиях открытые гонения Церкви Христовой, означало отвернуть от себя миллионы людей, что было крайне опасно, в условиях всеобщего поражения на фронтах. При этом к 1939 г. организационная структура Русской Православной Церкви была практически разгромлена вследствие жесточайшего открытого террора со стороны сталинского режима. Накануне немецкого нападения на СССР на своих церковных постах находилось только четыре архиерея — митрополиты: патриарший местоблюститель Сергей (Страгородский), Ленинградский Алексей (Симанский), экзарх западных областей Украины и Белоруссии Николай (Ярушевич) и посланный в Прибалтику экзархом Сергей (Воскресенский) или Сергей-младший. Весь остальной русский епископат был либо расстрелян, либо находился в лагерях, тюрьмах и ссылках. Из 78 тыс. храмов и часовен, действовавших в Российской Империи до революции, к этому времени осталось по разным оценкам от 121 до 350-400.

Нацистские власти относились к возрождению в России церковной деятельности, руководствуясь указаниями Гитлера: *«Во всех случаях необходимо запрещать устройство единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий. Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге.*

Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие

единицы». При этом Гитлер был уверен в том, что церковные организации необходимо использовать для управления «покорёнными народами»¹. Согласно директивам министра оккупированных восточных территорий, А. Розенберга, были намечены основные принципы религиозной политики Германии на занятых землях: 1. Религиозным группам категорически воспрещается заниматься политикой. 2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен особенно строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения в применении к Православной Церкви не должны были выходить за границы одной епархии. 3. Религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей². Начальник РСХА обергруппенфюрер СС Р. Гейдрих указывал 16 августа 1941 г.: *«О поощрении Православной Церкви не может быть и речи. Там, где население занятых областей советской России желает религиозной опеки, и там, где без содействия германских властей имеется в распоряжении священник, можно допускать возобновление церковной деятельности. Ни в коем случае, однако, с германской стороны не должно явным образом оказываться содействие церковной жизни, устраиваться богослужения или проводиться массовые крещения. О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи»*³.

Однако, несмотря на эти директивы и указания нацистских вождей, германские военные власти не только не мешали открытию православных храмов, но часто помогали возобновлению церковной жизни на оккупированных областях. Сотрудники советской фронтовой разведки, побывавшие на оккупированной территории,

¹ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х томах. — М.: Наука, 1973. Т. I. С. 62-72.

² *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. — Париж, 1977. С. 510.

³ Цит. по: *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. — М.: Вече, 2007. С. 136.

докладывали о массовом открытии храмов немецким командованием. Так, в докладе одного из разведчиков, побывавшего на оккупированной территории Харьковской области с 15 по 22 декабря 1941 г., говорилось: «Немецкое командование особое внимание обращает на работу церквей. В ряде сёл, где не разрушены церкви, они уже работают — в с. Введенка и в г. Харькове. В сёлах, где они разрушены, дан приказ старостам немедленно подобрать помещение и открыть церкви»¹. За два года на оккупированных территориях германским командованием было открыто около 10 тысяч храмов, 60 монастырей (45 на Украине, 6 — в Белоруссии и 8-9 — в РСФСР)².

Открытие храмов и монастырей давало возможность нацистам утверждать, что они несут освобождение народам бывшего СССР от сталинской атеистической тирании. Действительно, открытие храмов вызывало большой положительный отклик среди верующих людей на оккупированных территориях, на Украине, в Белоруссии и Центральной России. Всё это работало на руку вражеской пропаганде. В этих условиях Сталин пошёл на формальное перемирие с Церковью. Этот вынужденный шаг, означавший, что Церковь в чудовищном противостоянии с безбожным режимом, ставившим цель истребить её, выстояла и победила, часто преподносится неосталинистами чуть ли не как «покаяние» Сталина, кардинальное изменение его отношения к Церкви. Этими же силами распространяются лживые мифы о том, что Сталин якобы в ноябре 1941 г. посещал блаженную Матрону Московскую, «тайно» (!) молился в Кремле, принял «тайный» постриг с именем «Георгий» и т.п. Разумеется, никакого фактического материала не приводится. Подлинные же исторические факты неопровержимо свидетельствуют, что так называемый сталинский православный «ренессанс» был всего лишь тактическим ходом, от последствий которого хитрый и двуличный диктатор постепенно, но неуклонно отказывался весь послевоенный период.

¹ Шкаровский М. В. Крест и свастика. С. 138.

² Шкаровский М. В. Разделяй и властвуй. Политика нацистской Германии и Русская Православная Церковь на оккупированных территориях // НГ Религии, 19 ноября 2003 г.

У Сталина хватило ума не закрывать, во всяком случае сразу после освобождения, храмы, открытые при немцах. Хотя, уполномоченный по делам Русской Православной Церкви полковник госбезопасности Г. Г. Карпов уже в 1944 г. рекомендовал закрыть 40 храмов в Краснодарском крае, в то время, когда верующие ходатайствовали об открытии еще 55 храмов. Из этих ходатайств было удовлетворено только 6, а 2 направлены в Совет с одобрением местных властей. Уполномоченный спрашивал у Совета разрешения закрывать храмы в районах, где их числится три или больше и, наоборот, открыть по одному храму в тех 13 районах области, где нет ни одного действующего. Изучение архивов показывает, что даже в самые лучшие для Церкви годы, а именно 1943-1948 гг., удовлетворялись лишь 10 % ходатайств верующих об открытии храмов, и то процесс от подачи ходатайства до его исполнения занимал нередко до трёх лет¹.

Политика открытия новых церквей и тем более монастырей была фактически сразу же сведена к минимуму. Открывались только те храмы и монастыри, которые были нужны Сталину для политических или пропагандистских целей. Так, в 1947 г. вождь, который несмотря на своё неоконченное семинарское образование, очень слабо разбирался в духе и цели Православия, решил использовать Русскую Церковь для создания подвластной ему мировой структуры. Летом 1948 г. в Москве собралось Всеправославное Собрание, которое в подготовительных документах именовалось «Вселенским Собором». Сталин стремился объединить весь православный мир вокруг Московской Патриархии и официальной Москвы. Подготовка к Всеправославному Собранию велась с большевистским размахом: на идеологии советское руководство никогда не экономило. Планировалась передача Иерусалимской, Сербской, Антиохийской и Александрийской патриархиям подворий в Москве, Киеве и Ленинграде. Главы Константинопольской, Кипрской, Греческой, Албанской и Сербской церквей должны были получить замаскированные под крупные пожертво-

¹ См.: *Поспеловский Д.* Как Сталин Церковь возрождал // НГ Религии, 11 апреля 2002 г.

вания персональные подарки в валюте. Московской патриархии пообещали передать все здания Свято-Троице-Сергиевой лавры и собор в Новодевичьем монастыре. От участников церковного форума требовалось, во-первых, образовать единый блок по борьбе с Ватиканом, а по сути, с идеологическим влиянием Запада; во-вторых, признать «руководящую и направляющую роль» Московской патриархии в деле объединения всего православного мира. Для этого Московская патриархия должна была получить титул «Вселенской», потеснив патриархию Константинопольскую с её почти тысячелетним вселенским титулом. Если бы Сталин обладал историческим чутьём и православным сознанием, он, конечно, никогда не пошёл бы на такую авантюру. Но вождь предавал крайне небольшое значение религиозному аспекту в жизни народа и общества. Отсюда его остроумный, но весьма для него характерный ответ на слова Черчилля о необходимости считаться в польском вопросе с папой римским: «*О! Папа! И сколько у него дивизий?*»¹. Вождь никак не мог понять, что «дивизиями» нельзя сделать Русскую Церковь иерархически выше других православных церквей, что это не только вызовет их закономерный протест, но и будет противно духу Христовых Заповедей. Ведь Спаситель сказал апостолам: «*Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою*» (Мк. 9:35). Естественно, что план «Вселенского Собора» потерпел полный крах. Вселенский Патриарх не захотел отказываться от своего древнего титула, против верховенства Московской Патриархии выступил и Первоиерарх Элладской Церкви. В ноябре 1948 г. новым Константинопольским (Вселенским) Патриархом был избран архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, который на собственной интронизации призвал к сотрудничеству христиан и мусульман в борьбе с коммунизмом. Сталин понял, что мирными методами православную монополию не поддержать.

Сразу же после того, как Сталин разочаровался в своей безумной идее превратить Москву в «православный Ватикан», нача-

¹ *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. — М.: ДЭМ, 1993. С. 328.

лись новые притеснения Церкви, а затем и новые репрессии в отношении православного духовенства и верующих. Ещё в 1945 г. делаются первые попытки властей прижать Церковь. Первые конкретные известия о закрытии храмов в Белоруссии появляются в 1947 г. Одновременно в советской печати начинается и травля отдельных священников, особенно находившихся под немецкой оккупацией. Вождь советовал своему выдвиженцу в области идеологии М. А. Сулову *«не забывать об атеистической пропаганде среди народа»*. В июле 1947 г. было создано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний», естественно, на основе материализма¹. 25 августа 1948 г. под давлением сталинских властей Священный Синод вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне богослужений, печатания в епархиях без разрешения Синода акафистов, посланий епископов, недопустимости разъездов архиереев в период сельских работ, запрещении всяких молебствий на полях и т.д.

10 августа 1948 г. распоряжением Совета Министров, подписанным в качестве заместителя председателя К. Е. Ворошиловым, разрешалось открыть 28 православных храмов. Однако 28 октября Совет министров постановил отменить распоряжение под предлогом того, что оно не было подписано председателем этого органа И. В. Сталиным. Несомненно, что инициатива этой отмены исходила от него самого. Решение ЦК ВКП(б) по данному вопросу было разослано всем местным партийным организациям, вслед за чем последовало насильственное закрытие только что открытых церквей. Вплоть до смерти Сталина ни один новый православный храм официально разрешён не был. Более того, для конца 1940-х — начала 1950-х гг. характерно массовое изъятие церковных зданий для их переоборудования под клубы. 16 ноября 1948 г. Синод вынудили принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей.

¹ *Шкаровский М. В.* Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943-1945 г. // Acta Slavica Iaponica, Tomus 27. PP. 1-27.

Значительно участились случаи арестов наиболее активных священников и архиереев. Например, в сентябре 1948 г. был в седьмой раз репрессирован архиепископ Мануил (Лемешевский), а в 1949 г. осудили на 10 лет епископа Красноярского только за то, что он «спровоцировал» дочку коммунистки «*”преподнести от имени пионеров” торт приехавшему в город митрополиту Новосибирскому Варфоломею*»¹. В апреле 1950 г. был арестован и осуждён на семь лет строгого режима иерей Иоанн (Крестьянкин), будущий великий старец Псково-Печерской лавры. Одновременно идёт все более заметное закрытие храмов. Так, по отчёту Совета по делам Русской Православной Церкви за 1950 г. было закрыто 247 храмов на Украине, 106 в РСФСР (в западных областях, бывших под оккупацией), 29 в Белоруссии и 16 в Молдавии. Общая численность действующих православных храмов в СССР упала с 14,5 тыс. в начале 1949-го до 11,5 тыс. на 1 января 1951 г.². Так что легенды сталинистов о том, что при Сталине произошел церковный «ренессанс», не выдерживают критики. Очевидно, что не умри вождь в марте 1953 г. «хрущевские» гонения на Церковь вошли бы в историю как очередные «сталинские».

Однако никакие репрессии вождя и его приспешников не могли погасить то пламя религиозного чувства, благодарности Богу за спасение Родины и сохранение собственной жизни, которое вспыхнуло с новой силой в сердцах многих фронтовиков. Известный общероссийский старец архимандрит Кирилл (в миру Иван Дмитриевич Павлов) пришёл к вере в вымершем и выжженном Сталинграде. Среди завалов и трупов он нашёл обгоревшую, с оборванной обложкой книгу. Как вспоминал потом сам отец Кирилл: *«Стал читать её и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие. Я нашёл для себя такое сокровище, такое утешение!.. Собрал я все листочки вместе — книга разбитая была,*

¹ Шкаровский М. В. Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943-1945 г. // Acta Slavica Iaponica, Tomus 27. PP. 1-27.

² Поспеловский Д. Как Сталин Церковь возрождал // НГ Религии, 11 апреля 2002 г.

и оставалось то Евангелие со мною всё время. До этого такое смущение было: почему война? Почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь... Я шёл с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся». Когда перед Павловым поставили вопрос о вступлении в партию, он спокойно ответил: «Нет, не могу по религиозным убеждениям». Все свои боевые награды гвардии сержант Иван Павлов получил беспартийным. Вернувшись в 1946 г. в Москву, он сразу же отправился в Елоховский собор — узнать, как стать священником. Окончил духовную семинарию и Московскую духовную академию. О Великой Отечественной войне отец Кирилл говорил: «Эта Великая страшная Отечественная война, конечно, явилась следствием попуска Божия за наше отступление от Бога, за наше моральное, нравственное нарушения закона Божия и за то, что пытались в России покончить с религией, с Верой, с Церковью. Не случайно перед самой войной все храмы были закрыты. Их к тому времени осталось на Руси совсем небольшое количество. У противников Церкви была именно такая цель — вообще всё уничтожить...

Господь провидел эти планы, и чтобы не попустить их осуществление, Он попустил Войну. Не случайно. И мы видели, что война действительно обратила людей к вере, и правители совсем по-иному отнеслись к Церкви»¹.

Другой герой Великой Отечественной, ставший подвижником Веры Православной архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов), в тяжёлые годы хрущёвских гонений стал наместником Псково-Печерского монастыря. Прошёл боевой путь от Москвы до Берлина в составе 4-й танковой армии. За личное мужество был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и орденом «Красной звезды». Когда во время хрущёвских гонений на Церковь наместнику принесли бумагу с официальным приказом закрыть монастырь, архимандрит Алипий бросил её в огонь и предупредил, что монастырь закрыть не позволит: «У нас две трети братии — фронтовики. Займём кру-

¹ Гвардии сержант Павлов // <https://fonding.ru/archives/1279>

говую оборону». Штурмовать монастырь партийные чиновники не решились.

Сергей Михайлович Извеков (будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен) был призван на фронт уже будучи иеромонахом. После окончания командирских курсов Извеков был направлен на передовую. Боевое крещение принял в мае 1942 г. на Южном фронте в печально известной Харьковской операции, в ходе которой в окружение попали целые армии, а потери составили 270 тыс. чел. Полк, где воевал будущий Патриарх, находился под ураганным огнём противника. В полку знали, что среди солдат есть иеромонах, и солдаты, уже не боясь ничего, кроме смерти, падали в ноги и просили: «Батя, помолись, куда идти?». У Извекова была спрятана икона Божьей Матери, и он слезно молился Ей о спасении. По солдатскому преданию, икона вдруг ожила, и Пречистая указала рукой направление, куда надо идти на прорыв. Так, полк спасся из окружения.

Эпилог

Ни одна страна, ни один народ не знает таких великих и славных побед, какие одерживала в своей истории Россия. Все попытки великих завоевателей установить мировое господство заканчивались в бесконечных русских просторах.

В бессмертной суворовской «Науке побеждать» были заложены основные заповеди русского воина: *«Всё начинайте с благословения Божия и до издыхания будьте верны Государю и Отечеству»; «Молись Богу! От Него Победа!»; «Сам погибай, а товарища выручай!»; «Святой Храм — Твердыня, доблестям неодолимая! Что дерево без корня, то почитание ко власти земной без почитания ко Власти Божией: воздай честь Небу, а потом земле»*¹. Эта суворовская наука касалась каждого русского солдата, начиная от Государя и заканчивая последним стрелком.

Император Пётр Алексеевич в приказе перед Полтавской баталией сформулировал мировоззрение русского человека на войне: *«Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за Православную нашу веру и Церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе»*. То есть: думай, прежде всего, о Боге, Отечестве и о своем народе, за них будь готов с радостью сложить голову и не бойся врага, каким бы страшным он ни казался.

Император Александр I Благословенный после изгнания Наполеона из России в своем манифесте утверждал: *«Господь шёл впереди нас. Он одержал победу»*.

¹ Суворов А. В. Наука Побеждать (с рисунками великого полководца А. Суворова). Репринтное издание. — М., 1996. С. 15.

Освободитель Болгарии от османского рабства Император Александр II повелел на медали в честь победоносного окончания войны начертать слова из Псалтири: «Не нам, не нам, а Имени Твоему!».

В 1941-1945 г. глава богоборческой власти не мог и не хотел сказать ничего подобного¹. Но за него это сделал 9 мая 1945 г. Святейший Патриарх Алексий I. Обращаясь к пастве, он сказал: «*Православная Русь, после беспримерных бранных подвигов, после неимоверного напряжения всех сил народа, вставшего как один человек на защиту Родины и не щадившего и самой жизни ради спасения Отечества, — ныне предстоит Господу сил в молитве, благодарно взывая к Самому Источнику побед и мира за Его небесную помощь в годину брани, за радость победы*»².

Это же православное чувство, несмотря на богоборческую власть, охватило Победителей в Великой Отечественной войне. 6 мая 1945 г., день святого Георгия Победоносца, совпал с Пасхой Христовой. Народ заполнил немногочисленные храмы России. Молились все: молодые и старые, мужчины и женщины, гражданские и военные: «*Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ!*». В том победном мае эти слова пасхального песнопения звучали с особым смыслом. Многие фронтовики и труженики тыла тогда видели в победе проявление Божественного чуда. Ведь четыре года назад враг уже стоял на окраине Москвы, в районе Химок. По прямой до Кремля около 21-22 км. Столицу прикрывали немногочисленные силы красноармейцев, НКВД и милиционеров, большинство номенклатурной и партийной «элит» в панике бежало из города, а немцы не двигались, словно ждали, когда подойдут свежие советские дивизии и нанесут по ним удар.

Это вмешательство Свыше было настолько очевидно, что многие и молитвы вспомнили, и креститься перестали бояться. На передовой, перед лицом смертельной опасности, среди солдат, в

¹ Решетников Л. П. Указ. соч. С. 112.

² Патриарх Московский и Всея Руси Алексий. Слово в День Победы 9 мая 1945 года // Журнал Московской Патриархии, 1945, №5.

большинстве простых крестьянских парнишек, быстро нашлись умельцы, которые из стреляных гильз стали делать православные нательные крестики¹. Советская власть была вынуждена прекратить жестокие гонения на Церковь, выпускать священнослужителей из заключения, открывать храмы и монастыри. Всё это явилось свидетельством того, что широкие слои народа всколыхнулись духовно и обратились душой к Богу. Фактически значительная часть нашего народа вышла на прежний, дореволюционный уровень понимания смысла великих событий, сакрального, Божественного смысла.

Накануне снятия блокады Ленинграда информаторы НКВД сообщали, что среди части населения имели место «религиозные высказывания», сводящиеся к тому, что перелом в войне наступил из-за «союза с Богом» и того, что «*вся Церковь стала молиться за Красную Армию*». Уверенность в новой роли Церкви заходила у части населения так далеко, что агитаторам задавались вопросы об оплате государством труда священников, о предоставлении им права участвовать в выборах в Советы, а также о помощи государства в восстановлении церквей. В конце июня 1944 г. религиозные настроения проявлялись даже среди учителей, особенно пожилого возраста, которые заявляли, что «*теперь советское правительство работает вместе с церковными организациями*», что «*ни о какой антирелигиозной пропаганде не может быть и речи*», что «*очень многие вновь начали ходить в Церковь, и в этом нет ничего плохого*»².

В середине 1944 г. на заседании ленинградского партактива признавалось, что в условиях войны часть населения пришла к убеждению, что коммунизм и религия вполне могут уживаться друг с другом, что «*скоро наступит пора, [когда] и коммунистам можно будет ходить в церковь*». Более того, изменение политики

¹ *Протоиерей Александр Ильяшенко. Церковная риторика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны // Православие и мир, 14 апреля 2015 // <http://www.pravmir.ru/tserkovnaya-ritorika-v-sovetskom-soyuze-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi/>*

² *Ломагин Н. А. Указ. соч. С. 337-338.*

советского государства в вопросе отношений с Церковью были восприняты частью коммунистов «всерьёз и надолго».

Ещё одно усилие и началось бы религиозное возрождение. Но это усилие должно было быть инициировано сверху, руководством, вождём, что оказалось невозможным в принципе¹. Ещё в ходе войны партийная верхушка и НКГБ² были крайне обеспокоены ростом религиозного пробуждения народа. В том же Ленинграде в январе 1945 г. в справке заместителя начальника УНКГБ ЛО подполковника госбезопасности М. Ф. Швыркова на имя первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) А. А. Кузнецова отмечалось, что «*в результате слабой деятельности культурно-просветительных учреждений и недостатков в постановке политико-воспитательной работы за последнее время заметно увеличилась посещаемость церквей*»³. Особую обеспокоенность чекистов вызывало то обстоятельство, что по сравнению с прошлым годом посещение церкви в воскресенье возросло почти в три раза и составляет около 17 тыс. человек. В среднем в течение недели в церквях бывает 23 — 25 тыс. человек. Свыше 10 % среди них составляет молодёжь, что четверо превосходило довоенный уровень. Проверкой УНКГБ было установлено, что за 3—4 ноября 1944 г. Никольский собор, Волковскую кладбищенскую и Большеохтинскую церкви посетили в общей сложности около 4 тыс. человек. За эти же дни в восьми культурно-просветительных и зрелищных предприятиях и учреждениях, находящихся в районах расположения этих церквей, побывали 5238 человек. Таким образом, всего чуть

¹ Решетников Л. П. Указ. соч. С. 180-181.

² Народный комиссариат государственной безопасности. Был создан постановлением ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 г., что противоречило высшему законодательству СССР. Подчинялся непосредственно ЦК и лично Сталину. С началом войны, 27 июля 1941 г. НКГБ был объединён с НКВД. В 1943 г. — организован вновь. С введением в 1946 г. министерств был переименован в МГБ СССР. С таким названием просуществовал до 1953 г. — *Прим. авт.*

³ Ломагин Н. А. Указ. соч. С. 339.

более половины населения района наблюдения предпочитало «светские» мероприятия религиозным¹.

Швырков отмечал также увеличение количества крещения детей в церкви, особенно с середины 1944 г. По данным ЗАГС'а, за десять месяцев 1944 г. в городе родились 15 213 чел. За это же время, по имеющимся в УНКГБ данным, были крещены свыше 6 тыс. человек, значительную часть которых составляли дети в возрасте от 2 до 5 лет².

Крайне опасным в госбезопасности считали рост негативного отношения к идеологии правящего режима, которое проявлялось даже среди членов партии. Так, в «записке» Швыркова приводились слова члена партии, служащего палаты мер и весов: «...*Моё мнение — Церковь должна быть во враждебном состоянии с безбожным государством. Церковь должна нести людям мир и правду, а государство наше держится только на лжи и обмане, роль Церкви сдержать их*»³.

Великая Отечественная война — это великое самоотвержение, великая жертвенность, великий героизм. Но сегодня склоняясь перед великой народной победой, мы должны помнить и ту страшную цену какой она была оплачена. Из демографической ямы, образовавшейся в результате гибели почти 30 млн человек, мы не можем полностью выбраться до сих пор. Ответственность за эти жертвы, прежде всего, лежит на агрессоре, нацистской Германии и её европейских приспешниках, организаторах и исполнителей геноцида нашего народа. Но мы также не должны забывать и о той высокой степени ответственности, которая лежит на советском руководстве того времени, его преступном отношении к человеческой жизни, присущем большевистско-сталинской государственной машине. Это, конечно, полностью отделяет её от Русской Православной цивилизации⁴.

Соединяет же с ней наш народ жертвенная любовь к Родине, которую он в целом пронёс через весь советский период. Великая

¹ Ломагин Н. А. Указ. соч. С. 339.

² Там же.

³ Ломагин Н. А. Указ. соч. С. 341.

⁴ Решетников Л. П. Указ. соч. С. 180.

Отечественная война доказала, что в народе жива заповедь Спасителя: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя». (Ин. 15, 13). Опять-таки как точно чувствовали суть подвига советских бойцов люди традиционной России! Анна Ахматова писала в стихотворении, посвящённом нашим воинам, снявшим блокаду Ленинграда:

*Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть.
Так советская шла пехота
Прямо в жёлтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!*

Именно эти «незатейливые парнишки», исполнившие, осознанно и не осознанно, великую евангельскую заповедь и есть главные герои, главные победители закончившейся 70 лет назад войны.

У Владислава Шурыгина есть такие строки: «Однажды мой отец высказал пронзительную и страшную мысль: “В главном параде в честь Дня Победы 24 июня 1945 года участвовало десять тысяч солдат и офицеров армий и фронтов. Прохождение парадных «коробок» войск продолжалось тридцать минут. И знаешь, о чем я подумал? За четыре года войны потери нашей армии составили почти девять миллионов убитых. И каждый из них, отдавших Победе самое драгоценное — жизнь! — достоин того, чтобы пройти в том парадном строю по Красной площади. Так вот, если всех погибших поставить в парадный строй, то эти «коробки» шли бы через Красную площадь девятнадцать суток...”». И я вдруг, как наяву, представил этот парад. Парадные «коробки» двадцать на десять. Сто двадцать шагов в минуту. В обмотках и сапогах, шинелях, “комбезах” и телогрейках, в пилотках, ушанках, “будёновках”, касках, бескозырках, фуражках. И девятнадцать дней и ночей через Красную площадь шёл бы этот непрерывный поток навших батальонов,

полков, дивизий. Парад героев, парад победителей. Задумайтесь! Девятнадцать дней!..».

Перефразируя Симонова, видится, как вслед за этими «коробками» идут петровские преображенцы, суворовские солдаты, герои Бородина, Севастополя, Шипки, Перемышля. Без их духовной молитвенной помощи, без их примера не могло быть и Великой Победы 1945 года. Не могло её быть и без молитвенного заступничества Верховного Главнокомандующего Русской Армии во Второй Отечественной войне, преданного и замученного Государя Императора Николая Александровича.

Гудериан признавал: одна из важнейших причин победы Красной Армии, заключалась в том, что *«Сталин счёл необходимым оживить старые традиции и напомнить о великих исторических примерах»*¹.

Вопреки советским идеологическим догмам, войну выиграла не Коммунистическая партия и не «передовой» социалистический строй. Её выиграл великий Русский Дух Победы, тот самый, что сокрушил Мамай на Куликовом поле, изгнал польских захватчиков из Кремля, заставил под Полтавой бежать сломя голову «непобедимого» Карла Шведского, а в 1812 г. развеял в прах Великую армию «непобедимого» Наполеона. Этот Дух защищал Севастополь, вёл русские полки под Плевной и Старой-Загорой, брал Перемышль и Эрзерум. Он же вёл нашу армию под Москвой, Сталинградом, Курском, Варшавой, Кёнигсбергом, Берлином и Прагой.

Русский военный историк А. А. Керсновский заметил: *«Стоило только какой-либо европейской армии претендовать на звание “первой в мире”, как всякий раз на своём победном пути она встречала неунывающие русские полки — и становилась “второй в мире”. Вот основной вывод нашей военной истории. Так было и так будет»*². Да, так было и так будет, пока наш народ живёт единым Духом и единой Традицией с героическими поколениями наших благочестивых предков.

¹ *Гудериан Г.* Опыт войны с Россией // Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. — СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. С. 134.

² *Керсновский А. А.* История Русской армии. В 4 т. — М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 332.

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Что получил Сталин от Российской Империи	13
Высокая численность населения	13
Промышленность и экономика	19
Командные кадры	31
Военно-морской флот	37
Военно-воздушные силы	39
Артиллерия	42
Глава 2. Причины поражений страшного лета 1941 года	44
Дипломатические поражения Сталина 1940-июнь 1941 г. ..	72
Крах политики умиротворения Гитлера.....	90
Глава 3. Гибель «Рождённой революцией»	100
Глава 4. Рождение Армии-Победительницы	144
Глава 5. Конец сталинского «русского ренессанса»	161
«Благодарность» Сталина «великому русскому народу»....	161
Возобновление гонений на Русскую Православную Церковь	163
Эпилог	174

Научное издание

Петр Валентинович Мультадули,
Александр Азизович Музафаров

Великая Отечественная война
Победа духа и традиции

Редакторы С.Э. Цветков, М.Б. Смолин
Художник Д.Е. Бикашов
Корректор М.А. Смолина

Подписано в печать 24.04.19.
Формат 60х90/16. Бум. офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 1000 экз. Заказ 4448.

Издательство М.Б. Смолина (ФИВ)
109028, Москва, Яузкая, 5. Тел. +7 916 457 6719
fondiv@mail.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14